
Валентина Кастер
Семь минут
Солнца
В городе, где солнце продают,
правда стоит дороже жизни

Валентина Клёстер

Семь минут солнца

«Автор»
2026

Клёстер В. В.

Семь минут солнца / В. В. Клёстер — «Автор», 2026

«СЕМЬ МИНУТ СОЛНЦА»*Валентина Клёстер*Сто сорок семь лет человечество живёт под землёй, веря, что поверхность смертельно опасна. Миром правят двенадцать вампирских домов, а солнечный свет стал роскошью, доступной лишь избранным.Семь минут солнца стоят целое состояние. Человеческая кровь — ещё дороже.После загадочной смерти матери инженер Лея Сольер получает необычное наследство: старинные часы, остановившиеся на 06:17, и право увидеть солнце всего на семь минут.Но один солнечный луч открывает тайну, способную уничтожить власть бессмертных.За стенами Ноктюрна существует мир, о котором людям запрещено знать.Чтобы вернуть человечеству свободу, Лее придётся раскрыть предательство собственной матери, бросить вызов двенадцати древним династиям и полюбить того, кого солнце способно убить.**Когда весь мир принадлежит ночи, даже семь минут света могут стать началом революции.**Уточнить природу тайны солнцаСвязать часы с главным конфликтом

© Клёстер В. В., 2026
© Автор, 2026

Валентина Клёстер
Семь минут солнца

Часть I. Наследство мёртвой женщины

Глава 1. Семь минут

«Самое страшное в темноте — не то, что ты ничего не видишь. А то, что однажды перестаёшь верить в существование света».

В Ноктюрне солнце стоило дороже человеческой жизни.

Лея Сольер узнала об этом в день, когда хоронила мать.

За тело Миры Сольер похоронное ведомство выплатило компенсацию в размере четырёхсот шестидесяти крон. За её смерть, признанную производственным несчастным случаем, государство добавило ещё двести.

Шестьсот шестьдесят крон.

Именно столько, согласно официальным документам, стоила жизнь женщины, проработавшей тридцать один год на обслуживании центральных зеркальных шахт.

Семь минут настоящего солнечного света стоили почти вдвое дороже.

Лея долго смотрела на эти цифры, напечатанные в нижней части свидетельства о смерти, прежде чем сложить бумагу пополам.

Потом ещё раз.

И ещё.

Пока лист не превратился в маленький белый прямоугольник, который можно было спрятать в кулаке.

— Гражданка Сольер?

Она подняла голову.

Перед ней стоял служитель похоронного ведомства — высокий, сутулый мужчина в серой униформе. На груди поблёскивал серебряный знак муниципальной службы.

— Церемония начинается через две минуты. Прошу пройти в зал.

Лея не ответила.

Мужчина посмотрел на её сжатую руку.

— Вам нехорошо?

— Нет.

— Тогда прошу вас соблюдать установленное время. После вашей церемонии запланированы ещё три.

Лея разжала пальцы.

Белый прямоугольник упал на каменный пол.

Служитель проследил за ним взглядом, но поднимать не стал.

— В Ноктюрне все равны перед смертью, гражданка Сольер.

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Правда?

— Разумеется.

— Тогда почему моя мать лежит в муниципальном зале, а лордов из Верхнего города хоронят под настоящим солнцем?

На мгновение лицо служителя изменилось.

Не от стыда.

От раздражения.

— Право на солнечное погребение определяется наследственным статусом семьи. Вы можете ознакомиться с положением в административном отделе.

— Я знакома.

— Тогда не понимаю вашего вопроса.

— Я тоже.

Она обошла его и направилась к дверям.

Похоронный зал находился на двадцать третьем подземном уровне.

Здесь всегда пахло холодным камнем, машинным маслом и цветами, выращенными без солнечного света.

Последние были искусственными.

Настоящие цветы стоили почти столько же, сколько хороший зимний плащ, а Лея не собиралась тратить остатки материнских сбережений на то, что завянет через несколько дней.

Зал был небольшим.

Двенадцать рядов деревянных скамей.

Тёмные стены.

Четыре высоких светильника с матовыми плафонами.

В центре — закрытый металлический гроб.

На крышке лежала узкая табличка:

МИРА СОЛЬЕР

2068–2136

СЛУЖИЛА ГОРОДУ 31 ГОД

Даже после смерти они написали о тебе только то, сколько ты работала, подумала Лея.

Она подошла ближе.

Провела пальцами по холодному металлу.

Ей хотелось увидеть мать.

Хотя бы в последний раз.

Но служащие объяснили, что после аварии в центральной зеркальной шахте тело не подлежало открытому прощанию.

«Повреждения несовместимы с церемониальным представлением».

Именно так было написано в заключении.

Лея ненавидела эту фразу.

Она звучала так, будто мать была неисправной деталью механизма.

— Ты опять ничего не ела?

Голос раздался за спиной.

Лея обернулась.

К ней приближалась Ада Вельт, её подруга и коллега по ремонтной мастерской.

Невысокая, крепко сложенная женщина с короткими светлыми волосами несла бумажный пакет.

— Принесла тебе хлеб, — сказала она. — И сыр. Настоящий. Не спрашивай, сколько он стоит.

— Ада...

— Если сейчас скажешь, что не голодна, я сделаю вид, что не услышала.

Лея попыталась улыбнуться.

Не получилось.

Ада положила пакет на скамью и взглянула на гроб.

Несколько секунд они стояли молча.

— Она была хорошим человеком, — наконец произнесла Ада.

Лея посмотрела на неё.

— Ты говоришь так, будто пытаешься убедить себя.

— Я пытаюсь найти слова, которые тебе помогут.

— Не надо.

— Ле...

— Пожалуйста.

Ада кивнула.

В Ноктюрне не принято было плакать на похоронах.

С детства жителям объясняли, что скорбь нужно переживать достойно, не обременяя окружающих собственными чувствами.

Город пережил слишком много смертей, чтобы позволять себе останавливаться из-за каждой.

Так говорили наставники в школах.

Так говорили представители муниципальных служб.

Так говорили по государственному радио.

«Порядок сильнее утраты».

Эти слова были высечены на фасаде Центрального мемориала.

Лея никогда не понимала, почему порядок должен быть сильнее любви.

На первой скамье сидели трое сотрудников шахтного управления. Все в одинаковых тёмных костюмах.

Один из них, начальник технического отдела Бастиан Крог, поднялся, когда она приблизилась.

— Лея. Примите мои соболезнования.

— Спасибо.

— Ваша мать была ценным специалистом.

Лея ощутила, как что-то неприятно сжалось под рёбрами.

Опять.

Ценный специалист.

Безупречная служба.

Незаменимый сотрудник.

Ни одного слова о том, как Мира смеялась.

Как ругалась, когда ломался чайник.

Как пела старые песни, совершенно не попадая в ноты.

Как однажды отдала последние деньги за настоящий апельсин, потому что маленькая Лея хотела узнать, какой на вкус бывает солнце.

— Я хочу получить технический отчёт об аварии, — сказала она.

Крог слегка нахмурился.

— Сейчас?

— Да.

— Боюсь, это неподходящее время.

— Моя мать погибла одиннадцать дней назад. Всё это время вы обещаете предоставить мне документы.

— Расследование ещё не завершено.

— Тогда почему в свидетельстве уже указана причина смерти?

Он поправил манжет.

— Предварительное заключение достаточно для оформления гражданских документов.

— А для того, чтобы понять, почему на действующей шахте произошло разрушение зеркального модуля, недостаточно?

— Лея...

— Моя мать сама составляла регламент обслуживания этих модулей. Она знала их лучше любого из ваших инженеров.

Крог посмотрел в сторону гроба.

— Именно поэтому её гибель стала для нас такой неожиданностью.

— Неожиданность — не причина аварии.

Повисла пауза.

Ада подошла ближе и незаметно коснулась локтя подруги.

Крог понизил голос:

— Я понимаю ваше состояние. Но некоторые вещи требуют времени.

— Тогда дайте мне его.

— Что?

— Время. Столько, сколько потребуется, чтобы вы наконец объяснили, как погибла моя мать.

Он отвёл глаза.

— Завтра свяжитесь с моим секретарём.

Лея знала, что завтра он скажет то же самое.

И послезавтра.

И через месяц.

В Ноктюрне существовало множество способов отказать человеку, ни разу не произнеся слова «нет».

Церемония продолжалась семнадцать минут.

Лея считала.

Не потому, что хотела.

Просто у неё с детства была привычка замечать время.

На шестой минуте служитель прочитал официальную биографию матери.

На девятой — перечислил её трудовые заслуги.

На двенадцатой предложил присутствующим склонить головы.

На пятнадцатой зазвучала траурная мелодия, похожая на скрип плохо смазанного механизма.

На семнадцатой гроб медленно опустился за металлическую перегородку.

И всё.

Женщина, которая двадцать семь лет была центром жизни Леи, исчезла за листом холодного железа.

Без последнего прикосновения.

Без прощания.

Без единой возможности убедиться, что это действительно она.

— Церемония завершена, — объявил служитель.

Лея продолжала стоять.

Она смотрела на закрывшиеся створки.

Ей казалось, что сейчас мать обязательно возмутится.

Скажет, что всё организовано отвратительно.

Что в зале слишком холодно.

Что Лея опять забыла застегнуть верхнюю пуговицу пальто.

Мира всегда замечала такие вещи.

Но створки не открылись.

— Ле, — тихо позвала Ада.

— Знаешь, что она сказала мне в последний вечер?

— Что?

Лея сглотнула.

— «Если что-то выглядит слишком правильным, проверь, кто заставил остальные детали встать на свои места».

Ада нахмурилась.

— Странная мысль для ужина.

— Мама часто говорила странные вещи.

— Может, речь шла о работе?

— Может быть.

Лея вновь посмотрела на металлическую перегородку.

В тот вечер Мира действительно вела себя необычно.

Почти не притронулась к еде.

Несколько раз проверяла замок.

А перед уходом неожиданно обняла дочь так крепко, словно боялась, что больше не получит такой возможности.

— Ты ведь знаешь, что я люблю тебя? — спросила она тогда.

Лея рассмеялась.

— Мам, мне двадцать семь.

— Это не ответ.

— Знаю.

Мира помолчала.

— Иногда мы думаем, что у нас впереди бесконечно много времени.

— К чему ты это?

— Ни к чему.

Она поцеловала Лею в лоб.

— Просто не откладывай жизнь на потом.

На следующее утро матери не стало.

Теперь эта фраза звучала совсем иначе.

У выхода из похоронного ведомства Лею ожидал мужчина.

Он стоял возле массивных дверей, держа перед собой узкий кожаный портфель. Тёмное пальто, тщательно приглаженные волосы, тонкие круглые очки.

— Гражданка Лея Сольер?

Она устало вздохнула.

— Если вы пришли предложить страхование жизни, выберите другой день.

Мужчина моргнул.

— Простите?

— Или похоронный контракт. Или скидку на семейный мемориал. Сегодня я уже получила достаточно предложений.

— Я нотариус, — осторожно произнёс незнакомец.

Лея остановилась.

— Нотариус?

— Арнольд Зерн. Третье наследственное управление.

Он протянул удостоверение.

Лея бегло посмотрела на печать.

— Что вам нужно?

— Передать имущество, оставленное вашей матерью.

— Имущество?

Она невесело усмехнулась.

— У нас остались квартира, старый сервиз и два неоплаченных счёта. Не думаю, что для этого нужен нотариус.

— Речь идёт об особом наследственном распоряжении.

Мужчина огляделся.

— Возможно, нам стоит поговорить в более уединённом месте.

Ада, всё ещё стоявшая рядом, вопросительно посмотрела на подругу.

— Я подожду тебя снаружи?

Лея кивнула.

— Только не уходи.

— Даже не собиралась.

Нотариус привёл её в небольшую переговорную комнату.

Там пахло пылью и старой бумагой.

На столе стояла лампа с зелёным абажуром.

Зерн положил портфель перед собой, достал толстую папку и долго просматривал документы.

Лея наблюдала за его пальцами.

Они едва заметно дрожали.

— Ваша мать посетила мою контору за девятнадцать дней до гибели, — наконец произнёс он.

— Зачем?

— Составить распоряжение на случай смерти.

— У неё были причины думать, что она умрёт?

— Этого она не сообщила.

— Вы не спросили?

— Гражданка Сольер, люди имеют право составлять завещания без объяснения причин.

— Но вы же понимаете, насколько это странно?

Зерн снял очки.

Протёр их платком.

— Я понимаю, что вы потеряли мать.

— Тогда перестаньте разговаривать со мной так, будто я пришла оплатить муниципальный налог.

Он медленно поднял глаза.

Несколько секунд смотрел на неё.

Затем закрыл папку.

— Хорошо, — сказал он уже другим тоном. — Ваша мать была напугана.

Лея почувствовала, как сердце ударило быстрее.

— Чем?

— Не знаю.

— Она что-нибудь говорила?

— Спрашивала, можно ли передать наследство без уведомления шахтного управления. И несколько раз уточняла, не получат ли представители Совета доступ к её распоряжению.

— Совета двенадцати домов?

— Да.

Лея подалась вперёд.

— Почему моя мать интересовалась вампирским Советом?

Зерн опустил взгляд.

— Она не объяснила.

— А вы?

— Я выполнял свою работу.

Он раскрыл портфель ещё раз и достал плотный кремовый конверт.

Восковая печать была целой.

Лея узнала оттиск.

Мать всегда ставила маленькую шестиконечную звезду на письмах, которые оставляла дочери.

Даже на записках вроде «Не забудь купить хлеб».

— Этот конверт предназначен лично вам, — сказал нотариус. — Его содержимое не было указано в открытой части наследственного дела.

— Вы знаете, что внутри?

— Нет.

Он положил конверт на стол.

Лея осторожно взяла его.

Бумага была плотной, почти бархатистой.

На лицевой стороне материнским почерком написано:

«Лее. Только когда меня не станет».

Некоторое время она просто смотрела на эти слова.

Потом поддела печать ногтем.

Внутри лежали два предмета.

Первый — официальный документ с золотым гербом Ноктюрна.

Второй — старинные карманные часы.

Лея сначала взяла документ.

Развернула.

Прочитала.

Затем ещё раз.

СЕРТИФИКАТ ПРАВА НА ЕСТЕСТВЕННОЕ СОЛНЕЧНОЕ ИЗЛУЧЕНИЕ

Категория: индивидуальное посещение.

Продолжительность: семь минут.

Срок действия: тридцать календарных дней.

Владелец: Лея Сольер.

Она медленно подняла глаза.

— Что это?

Зерн изучил документ.

На его лице впервые появилось неподдельное удивление.

— Солнечный сертификат.

— Я вижу.

— Причём именной.

— Это невозможно.

— Почему?

— Потому что мама не могла его купить.

Семь минут солнца.

Для богатых жителей Верхнего города — короткая процедура, почти повседневное удовольствие.

Для обычного человека — состояние.

Лея знала цены.

Она сама обслуживала распределительные зеркала и климатические системы солнечных кабин.

Она знала, сколько стоит каждая минута.

И как много людей умирает, ни разу в жизни не почувствовав на лице настоящего солнечного тепла.

— Сертификат подлинный, — сказал Зерн. — Подобные документы не подделывают. Их регистрационный код связан с центральной системой распределения.

— Где она взяла деньги?

— Этого в наследственном распоряжении не указано.

Лея перевернула документ.

На обороте было написано несколько строк.

Она узнала почерк матери сразу.

«Моя девочка.

Если ты читаешь это, значит, я не успела рассказать тебе всё сама.

Прости.

Когда ты увидишь солнце, не смотри на него.

Посмотри на то, что оно освещает.

Мама».

Лея долго не двигалась.

Слово «прости» словно выжгло в ней маленькую дыру.

За что?

За то, что не успела попрощаться?

За то, что оставила её одну?

Или за что-то другое?

— Вы в порядке? — спросил нотариус.

Она сложила документ.

— А часы?

Зерн подвинул к ней второй предмет.

Это были тяжёлые часы в потемневшем латунном корпусе.

На крышке виднелось рельефное изображение солнца, окружённого двенадцатью тонкими лучами.

Лея открыла их.

Под стеклом находился белый циферблат с чёрными римскими цифрами.

Стрелки показывали шесть часов семнадцать минут.

— Они не работают, — заметил нотариус.

Лея поднесла часы к уху.

Тишина.

— Мама никогда не носила карманных часов.

— Возможно, семейная реликвия.

— У нас не было семейных реликвий.

Зерн ничего не ответил.

Лея провела пальцем по металлическому ободку.

Сзади, почти незаметно, была выгравирована буква «С».

Она почувствовала странное беспокойство.

Мать всегда говорила, что старые механизмы заслуживают уважения.

«Новые машины умеют делать то, что им приказали. Старые иногда помнят, зачем их создали».

Лея невольно улыбнулась этому воспоминанию.

— Осталось ещё одно формальное условие, — произнёс нотариус.

Она подняла голову.

— Какое?

— Ваша мать распорядилась передать вам сертификат незамедлительно. Но часы должны остаться при вас до момента его использования.

— Почему?

— Так указано в документе.

— И это всё?

Зерн помедлил.

— Не совсем.

Он достал маленькую карточку.

На ней имелась всего одна строка.

«Не позволяйте им забрать часы».

Лея посмотрела на нотариуса.

— Кто такие «они»?

Зерн не выдержал её взгляда.

— Я надеялся, что вы знаете.

Когда Лея вышла, Ада сидела на каменной лестнице и ела яблоко.

Настоящее.

Красное.

Откуда она его взяла, Лея предпочла не спрашивать.

— Ты выглядишь так, будто увидела привидение, — заметила подруга.

Лея молча протянула сертификат.

Ада прочитала первые строки.

Потом ещё раз.

— Семь минут?

— Да.

— Настоящего солнца?

— Да.

Ада посмотрела на неё.

— Лея, это же целое состояние.

— Я знаю.

— Твоя мать...

— Я не знаю, откуда он у неё.

Подруга осторожно вернула документ.

— Она хотела сделать тебе подарок.

— Перед смертью?

Ада замолчала.

Лея присела рядом.

Похоронное ведомство находилось у широкой транспортной галереи. За высоким арочным проёмом проходили трамваи, подвешенные к магнитным рельсам.

Над ними тянулись десятки труб.

Глубоко внизу гудели насосы, перегоняющие воду к жилым уровням.

Город жил.

Как всегда.

Словно ничего не произошло.

— Ада, — тихо сказала Лея.

— М?

— Ты когда-нибудь хотела увидеть солнце?

Та усмехнулась.

— Конечно.

— По-настоящему?

— Разве можно хотеть увидеть его понарошку?

— Я серьёзно.

Ада задумалась.

— Когда была маленькой, думала, что оно похоже на огромную печь. Что если подойти слишком близко, можно услышать, как внутри потрескивает огонь.

— А сейчас?

— Сейчас мне просто хочется понять, почему за него приходится платить.

Лея посмотрела на золотую печать сертификата.

— Мама оставила мне семь минут.

Ада перестала улыбаться.

— Тогда используй их.

— Это безумие. Я могла бы обменять сертификат на деньги. Закрыть долги. Починить квартиру.

— Могла бы.

— Я могла бы купить новый инструмент для мастерской.

— Могла бы.

— Ада!

Подруга повернулась к ней.

— Лея, твоя мать потратила неизвестно сколько денег, чтобы ты увидела солнце. И написала, что ты должна там что-то заметить. Не думаешь, что стоит хотя бы узнать, зачем?

Лея опустила взгляд.

Внутри часов что-то едва слышно щёлкнуло.

Она замерла.

— Слышала?

— Что?

Лея поднесла их к уху.

Тишина.

— Ничего, — пробормотала она.

Ада выбросила огрызок яблока в утилизационный контейнер.

— Когда пойдёшь?

Лея долго смотрела на сертификат.

— Сегодня.

Солнечные кабинеты располагались в Верхнем городе.

Там, где подземные улицы были шире, потолки выше, а воздух пах не углём и горячим металлом, а дорогими духами.

Ноктюрн был построен слоями.

Нижние уровни принадлежали рабочим, шахтёрам и донорам крови.

Средние — торговцам, мастерам, служащим.

Верхние — состоятельным людям и двенадцати вампирским домам.

Вампиры редко появлялись в рабочих кварталах.

Их жизнь протекала в защищённых дворцах, где мягкий искусственный свет отражался от мраморных стен, а человеческая кровь поступала в хрустальных флаконах через государственную систему донорства.

Лея несколько раз видела представителей древних домов.

Они казались безупречными.

Слишком неподвижными.

Слишком спокойными.

И всегда смотрели на обычных людей так, будто те проживали жизнь с непростительной поспешностью.

В транспортном вагоне напротив Леи сидела пожилая женщина.

Её запястье было обмотано тонким бинтом.

Под ним виднелся характерный красный след от донорской иглы.

Женщина заметила золотую печать на сертификате, который Лея держала в руках.

— Вы идёте к солнцу? — спросила она.

Лея смутилась.

— Да.

— Первый раз?

— Да.

Старуха улыбнулась.

— Счастливица.

Лея посмотрела на её бинт.

— А вы бывали там?

— Один раз. Очень давно.

— И какое оно?

Женщина задумалась.

— Тёплое.

— Я знаю.

— Нет, милая. Ты не знаешь.

Она чуть улыбнулась.

— Когда я впервые увидела солнце, мне показалось, что кто-то огромный и добрый положил ладонь мне на плечо. И вдруг стало ясно, что я не одна.

Лея молчала.

— А потом время закончилось, — продолжила старуха. — И я снова вернулась в темноту.

— Вы хотели бы повторить?

— Каждый день.

— Почему не повторили?

Женщина посмотрела на забинтованную руку.

— Потому что некоторым из нас приходится выбирать между светом и ужином.

Она произнесла это спокойно.

Без горечи.

И именно поэтому Лее стало не по себе.

На следующей остановке женщина поднялась.

Прежде чем выйти, она обернулась:

— Не закрывай глаза, девочка. Люди часто делают это, когда впервые видят солнце.

— Почему?

— Потому что оно слишком прекрасное.

Старуха улыбнулась.

— А потом всю жизнь жалеют о потерянных секундах.

Солнечный павильон «Аурея» занимал целое крыло Верхней галереи.

Его фасад был облицован светлым камнем, а над входом сиял позолоченный символ солнца.

Под ним располагалась надпись:

СВЕТ — ПРИВИЛЕГИЯ, КОТОРОЙ ДОСТОЙНЫ ЛУЧШИЕ.

Лея остановилась перед дверями.

В мастерской она часто ремонтировала приводы и зеркальные блоки, похожие на те, что использовались здесь. Но никогда не посещала павильон в качестве клиента.

На входе стояли два охранника.

Один из них взглянул на её поношенное пальто.

— Служебный вход с противоположной стороны.

— Я не на работу.

— Тогда по какому вопросу?

Лея достала сертификат.

Охранник посмотрел на печать.

Его лицо изменилось.

— Прошу прощения, госпожа.

Она едва не рассмеялась.

Несколько секунд назад она была обычной девушкой в старом пальто.

Теперь — госпожой.

Всего лишь потому, что держала в руках бумагу стоимостью в тысячу крон.

Внутри павильона было тихо.

По мраморному полу бесшумно двигались сотрудники в белых костюмах.

В центре холла стоял фонтан с золотыми рыбами.

Над ним возвышалась искусственная копия солнца — огромная светящаяся сфера.

Лея подняла голову.

Сфера была красивой.

Но мёртвой.

Она не грела.

Не отбрасывала естественных теней.

Не менялась.

Просто висела под потолком, изображая то, чего никто из жителей Нижнего города не видел.

— Добро пожаловать в «Аурею».

К ней подошла молодая женщина в кремовой униформе.

— Меня зовут Селин. Чем могу помочь?

Лея передала документ.

Селин просмотрела его и вежливо улыбнулась.

— Семиминутный сеанс. Индивидуальная кабина. Очень хороший выбор.

— Это подарок.

— Как замечательно. В таком случае могу предложить дополнительное сопровождение с ароматической терапией?

— Нет, спасибо.

— Музыкальную композицию?

— Нет.

— Расслабляющий массаж перед процедурой?

Лея посмотрела на неё.

— Можно просто увидеть солнце?

Селин слегка смутилась.

— Разумеется.

Она направилась к стойке регистрации.

— Ваш сертификат действителен. Единственное уточнение: кабина закреплена заранее.

Лея нахмурилась.

— Что значит заранее?

— Ваш даритель выбрал определённое помещение и временной интервал.

— Разве так можно?

— При оформлении индивидуального пакета — да.

Селин изучила экран.

— Кабина номер семнадцать. Сеанс в шесть часов семнадцать минут.

У Леи похолодели пальцы.

— Повторите.

— Шесть семнадцать.

Она медленно достала из кармана часы.

Стрелки по-прежнему показывали то же время.

Шесть семнадцать.

— Это совпадение? — прошептала она.

— Простите?

Лея убрала часы.

— Ничего.

Селин нажала на клавишу.

— До сеанса осталось восемь минут. Прошу следовать за мной.

Они прошли по длинному коридору с мягким золотистым освещением.

По обе стороны находились закрытые двери.

За некоторыми звучала музыка.

Из одной кабины доносился женский смех.

Лея поймала себя на странной мысли.

Как люди могут смеяться, когда видят солнце?

Ей казалось, что она обязательно заплачет.

Или испугается.

Или вовсе не сможет ничего почувствовать.

У двери с номером семнадцать Селин остановилась.

— Перед началом я обязана предупредить вас о правилах.

Лея кивнула.

— Не смотреть непосредственно на солнечный диск, если он окажется виден в системе отражателей. Не прикасаться к защитным оптическим панелям. Не пытаться открыть служебные люки. По окончании сеанса освещение будет автоматически перекрыто.

— Я работаю с зеркальными приводами, — сказала Лея. — Я знаю правила.

— В таком случае вам будет проще.

Селин приложила карточку к замку.

Дверь открылась.

Кабина оказалась неожиданно простой.

Никаких золотых украшений.

Никаких дорогих тканей.

Небольшая комната с гладкими светлыми стенами.

Деревянная скамья.

Узкий стол.

В верхней части противоположной стены — специальный оптический проём, защищённый прозрачной пластиной.

Лея сразу заметила расположение зеркал.

Система выглядела старой.

Даже устаревшей.

Для Верхнего города это было странно.

— Почему здесь так мало оборудования? — спросила она.

— Семнадцатая кабина относится к историческому фонду павильона.

— Она давно не проходила модернизацию?

Селин удивилась.

— Не могу сказать.

Лея подошла ближе к оптической панели.

У нижнего крепления виднелись свежие следы инструментов.

Её профессиональный взгляд мгновенно зацепился за царапины.

Кто-то недавно снимал защитный кожух.

И делал это вручную.

— Здесь проводили ремонт?

— Не знаю, госпожа Сольер.

— Кто отвечает за техническое состояние кабины?

— Наш инженерный отдел.

— Я могу поговорить с инженером?

Селин улыбнулась чуть напряжённее.

— После сеанса, если пожелаете.

Лея повернулась к ней.

— Эта кабина безопасна?

— Разумеется.

Она ответила слишком быстро.

— Ваша мать выбрала именно её, — добавила Селин.

Лея замерла.

— Вы знали мою мать?

— Нет. Просто в системе указано имя заказчика.

— И она была здесь лично?

Селин посмотрела на часы.

— К сожалению, мне необходимо завершить подготовку. До начала остаётся меньше минуты.

Она направилась к двери.

— Желаю вам незабываемого впечатления.

Дверь закрылась.

Лея осталась одна.

Тишина.

Настоящая, глубокая тишина.

В Нижнем городе такой почти не существовало.

Там всегда что-то двигалось.

Трубы шумели.

Машины гудели.

Воздух проходил через вентиляционные шахты с тяжёлым металлическим свистом.

Здесь же было слышно собственное дыхание.

Лея медленно села на скамью.

Достала часы.

Открыла крышку.

Шесть семнадцать.

Она слегка качнула их в ладони.

Ни один механизм не отозвался.

— Ну что ж, мама, — тихо произнесла она. — Я здесь.

Её голос странно прозвучал в пустой комнате.

— Надеюсь, ты знала, что делаешь.

Ответа не было.

На стене загорелся небольшой экран.

ДО НАЧАЛА СЕАНСА: 00:10

Лея подняла глаза.

Десять.

Девять.

Восемь.

Она вдруг вспомнила детство.

Мама сидит у её кровати, читая старую книгу с пожелтевшими страницами.

На обложке нарисовано голубое небо.

Маленькая Лея спрашивает:

— Мам, а солнце действительно такое большое?

— Больше, чем ты можешь представить.

— Больше нашего города?

— Намного.
— А почему оно светит?
Мира улыбается.
— Потому что так устроен мир.
— А кто его включил?
Мать смеётся.
— Никто, моя хорошая. Оно светит само.
Тогда Лея не могла понять, как что-то настолько огромное может светить бесплатно.
Потом выросла.
И перестала задавать этот вопрос.
00:03
00:02
00:01
Раздался мягкий металлический щелчок.
Где-то далеко, над десятками метров камня, начали поворачиваться зеркала.
Лея узнала звук приводов.
Затем услышала лёгкую вибрацию стен.
И вдруг...
Комната изменилась.
Сначала в оптическом проёме появилась тонкая золотая линия.
Она легла на пол, пересекла его и коснулась противоположной стены.
Лея затаила дыхание.
Линия расширилась.
Превратилась в светлый прямоугольник.
И через мгновение кабину затопило солнце.
Настоящее.
Не электрическое.
Не отражение искусственной сферы.
Живой солнечный свет.
Лея невольно закрыла глаза.
Тепло коснулось её лица.
Совсем лёгкое.
Почти невесомое.
Но от него что-то внутри болезненно сжалось.
Она медленно вдохнула.
Потом ещё раз.
Солнечное тепло оказалось не таким, как она представляла.
Оно не обжигало.
Не давило.
Не требовало ничего взамен.
Просто было.
Лея подняла руку.
Золотистый свет лежал на её пальцах.
Он делал кожу почти прозрачной.
Под ней проступали тонкие голубые жилки.
Она повернула ладонь.
Тень повторила движение на стене.
Лея улыбнулась.
Впервые за одиннадцать дней.

Потом неожиданно рассмеялась.

Тихо.

Почти виновато.

И вдруг заплакала.

Слёзы потекли сами.

Она не пыталась остановить их.

В Ноктюрне не принято было плакать.

Но здесь никто не видел.

Никто не мог напомнить ей о достоинстве.

Никто не мог приказать держать себя в руках.

Она сидела в солнечном свете и плакала по женщине, которую больше никогда не обнимет.

— Мам...

Слово сорвалось почти беззвучно.

Лея закрыла лицо ладонями.

— Почему ты не рассказала мне?

Она не знала, о чём именно спрашивает.

О смерти.

О часах.

О странном подарке.

Или обо всех тех вещах, которые мать унесла с собой.

На стене бесшумно работал счётчик.

05:43

Оставалось чуть меньше шести минут.

Лея вытерла лицо рукавом.

И вспомнила.

«Когда ты увидишь солнце, не смотри на него. Посмотри на то, что оно освещает».

Она медленно подняла голову.

Сначала ничего необычного не заметила.

Свет лежал на полу.

На деревянной скамье.

На узком столе.

На гладкой стене.

Но потом её взгляд остановился на одном участке.

Лея нахмурилась.

Солнечный прямоугольник пересекала тёмная полоса.

Она была слишком неровной, чтобы принадлежать рамке оптического проёма.

Лея встала.

Подошла ближе.

В тот же момент тёмная полоса дрогнула.

Затем рядом появилась вторая.

Третья.

Тонкие, изгибающиеся, похожие на...

Ветки.

Лея почувствовала, как сердце пропустило удар.

Она знала, что такое деревья.

Конечно, знала.

В городских учебниках имелись изображения растений, существовавших на поверхности до Великого Закрытия.

В ботанических садах Верхнего города выращивали карликовые деревца под искусственными лампами.

Но эти тени были другими.

Они двигались.

Неравномерно.

Свободно.

Так, словно где-то далеко их раскачивал настоящий ветер.

Лея медленно прислонила ладонь к стене.

На ней лежала тень дерева.

Настоящего дерева.

Не декоративного растения.

Не искусственной конструкции.

Огромного живого дерева, чьи ветви попадали на путь солнечного луча.

Но этого не могло быть.

Северные поверхностные сектора считались мёртвыми.

После катастрофы 147 лет назад там не осталось пригодной для жизни растительности.

Так утверждали учебники.

Так утверждали городские власти.

Так говорила мать.

Лея быстро обернулась к оптическому проёму.

Теперь она смотрела на систему профессиональным взглядом.

В стандартной кабине свет проходил через сеть защищённых шахт и зеркал, после чего равномерно распределялся по помещению.

Посторонние предметы с поверхности не должны были создавать таких отчётливых движущихся теней.

Если только...

Если только кто-то не изменил направление светового канала.

Она вспомнила свежие царапины на креплениях.

Старинную систему зеркал.

Странное требование матери выбрать именно эту кабину.

Сердце забилось быстрее.

— Что ты сделала, мама?

Тень ветвей продолжала двигаться.

Лея подошла к столу.

Солнечный свет пересекал его поверхность под углом.

Она поставила на край металлическую чашку, оставленную для посетителей.

Её тень легла на стену справа.

Лея чуть сместила чашку.

Тень послушно сдвинулась.

Значит, направление освещения было вполне определённым.

Она проследила его обратно, мысленно выстроила линию прохождения лучей и представила устройство верхнего зеркального канала.

Тени дерева приходили из участка шахты, которого не было в современных рабочих схемах.

Лея знала такие конструкции.

Старые аварийные выходы.

Заброшенные каналы.

Служебные тоннели, построенные ещё во времена основания Ноктюрна.

Она почувствовала холод, несмотря на солнечное тепло.

На стене что-то изменилось.
Сначала она решила, что это просто движение ветвей.
Но затем среди тонких теней появилась новая.
Вертикальная.
Широкая сверху.
Сужающаяся книзу.
Лея застыла.
Тень не принадлежала дереву.
Это была человеческая фигура.
На секунду ей показалось, что она ошиблась.
Разум отчаянно искал объяснение.
Возможно, на поверхности сохранились старые статуи.
Или разрушенные механические конструкции.
Или это просто необычный угол отражения.
Но фигура двинулась.
Медленно.
Осторожно.
Она сделала шаг вправо.
Затем остановилась.
Лея перестала дышать.
— Нет...
Тень повернулась.
Она различила голову.
Плечи.
Одну руку, опущенную вдоль тела.
Человек.
Там был человек.
На поверхности.
В месте, где, согласно всем официальным сведениям, человек не мог существовать.
Лея шагнула к стене.
— Эй!
Голос прозвучал громче, чем она ожидала.
Она ударила ладонью по гладкой панели.
— Вы меня слышите?
Конечно, нет.
Между ними лежали сотни метров шахт, зеркал и каменных перекрытий.
Она видела лишь тень, перенесённую солнечным лучом.
Человек не мог слышать её.
И всё же...
Фигура подняла голову.
Лея замерла.
Тень медленно вытянула руку.
Словно пыталась коснуться её сквозь стену.
Лея невольно подняла свою.
Теперь две ладони находились друг напротив друга.
Одна — настоящая.
Другая — тёмная, огромная, лишённая деталей.
Между ними было меньше ладони.
И целый мир.

На экране мигали цифры.
02:11
Лея резко обернулась.
Две минуты.
Ей оставалось всего две минуты.
— Пожалуйста, — прошептала она, вновь повернувшись к тени. — Не уходи.
Фигура не двигалась.
Лея пыталась рассмотреть её подробнее.
По очертаниям можно было предположить, что это высокий мужчина в длинной куртке.
Но изображение было слишком расплывчатым.
Лицо не различалось.
Возраст определить невозможно.
Она знала только одно.
Человек стоял там, где его не должно было быть.
И явно понимал, что делает.
Внезапно фигура опустила руку.
Затем подняла её снова.
Два коротких движения.
Пауза.
Одно длинное.
Лея нахмурилась.
Жест показался знакомым.
Она видела нечто подобное.
Когда-то.
Очень давно.
Два коротких сигнала.
Один длинный.
В памяти мелькнуло смутное воспоминание.
Маленькая кухня.
Мать стоит у окна и трижды стучит ложкой по трубе отопления.
Два коротких удара.
Один длинный.
— Зачем ты так делаешь, мам?
— Это наш секретный сигнал.
— Чей?
Мать улыбается.
Но в её глазах почему-то появляется печаль.
— Когда-нибудь расскажу.
Лея резко выпрямилась.
— Мама...
Она посмотрела на фигуру.
Та снова повторила жест.
Дважды коротко.
Один раз медленно.
Совпадение?
Или кто-то на поверхности действительно использовал тот самый сигнал?
Лея вспомнила, как мать заставляла её запоминать странные правила.
Не выбрасывать старые схемы.
Не доверять документам без исходных подписей.

Всегда проверять, откуда приходит свет.
Тогда всё это казалось обычными привычками инженера.
Теперь...
Теперь она уже ни в чём не была уверена.
01:03
Лея быстро достала из кармана часы.
Открыла.
Шесть семнадцать.
Стрелки не двигались.
Она перевернула корпус.
Вгляделась в царапины на крышке.
Двенадцать солнечных лучей.
Буква «С».
Сертификат.
Кабина номер семнадцать.
Время начала — шесть семнадцать.
Материнская записка.
Слишком много совпадений.
Слишком точных, чтобы быть случайными.
На стене фигура внезапно отступила.
Лея бросилась к световому прямоугольнику.
— Стой!
Тень исчезла за ветвями.
— Нет, подожди!
Она прижалась ладонями к стене.
На мгновение снова появилась тёмная рука.
Теперь она указывала куда-то в сторону.
Лея проследила направление.
В дальнем углу солнечного прямоугольника виднелась ещё одна тень.
Прямая.
С резким краем.
Она напоминала часть высокой арки или металлической опоры.
Лея прищурилась.
Внутри этой тени просматривался узкий просвет.
Похожий на дверной проём.
И в нём...
Что-то блеснуло.
Светлый прямоугольник, пересечённый тёмной линией.
Лея сделала ещё шаг.
00:27
Двадцать семь секунд.
Она судорожно пыталась запомнить всё.
Форму дерева.
Расположение ветвей.
Угол тени.
Направление, в котором указывал человек.
Она подняла часы, словно надеялась, что в них скрыт ответ.
И вдруг услышала звук.
Тихий.

Едва различимый.
Тик.
Лея застыла.
Тик.
Она поднесла часы ближе.
Секундная стрелка сдвинулась.
Ещё раз.
И ещё.
— Что?..
Механизм, который не работал много лет, ожил.
Стрелки начали двигаться.
Но не вперёд.
Назад.
Сначала медленно.
Затем быстрее.
Минутная стрелка прошла отметку шести часов.
Потом пяти.
Лея почувствовала, как волосы на затылке встали дыбом.
00:10
Она подняла глаза.
Фигура снова появилась.
Теперь стояла совершенно неподвижно.
И словно ждала, когда Лея посмотрит на неё.
00:07
Человек поднял руку.
00:06
На этот раз он не махал.
Он показывал что-то.
00:05
Пять пальцев.
Затем четыре.
00:04
Лея попыталась понять.
00:03
Три.
00:02
Два.
00:01
Один.
Раздался металлический удар.
Свет погас.
Темнота обрушилась мгновенно.
Не настоящая темнота — искусственные лампы кабины продолжали гореть.
Но по сравнению с солнечным светом они казались мёртвыми.
Плоскими.
Холодными.
Лея стояла посреди комнаты, не в силах пошевелиться.
На стене больше не было ни дерева, ни фигуры.
Только ровная светлая поверхность.

Она бросилась к оптическому проёму.

— Нет!

Панель была закрыта автоматической заслонкой.

Лея надавила на её край.

Бесполезно.

— Откройся!

Она знала, что механизм не подчинится.

Знала, что без регистрационного разрешения повторное открытие невозможно.

Но продолжала давить.

Пальцы побелели.

— Пожалуйста...

Дверь за её спиной открылась.

— Госпожа Сольер?

Лея обернулась.

На пороге стояла Селин.

Её улыбка исчезла, когда она увидела состояние посетительницы.

— Вам нехорошо?

— Здесь кто-то был.

Селин удивлённо посмотрела по сторонам.

— Простите?

— На поверхности. Человек.

— Боюсь, я не понимаю.

— В солнечном канале. Я видела тень человека.

Лицо сотрудницы изменилось.

Всего на мгновение.

Но Лея заметила.

— Возможно, вы наблюдали обычные оптические искажения, — быстро ответила Селин.

— Я инженер по обслуживанию зеркальных систем. Я знаю, как выглядят оптические искажения.

— Тогда вам известно, что солнечные лучи проходят через несколько отражающих поверхностей.

— Именно поэтому на стене не должно было быть тени дерева.

Селин промолчала.

Лея подошла ближе.

— Откуда поступал свет?

— Из центральной распределительной системы.

— Из какой именно шахты?

— Эта информация относится к технической документации.

— Вы сказали, что моя мать сама выбрала кабину.

— Да.

— Почему?

— Этого я не знаю.

Лея вгляделась в лицо девушки.

Селин была молода.

Не намного старше двадцати.

Но сейчас она выглядела испуганной.

— Кто отвечал за настройку оборудования?

Селин отвела глаза.

— Вам необходимо обратиться в администрацию.

— Я спрашиваю вас.

— Госпожа Сольер...

— Там был человек.

Её голос сорвался.

— Настоящий человек. Он двигался. Он подавал мне знаки.

Селин побледнела.

— Вам лучше уйти.

Лея замолчала.

— Что?

— Ваш сеанс завершён. Вы должны покинуть павильон.

— Почему вы испугались?

— Я не испугалась.

— Тогда посмотрите на меня.

Селин не подняла глаз.

За её спиной появился охранник.

Высокий мужчина с квадратным лицом и серебряным знаком ведомственной службы.

— Возникли проблемы?

— Нет, — слишком быстро сказала Селин. — Посетительница просто взволнована после первого сеанса.

Охранник посмотрел на Лею.

Затем на её руку.

На часы.

Его взгляд задержался на них на долю секунды дольше, чем следовало.

— Ваш сеанс завершён, госпожа, — произнёс он.

Лея медленно убрала часы в карман.

— Я хочу оставить жалобу.

— Вы можете обратиться на стойку регистрации.

— И получить копию технического журнала.

— Это невозможно.

— Тогда мне нужен письменный отказ.

Охранник перестал улыбаться.

— Вам следует уйти.

Лея поняла, что дальнейший разговор бесполезен.

Она прошла между ними.

Но перед выходом обернулась.

— Селин.

Девушка подняла голову.

— Если там действительно никого не было, почему вы так боитесь, что я его увидела?

Селин ничего не ответила.

Верхняя галерея встретила Лею привычным искусственным светом.

Люди спешили по делам.

Витрины сверкали.

На огромном рекламном экране демонстрировали новый сезон солнечных процедур.

Улыбающаяся женщина стояла на фоне голубого неба.

Под изображением медленно появлялась надпись:

«ПОДАРИТЕ СЕБЕ НЕСКОЛЬКО МИНУТ НАСТОЯЩЕЙ ЖИЗНИ».

Лея остановилась.

Ещё час назад эти слова показались бы ей просто дорогой рекламой.

Теперь в них слышалось что-то чудовищное.

Несколько минут настоящей жизни.
Получается, всё остальное время люди просто существовали?
Она вспомнила старуху из трамвая.
Её забинтованное запястье.
Ребёнка, который ни разу не видел солнца.
Материнскую записку.
И человека, чья тень легла на стену.
Что, если всё, чему их учили, было неправдой?
Нет.
Нельзя делать выводы на основании одной тени.
Лея была инженером.
Она привыкла искать объяснения.
Не верить.
Не надеяться.
Проверять.
Сначала нужно установить, какой канал подавал свет в семнадцатую кабину.
Потом найти его техническую схему.
Выяснить, кто изменил направление зеркал.
И только после этого...
— Лея!
Она вздрогнула.
К ней спешила Ада.
— Ну наконец-то! Я думала, ты там поселилась.
Подруга остановилась перед ней.
— Что случилось?
Лея попыталась ответить.
Но слова не находились.
Ада нахмурилась.
— Ты плакала?
— Да.
— Солнце?
— Да.
— Ну и как оно?
Лея посмотрела на неё.
Ей хотелось рассказать всё.
О тепле.
О тенях.
О человеке.
О странных часах.
О том, как на несколько минут мир перестал быть таким, каким она знала его всю жизнь.
Но почему-то она вспомнила лицо Селин.
И охранника, который слишком внимательно смотрел на часы.
— Ада...
— Что?
Лея взяла её за руку.
— Ты мне веришь?
Подруга удивилась.
— Какой странный вопрос.
— Ответь.

— Конечно.

— Даже если я скажу что-то совершенно безумное?

Ада внимательно посмотрела на неё.

— Особенно тогда.

Лея медленно вдохнула.

— Я видела дерево.

Ада моргнула.

— Что?

— Настоящее дерево.

— В кабине?

— Его тень. С поверхности.

Подруга перестала улыбаться.

— Лея, на поверхности нет деревьев.

— Я знаю.

— Их не осталось после катастрофы.

— Я знаю.

— Тогда...

— И ещё я видела человека.

Ада замолчала.

Шум галереи вдруг показался слишком громким.

— Какого человека? — тихо спросила она.

Лея посмотрела через плечо.

У входа в павильон стоял тот самый охранник.

Он смотрел в их сторону.

— Не здесь, — произнесла она.

Домой они вернулись через два часа.

Квартира Миры и Леи располагалась на тридцать первом жилом уровне, в старом доме возле ремонтных мастерских.

Небольшая кухня.

Узкий коридор.

Две комнаты.

Окно, за которым вместо неба тянулась противоположная стена транспортной шахты.

Лея всегда считала эту квартиру уютной.

Теперь она казалась слишком тихой.

На крючке у двери всё ещё висело материнское пальто.

На кухне стояла её любимая кружка с отколотой ручкой.

На подоконнике — маленький горшок с искусственным плющом, который Мира почему-то регулярно поливала.

Лея провела ладонью по столу.

— Мама никогда не рассказывала мне о поверхности, — сказала она.

Ада сидела напротив, обхватив чашку двумя руками.

— А что она должна была рассказывать?

— Не знаю.

— Ле, может, это действительно была оптическая ошибка?

— Тень дерева двигалась под действием ветра.

— Вентиляция.

— Снаружи шахты?

— Откуда мне знать?

— А человек?

Ада опустила глаза.

— Возможно, работник технической службы.

— Тогда почему сотрудники павильона так испугались?

— Потому что ты начала задавать неудобные вопросы.

Лея усмехнулась.

— Это я умею.

— Именно.

Несколько секунд они молчали.

Потом Ада осторожно спросила:

— Ты думаешь, смерть твоей матери связана с тем, что ты увидела?

Лея посмотрела на часы, лежавшие на столе.

— Не знаю.

— Но подозреваешь?

— Да.

Ада вздохнула.

— Тогда будь осторожна.

Лея не ответила.

Вместо этого взяла маленькую отвёртку из ящика.

Открыла крышку часов.

Поднесла к лампе.

— Что ты делаешь?

— Хочу понять, почему они заработали.

— Они заработали?

— На несколько секунд. Пока было солнце.

Ада нахмурилась.

— Может, механизм реагирует на тепло?

— Возможно.

Лея осторожно сняла заднюю крышку.

Внутри оказался сложный набор шестерёнок, необычно тонких для старинного механизма.

Но её внимание привлекло другое.

В центре находилась маленькая металлическая пластина.

На ней виднелась почти стёртая гравировка.

Лея подвинула лампу ближе.

— Подай лупу.

Ада достала инструмент из ящика.

Лея внимательно рассмотрела пластину.

Там были цифры.

И несколько букв.

Часть надписи стёрлась.

Но одно слово сохранилось почти полностью.

СЕВЕР

Лея медленно выпрямилась.

— Что это значит? — спросила Ада.

— Не знаю.

— Может, название фирмы?

Лея покачала головой.

Она уже видела подобные гравировки.

Не на часах.

На старых схемах распределительных шахт.

Каждый канал имел обозначение, соответствующее направлению и сектору обслуживания.

Север.

Юг.

Восток.

Запад.

Но этот символ относился к устаревшей системе маркировки.

Той самой, которую перестали использовать после закрытия старых технических тоннелей.

Лея снова посмотрела на механизм.

Шесть семнадцать.

Север.

Семнадцатая кабина.

Семь минут.

Она почувствовала, как по спине пробежал холод.

Мать оставила ей не подарок.

Она оставила инструкцию.

Ада ушла незадолго до полуночи.

Перед дверью она ещё раз обняла подругу.

— Если найдёшь что-нибудь странное, сначала скажи мне.

— Обещаю.

— Я серьёзно, Лея.

— Я тоже.

Ада задержала на ней взгляд.

— Не пытайся разобраться во всём одна.

Лея кивнула.

Но обе знали, что она всё равно попытается.

Когда дверь закрылась, квартира погрузилась в тишину.

Лея вернулась на кухню.

На столе лежали часы.

Сертификат.

Материнская записка.

Она перечитала её ещё раз.

«Когда ты увидишь солнце, не смотри на него. Посмотри на то, что оно освещает».

Лея закрыла глаза.

Попыталась восстановить увиденное.

Золотой прямоугольник.

Ветви дерева.

Фигура.

Рука.

Два коротких движения.

Одно длинное.

И последний жест.

Обратный отсчёт.

Пять.

Четыре.

Три.

Два.

Один.

Зачем человек отсчитывал секунды?

Он знал, когда закончится сеанс.

Значит, знал, что свет попадёт в кабину.

Значит, кто-то заранее сообщил ему время.

Или...

Лея открыла глаза.

Мама.

Её мать выбрала кабину.

Выбрала время.

Оставила часы.

Написала записку.

Значит, она знала о человеке на поверхности.

Возможно, встречалась с ним.

Возможно, даже помогала ему.

Лея поднялась и направилась в материнскую комнату.

После похорон она ещё ни разу не заходила сюда надолго.

Ей казалось, что стоит открыть шкаф, почувствовать знакомый запах одежды — и станет невозможно дышать.

Теперь же страх сменился решимостью.

Она включила свет.

Комната выглядела так же, как при жизни Миры.

Аккуратно застеленная кровать.

Небольшой письменный стол.

Полка с техническими справочниками.

Фотография в рамке.

На снимке Мира обнимала Лею, которой было около десяти лет.

Обе улыбались.

Лея взяла фотографию.

— Ты ведь знала, что я стану искать, правда?

Собственный голос показался чужим.

Она поставила рамку обратно.

Затем подошла к столу.

Открыла первый ящик.

Старые квитанции.

Карандаши.

Письма.

Ничего необычного.

Во втором лежали технические записи.

В третьем — небольшая деревянная коробка.

Лея вспомнила её.

Мать хранила там памятные мелочи.

Детские рисунки.

Сломанную брошь.

Старую монету.

Открытку с изображением моря.

Лея открыла коробку.

Перебрала содержимое.

На самом дне лежал сложенный вчетверо лист бумаги.

Он был настолько старым, что края пожелтели.

Лея осторожно развернула его.

Это оказался детский рисунок.

На нём было изображено большое зелёное дерево.

Под деревом стояли три человека.

Женщина.

Маленькая девочка.

И высокий мальчик.

У всех троих были нарисованы огромные улыбки.

Лея узнала собственный почерк.

Внизу неровными детскими буквами было написано:

«НАШ ДОМ».

Она долго смотрела на рисунок.

У них никогда не было дома с деревом.

Никогда.

Лея родилась в Ноктюрне.

Всю жизнь прожила под землёй.

Мать рассказывала, что в её детстве деревья существовали только в книгах и закрытых оранжереях.

Откуда же взялся этот рисунок?

Она перевернула лист.

На обратной стороне рукой Миры была написана дата.

И одна короткая фраза.

«Тим обещал показать ей всё снова».

Лея перестала дышать.

Тим.

Её старший брат.

Погибший четырнадцать лет назад при обрушении шахты.

Она почти забыла, как звучал его голос.

Но помнила его улыбку.

Помнила, как он носил её на плечах.

Как тайком приносил сладости.

Как обещал однажды показать ей настоящий океан.

Мира редко говорила о сыне.

После его смерти она словно заперла часть собственной жизни и больше никому не позволяла туда входить.

Лея снова посмотрела на рисунок.

Высокий мальчик.

Дерево.

Дом.

И материнская надпись.

«Тим обещал показать ей всё снова».

Снова?

Не впервые.

Снова.

Слово врезалось в сознание.

Она прочитала его ещё раз.

И ещё.

Затем перевела взгляд на часы.

Шесть семнадцать.

На мгновение ей показалось, что внутри снова раздалось тихое тиканье.

Но механизм оставался неподвижным.

Лея медленно села на край материнской кровати.

В комнате было холодно.

Где-то за стеной работала вентиляция.

По трубам текла вода.

Жизнь Ноктюрна продолжалась, как продолжалась последние сто сорок семь лет.

Люди рождались.

Работали.

Сдавали кровь.

Покупали минуты солнца.

Умирали.

И верили, что наверху нет ничего, кроме разрушенного мира.

Лея посмотрела на рисунок.

Потом на материнскую фотографию.

— Что ты скрывала от меня?

Ей никто не ответил.

Она поднялась, подошла к письменному столу и вытащила чистый лист.

Написала сверху:

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ СОЛНЕЧНЫЕ ШАХТЫ. СЕВЕРНЫЙ СЕКТОР.

Ниже добавила:

КАБИНА № 17. 06:17.

Затем:

ИЗМЕНЕНИЕ НАПРАВЛЕНИЯ СВЕТА.

И последнюю строку:

ЧЕЛОВЕК НА ПОВЕРХНОСТИ.

Она посмотрела на эти слова.

Они казались абсурдными.

Невозможными.

Опасными.

Но перечеркнуть их она не смогла.

Вместо этого достала из нижнего ящика рабочую книжку инженера.

Раскрыла на первой странице.

И написала:

«День первый. Найти источник света».

В это же время, далеко над городом, в старом северном техническом тоннеле погас последний отражатель.

Солнечный луч больше не проходил сквозь зеркальную шахту.

Внутри заброшенной наблюдательной станции стоял мужчина.

Он смотрел в узкий оптический канал, который ещё несколько минут назад соединял его с подземной кабиной.

Теперь там была только темнота.

На запястье мужчины висел потёртый металлический браслет.

Под рукавом виднелся старый шрам.

Он медленно опустил руку.

Позади послышались шаги.

— Получилось? — спросил другой мужчина.

Первый не ответил.

— Она увидела сигнал?

— Да.

— Ты уверен?

Мужчина повернулся.

В полумраке невозможно было различить его лицо.

— Она повторила его.

Второй тяжело выдохнул.

— Значит, Мира всё-таки успела.

Первый снова посмотрел в сторону погасшего канала.

— Нет.

— Что?

— Мира не успела.

Он осторожно коснулся холодного металлического корпуса отражателя.

— Поэтому теперь всё зависит от Леи.

— Она ничего не знает.

— Узнает.

— А если Совет доберётся до неё раньше?

Мужчина медленно сжал кулак.

— Тогда мы потеряем последнего человека, который может открыть Ноктюрн.

За стенами станции шумел настоящий ветер.

Далеко внизу, за линией леса, начинался рассвет.

Мужчина поднял голову к светлеющему небу.

— Только бы она поверила, — тихо сказал он.

— Во что?

Он помолчал.

Затем ответил:

— Что весь мир, в котором она выросла, построен на лжи.

И где-то глубоко под землёй, в маленькой квартире без окон, Лея Сольер впервые за двадцать семь лет усомнилась в том, что за потолком её города существует только смерть.

Конец первой главы.

«Иногда, чтобы увидеть правду, достаточно семи минут. Но чтобы заставить других в неё поверить, может не хватить целой жизни».

Глава 2. Город без утра

«Ложь становится историей, когда умирает последний человек, который помнит правду».

В Ноктюрне утро наступало по расписанию.

Ровно в шесть часов центральная система освещения постепенно увеличивала яркость уличных ламп. В шесть пятнадцать начинали работать кофейни. В шесть тридцать транспортные платформы заполнялись людьми, спешившими на работу.

К семи город окончательно просыпался.

Без рассвета.

Без птиц.

Без единого солнечного луча.

Лея Сольер никогда не задумывалась, насколько странно устроена их жизнь, пока не увидела настоящее солнце.

Теперь искусственный свет раздражал её.

Он был слишком ровным.

Слишком послушным.

В нём не было ничего живого.

Лея стояла у кухонного окна и смотрела на противоположную стену транспортной шахты.
Там, за толстым стеклом, медленно проплывал грузовой вагон.
Его красные сигнальные огни отражались на металлических перекрытиях.
Обычная картина.
Такая же, какую она наблюдала каждое утро последние двадцать семь лет.
Но сегодня всё выглядело иначе.
Потому что вчера она видела тень дерева.
И человека, который не должен был существовать.
За спиной тихо щёлкнул электрический чайник.
Лея обернулась.
На столе лежали старинные часы, оставленные матерью.
Шесть семнадцать.
Стрелки по-прежнему стояли неподвижно.
Она взяла их в ладонь.
Холодный латунный корпус показался неожиданно тяжёлым.
Вчера, когда солнечный свет наполнил семнадцатую кабину, механизм ожил.
Стрелки двигались против часовой стрелки.
Лея была уверена, что не придумала этого.
Как была уверена и в том, что человек на поверхности подавал ей знаки.
Она открыла рабочую тетрадь.
На первой странице вчерашним почерком было написано:
«День первый. Найти источник света».
Ниже — четыре вопроса.
Почему мать выбрала кабину № 17?
Откуда поступал солнечный луч?
Кто изменил направление зеркал?
Кто находился на поверхности?
Лея перечитала последний вопрос.
Затем осторожно добавила пятый.
Почему человек знал время окончания сеанса?
Она положила карандаш.
В памяти вновь всплыло лицо матери.
Последний вечер.
Последнее объятие.
Последние слова.
«Не откладывай жизнь на потом».
Лея закрыла глаза.
— Что ты пыталась мне сказать, мам?
Ответом было только негромкое гудение вентиляции.
Её взгляд упал на материнскую кружку.
Белая керамика.
Синяя полоска по краю.
Отколотая ручка, которую Мира категорически отказывалась заменять.
«У каждой вещи есть право состариться рядом с теми, кто её любит».
Так говорила мать.
Лея провела пальцами по холодной поверхности кружки.
В горле поднялся знакомый болезненный ком.
Она быстро отвернулась.
Сейчас нельзя было плакать.

Не потому, что в Ноктюрне это считалось слабостью.

А потому, что у неё появились вопросы, ответы на которые могла знать только мёртвая женщина.

И если Лея хотела их получить, ей придётся научиться искать самой.

Ремонтная мастерская «Вельт и Сольер» занимала первый этаж старого промышленного здания на двадцать девятом уровне.

Название было громким для предприятия, состоявшего из двух женщин, четырёх рабочих столов и одного постоянно ломающегося подъёмника.

Но Ада гордилась вывеской.

— Когда-нибудь, — говорила она, — мы откроем филиал в Верхнем городе. И эти надменные аристократы будут записываться к нам за три месяца.

— Они купят новую систему, — неизменно отвечала Лея.

— А мы будем чинить её, когда окажется, что деньги не заменяют мозги.

Сегодня Ада стояла возле разобранного распределительного привода и пыталась открутить заевшее крепление.

— Если ты пришла сказать, что опять не спала, можешь сразу идти домой.

Лея повесила пальто.

— Доброе утро и тебе.

— Доброе? — Ада фыркнула. — Этот проклятый механизм третий раз за неделю сжигает предохранитель. Я начинаю подозревать, что он делает это назло мне.

— Ты слишком сильно затянула крепёжный винт.

Ада посмотрела на неё.

Потом на винт.

Ослабила его.

Механизм поддался.

— Ненавижу тебя.

— Знаю.

— И особенно ненавижу, когда ты права.

Лея впервые за утро улыбнулась.

Ненадолго.

Она положила на стол старую техническую карту.

— Мне нужны схемы северного распределительного узла.

Ада медленно выпрямилась.

— Мы же вчера договорились, что ты сначала отдохнёшь.

— Мы ничего подобного не договаривались.

— Я говорила.

— А я слушала.

— Это не одно и то же.

Лея развернула карту.

— Посмотри сюда.

Ада вздохнула, вытерла руки тряпкой и подошла ближе.

На бумаге была изображена упрощённая система солнечного распределения Ноктюрна.

Верхние зеркала собирали естественный свет с поверхности и направляли его по защищённым шахтам в отдельные приёмные камеры.

Из них свет поступал в солнечные кабинеты, медицинские учреждения и частные владения богатых семей.

— Что именно ты ищешь?

— Семнадцатую кабину павильона «Аурея».

— Мы ведь не обслуживаем этот павильон.

— Поэтому мне нужны архивные схемы.

Ада наклонилась над картой.

— «Аурея» подключена к центральной западной линии.

— По современным документам — да.

— А по каким ещё?

Лея достала из кармана маленький листок.

На нём был её вчерашний набросок.

Несколько прямых линий.

Угол падения луча.

Расположение оптической панели.

Примерное направление отражения.

Ада внимательно изучила рисунок.

— Ты это рассчитала по тени?

— Приблизительно.

— Насколько приблизительно?

— Если я не ошиблась с положением последнего зеркала, свет приходил со стороны северного канала.

Ада подняла голову.

— Северного?

— Да.

— Лея, он закрыт.

— Я знаю.

— Не просто закрыт. Его законсервировали ещё до нашего рождения.

— Тогда почему солнечный свет вчера поступал оттуда?

Подруга помолчала.

— Может, ты ошиблась с направлением?

— Возможно.

— Вот. Уже разумнее.

— Поэтому я хочу проверить.

Ада потерла переносицу.

— Ты когда-нибудь сдаёшься?

— После получения результата.

— А если результат тебе не понравится?

Лея сложила карту.

— Тогда проверю ещё раз.

Несколько секунд Ада смотрела на неё, затем направилась к старому металлическому шкафу.

— У нас сохранились допуски к инженерному архиву после ремонта центральной насосной станции.

— Срок действия?

— До конца месяца.

— Отлично.

— Не радуйся. В хранилище нас пустят только к документам общего технического фонда.

— Мне достаточно схем.

— Ты уверена?

Лея посмотрела на часы.

— Нет.

Ада замерла с ключом в руке.

— Вот это уже тревожит.

— Что?

— Ты впервые за всё время нашего знакомства сказала, что в чём-то не уверена.

Лея слабо улыбнулась.

— Привыкай.

Административный комплекс Ноктюрна находился на девятнадцатом уровне.

Огромное здание из серого камня и чёрного стекла поднималось почти до верхнего перекрытия подземной каверны.

Вокруг него располагались суды, архивы, финансовые ведомства и учреждения, через которые проходили все официальные решения города.

Над входом была высечена надпись:

ПОРЯДОК. БЕЗОПАСНОСТЬ. ПРОЦВЕТАНИЕ.

Лея задержалась перед ступенями.

— Никогда не замечала, что здесь нет слова «свобода»?

Ада посмотрела на фасад.

— Наверное, не поместилось.

Они поднялись по широкой лестнице.

У входа их встретила система проверки удостоверений.

Мужчина в форме муниципальной охраны внимательно изучил рабочие пропуска.

— Цель посещения?

— Технический архив, — ответила Лея. — Проверка распределительных схем по действующему инженерному допуску.

— Номер заявки?

Она продиктовала.

Охранник ввёл данные.

На экране появилась жёлтая отметка.

— Доступ разрешён только к общей документации. Закрытые сектора исключены.

— Нам нужны исторические схемы, — сказала Ада.

— Второй коридор, регистрационный отдел.

Охранник вернул пропуска.

Когда они уже проходили через турникет, он добавил:

— И не отклоняйтесь от разрешённого маршрута.

Ада наклонилась к Лее.

— Как думаешь, это личная просьба?

— Скорее профессиональная привычка.

— Жаль. Я уже собиралась заблудиться в отделе налоговых льгот.

Регистрационный отдел занимал длинный зал с десятками одинаковых столов.

За каждым сидел служащий.

Над каждым висел номер.

На дальней стене огромные часы отсчитывали время до окончания рабочего дня.

Лея взяла электронный талон.

Б-417.

Ожидание составило сорок три минуты.

Ада успела дважды пожаловаться на кресла, один раз купить кофе и трижды предложить уйти.

Наконец на табло загорелся их номер.

За стойкой сидела женщина лет пятидесяти с идеально уложенными волосами и таким выражением лица, будто за последние тридцать лет она не услышала ни одного вопроса, достойного внимания.

На табличке было написано:

ТЕССА ВАЛЬД. СТАРШИЙ РЕГИСТРАТОР.

— Документы.

Лея передала удостоверение.

— Нам необходимы архивные чертежи северного солнечного распределительного узла.

Пальцы регистраторши замерли над клавиатурой.

— Северного?

— Да.

— Уточните номер объекта.

— Сектор С. Северная зеркальная шахта. Исторический распределительный канал.

Женщина несколько секунд смотрела на экран.

— Объект выведен из эксплуатации.

— Когда?

— Семьдесят четыре года назад.

— По какой причине?

— Утрата технической необходимости.

Лея нахмурилась.

— Что это означает?

— То, что объект более не требуется для работы городской инфраструктуры.

— Я понимаю формулировку. Спрашиваю, почему он перестал быть необходимым.

Регистраторша подняла глаза.

— Гражданка Сольер, я располагаю только информацией из реестра.

— Тогда кто располагает остальной?

— Соответствующее ведомство.

— Какое?

— Ведомство, ответственное за данный объект.

Ада едва слышно кашлянула.

Лея бросила на неё взгляд.

Подруга изо всех сил пыталась не рассмеяться.

— Хорошо, — медленно произнесла Лея. — Кто подписал распоряжение о консервации?

Тесса вновь посмотрела на экран.

— Сведения относятся к архиву ограниченного доступа.

— Почему?

— Согласно постановлению Совета двенадцати домов от двадцать шестого числа девятого цикла...

— Я не спрашиваю номер постановления.

Регистраторша замолчала.

В её глазах появилось холодное раздражение.

— Тогда сформулируйте запрос таким образом, чтобы он соответствовал предусмотренной процедуре.

Лея наклонилась вперёд.

— Мне нужен документ, подтверждающий, что северная шахта действительно не используется.

Тесса некоторое время смотрела на неё.

Затем напечатала несколько строк.

Из принтера вышел лист.

Она протянула его Лее.

На бумаге было написано:

СЕВЕРНАЯ ЗЕРКАЛЬНАЯ ШАХТА

Статус: законсервирована.

Эксплуатация: прекращена.

Доступ: запрещён.

Последняя подтверждённая активность: 74 года назад.

Лея внимательно прочитала документ.

— Это всё?

— Официальная выписка.

— А данные об энергопотреблении?

— Для законсервированных объектов не предусмотрено действующего энергоснабжения.

— А оптическая телеметрия?

— Отсутствует.

— А журналы технических вмешательств?

Тесса перестала печатать.

— Гражданка Сольер.

— Да?

— Вы пришли проверить статус объекта или поставить под сомнение достоверность государственного реестра?

В зале словно стало тише.

Ада перестала улыбаться.

Лея медленно выпрямилась.

— Я пришла узнать, откуда вчера поступал солнечный свет.

Тесса смотрела на неё неподвижно.

— Уточните.

— Павильон «Аурея». Кабина номер семнадцать. Сеанс в шесть семнадцать. Согласно моим наблюдениям, направление луча соответствовало северному каналу.

Регистраторша перевела взгляд на стоявший возле её стола небольшой служебный экран.

Пальцы быстро коснулись клавиатуры.

— Одну минуту.

Она открыла какое-то внутреннее меню.

На лице не появилось ни единой эмоции.

Но Лея заметила, что женщина больше не смотрит ей в глаза.

— Вам необходимо обратиться в Центральное управление зеркальных систем.

— Где оно находится?

— Двенадцатый этаж. Кабинет восемьсот четыре.

— Спасибо.

Лея взяла документы.

Они с Адой отошли от стойки.

— Поздравляю, — прошептала подруга.

— С чем?

— Ты добилась того, что служащая добровольно направила нас к начальству. Это почти историческое событие.

Но Лея не ответила.

Она оглянулась.

Тесса Вальд больше не обслуживала посетителей.

Регистраторша держала в руке телефонную трубку.

И внимательно смотрела им вслед.

Кабинет восемьсот четыре располагался в восточном крыле двенадцатого этажа.

Лея узнала имя на двери раньше, чем прочитала должность.

БАСТИАН КРОГ

Начальник отдела эксплуатационной безопасности зеркальных систем.

Тот самый мужчина, который вчера на похоронах называл её мать ценным специалистом.

Ада остановилась.

— Не нравится мне это.

— Мне тоже.

— Может, не будем?

Лея подняла руку и постучала.

Изнутри раздался знакомый голос:

— Войдите.

Кабинет был просторным.

На стенах висели старинные фотографии Ноктюрна.

На одной из них первые строители позировали возле гигантского зеркала, установленного под углом к поверхности.

На другой были изображены основатели города.

Люди и вампиры стояли рядом.

Плечом к плечу.

Словно равные.

Крог сидел за большим письменным столом.

При виде Леи его лицо заметно напряглось.

— Госпожа Сольер.

— Добрый день.

— Я не ожидал увидеть вас так скоро.

— Вчера вы предложили обратиться к вам по поводу документов.

— Через секретаря.

— Секретарь направила меня сюда.

Это была неправда.

Но Крог не стал уточнять.

Он посмотрел на Аду.

— А вы?

— Ада Вельт. Действующий инженерный допуск. Сопровождаю коллегу.

Крог жестом предложил им сесть.

— Чем могу помочь?

Лея положила перед ним официальную выписку.

— Мне нужны технические данные северной зеркальной шахты.

Несколько секунд он не шевелился.

— Зачем?

— Я проверяю происхождение солнечного луча, поступавшего вчера в кабину номер семнадцать павильона «Аурея».

Крог сложил руки.

— Это не входит в вашу профессиональную компетенцию.

— Я обслуживаю оптические приводы и распределительные системы.

— Но не оборудование частных солнечных павильонов Верхнего города.

— Уравнения отражения от этого не меняются.

Ада опустила голову, пряча улыбку.

Крог не улыбнулся.

— Северная шахта выведена из эксплуатации.

— Семьдесят четыре года назад. Мне сообщили.

— В таком случае вопрос закрыт.

— Нет.

Он медленно поднял глаза.

Лея достала рисунок.

— Посмотрите.

Крог не взял лист.

— Что это?

— Схема расположения теней в солнечной кабине. Я составила её сразу после сеанса.

— Теней?

— Дерева.

В кабинете повисла тишина.

Ада заметно напряглась.

Крог смотрел на Лею так, будто пытался определить, насколько серьёзно она говорит.

— Вы видели дерево?

— Его тень.

— Где?

— На стене кабины.

— Должно быть, декоративный элемент.

— Это была естественная тень. От живого дерева.

Крог медленно откинулся в кресле.

— Госпожа Сольер, вы ведь знаете, что за пределами защищённых районов поверхность непригодна для жизни.

— Именно поэтому я здесь.

— Значит, вы ошиблись.

— Возможно.

— Тогда зачем продолжать?

Лея наклонилась вперёд.

— Потому что я видела ещё и человека.

Крог посмотрел на неё.

Впервые за весь разговор его лицо действительно изменилось.

Всего на секунду.

Но этого оказалось достаточно.

— Кого? — спросил он.

— Не знаю.

— Вы разговаривали с ним?

— Нет.

— Он мог вас видеть?

— Думаю, да.

Крог медленно повернул ручку, лежавшую на столе.

— Вчера вы похоронили мать, — произнёс он. — Сильное эмоциональное потрясение способно изменить восприятие.

Лея почувствовала, как внутри поднимается гнев.

— Вы хотите сказать, что мне показалось?

— Я хочу сказать, что горе влияет на людей.

— А на инженерные расчёты?

— На способность объективно их интерпретировать.

— Тогда предоставьте мне исходные данные, и мы всё проверим.

Он положил ручку.

— В этом нет необходимости.

— Почему?

— Потому что северная шахта не работает.

— Вы это знаете?

— Разумеется.

— Лично проверяли?

Крог нахмурился.

— Что за вопрос?

— Обычный профессиональный вопрос. Вы утверждаете, что объект не работает. На основании чего?

— На основании официальной документации.

— Которую мне не показывают.

— Которую вы не уполномочены изучать.

Лея поднялась.

— Моя мать погибла на вашей станции. Спустя одиннадцать дней после её смерти я обнаруживаю признаки работы шахты, официально закрытой почти три четверти века назад. Вы не даёте мне ни отчёта об аварии, ни исходных схем, ни объяснения происхождения солнечного луча.

Крог тоже встал.

— Будьте осторожнее с обвинениями.

— Я никого не обвиняла.

— Пока.

Лея замолчала.

Мужчина посмотрел на неё неожиданно усталым взглядом.

— Ваша мать была выдающимся инженером, — произнёс он тише. — Но в последние недели она работала слишком много.

— Что это значит?

— Она занималась проектами, которые давно не имели практического значения.

— Какими?

Крог отвёл взгляд.

— Старыми распределительными системами. Архивными конструкциями. Устаревшими каналами.

Лея почувствовала, как ускоряется пульс.

— Северной шахтой?

Он ничего не сказал.

— Господин Крог?

— Я не стану обсуждать служебную деятельность умершего сотрудника без соответствующего распоряжения.

— Вы сами только что начали её обсуждать.

Крог подошёл к двери.

— Наш разговор окончен.

Лея не двинулась.

— Моя мать знала, что шахта работает?

Он остановился.

На несколько секунд в кабинете стало совершенно тихо.

— Госпожа Сольер, — наконец произнёс Крог, не оборачиваясь, — иногда человек начинает видеть закономерности там, где их нет. Особенно если очень хочет найти объяснение трагедии.

— А иногда закономерности действительно существуют.

Крог открыл дверь.

— В таком случае я советую вам не искать их слишком глубоко.

Лея посмотрела на него.

— Это предупреждение?

Мужчина выдержал её взгляд.

— Это совет человека, который знал вашу мать.

Они вышли.

Дверь закрылась.

Ада выдохнула.

— Какой приятный мужчина.

Лея молчала.

— Ле?

— Он знает.

— Что?

— Про северную шахту.

— Почему ты так решила?

Лея посмотрела на закрытую дверь.

— Потому что я ни разу не сказала ему, что мама работала именно с ней. Он сам начал рассказывать о старых каналах.

Ада нахмурилась.

— Может, это просто совпадение?

— Может быть.

Лея убрала рисунок в сумку.

— Но теперь я хочу увидеть настоящие чертежи ещё сильнее.

Архив находился на самом нижнем этаже административного комплекса.

Туда вёл отдельный лифт с массивными решётчатыми дверями.

Внутри пахло старым металлом и смазкой.

Пока кабина опускалась, Ада стояла неподвижно, скрестив руки.

— Знаешь, что мне не нравится больше всего?

— Что?

— Он не удивился, когда ты заговорила о дереве.

Лея посмотрела на неё.

— Ты тоже заметила?

— Да. Нормальный человек решил бы, что ты сошла с ума. А этот начал выяснять, разговаривала ли ты с кем-то.

Лея задумалась.

Действительно.

Крога больше интересовало не то, откуда взялся человек, а удалось ли ей с ним связаться.

— Думаешь, он кого-то защищает? — спросила Ада.

— Думаю, он боится, что я узнаю то, что ему давно известно.

Лифт остановился.

За дверями открылся огромный подземный зал.

Высокие металлические стеллажи уходили в темноту. Между ними тянулись узкие проходы, освещённые рядами жёлтых ламп.

В воздухе висел запах пыли, бумаги и старого клея.

Архив Ноктюрна.

Место, где хранилось прошлое города.

По крайней мере та его часть, которую не успели уничтожить.

У регистрационной стойки сидела пожилая женщина с серебристыми волосами, собранными в тугой пучок.

Она читала книгу.

Причём настоящую, бумажную.

Лея заметила на обложке потёртые золотые буквы.

«История северных поселений».

Когда они подошли, женщина подняла глаза.

— Если вы из финансового управления, передайте начальству, что я не собираюсь оцифровывать ещё тридцать тысяч страниц до конца месяца.

Ада моргнула.

— Мы не из финансового.

— Уже лучше.

Женщина закрыла книгу.

— Чем могу помочь?

— Нам нужны исторические схемы солнечной распределительной системы, — ответила Лея.

— Период?

— До консервации северного канала.

Улыбка исчезла с лица архивариуса.

— Зачем?

Лея протянула допуск.

Женщина внимательно изучила его.

Затем посмотрела на фамилию.

— Сольер?

— Да.

Пожилая женщина медленно сняла очки.

— Вы дочь Миры?

Лея замерла.

— Вы знали мою мать?

— Она часто приходила сюда.

— Когда?

— Много лет. Но в последнее время особенно часто.

Лея почувствовала знакомое напряжение.

— И что она искала?

Архивариус помолчала.

— Меня зовут Рут Финк. Я работаю здесь сорок два года. За это время научилась одной полезной вещи.

— Какой?

— Не отвечать на вопросы, пока не пойму, зачем их задают.

Лея смотрела на неё.

— Моя мать погибла одиннадцать дней назад.

Рут медленно опустила глаза.

— Я знаю.

— А вчера я увидела то, чего, согласно всем официальным документам, не существует.

— Что именно?

— Дерево. На поверхности.

Рут не ответила.

Лея сделала шаг ближе.

— И человека.

Книга в руках архивариуса тихо стукнула о стол.

Несколько секунд женщина просто смотрела на Лею.

Затем медленно поднялась.

— Закройте за собой дверь.

Ада оглянулась.

— Какую?

Рут указала на стеклянную перегородку за их спинами.

— Эту.

Лея закрыла.

Архивариус подошла к старой панели управления и отключила небольшой служебный экран.

— Вы уверены в том, что видели?

— Да.

— Вы говорили об этом кому-нибудь?

— Сотрудникам павильона. Бастиану Крогу.

Рут прикрыла глаза.

— Плохо.

— Почему?

— Потому что теперь они знают, что Мира успела передать вам сообщение.

По спине Леи пробежал холод.

— Какое сообщение?

Рут посмотрела на неё с почти материнской жалостью.

— Значит, вы ещё не поняли.

— Что именно?

Женщина направилась к стеллажам.

— Пойдёмте. Я покажу вам кое-что.

Они прошли несколько длинных коридоров.

На металлических полках лежали рулоны чертежей.

Некоторые были настолько старыми, что их края рассыпались от прикосновения.

На других виднелись цветные печати и архивные номера.

Рут остановилась перед высоким шкафом.

На его дверце была табличка:

ОПТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ. ПЕРВОЕ СТОЛЕТИЕ НОКТЮРНА.

Она вставила ключ в замок.

— Ваша мать приходила сюда за две недели до аварии, — сказала она.

Лея напряглась.

— Зачем?

— Просила поднять первоначальные схемы северного канала.

— Вы их нашли?

— Да.

— И?

Рут открыла шкаф.

— Оказалось, что они не совпадают с современными чертежами.

Она достала длинный цилиндрический футляр.

Положила его на стол.

Осторожно вынула пожелтевший лист.

Ада помогла развернуть бумагу.

Перед ними появилась сложная схема подземных сооружений.

Множество линий.

Зеркальные узлы.

Шахты.

Технические тоннели.

Системы вентиляции.

Лея узнала центральный распределительный комплекс.

Но на северной стороне карты находилась целая сеть каналов, которой не было в современных документах.

— Что это? — спросила она.

— Первоначальная система солнечного распределения, — ответила Рут. — Построена в первые десятилетия существования города.

Лея склонилась над чертежом.

— Здесь три дополнительных зеркальных узла.

— Четыре, — поправила архивариус.

Она указала на едва заметный символ возле края бумаги.

— Последний расположен выше остальных. Почти у самой поверхности.

Лея прищурилась.

— Это невозможно.

— Почему?

— Потому что современные схемы заканчиваются на третьем уровне зеркальных отражателей.

— Современные схемы, — подчеркнула Рут.

Лея провела пальцем по линии четвёртого узла.

Он соединялся с длинным северным тоннелем.

На конце тоннеля находилась небольшая станция.

Её обозначение было почти стёрто.

С-17.

Лея почувствовала, как сердце забилось быстрее.

Семнадцать.

Она снова посмотрела на чертёж.

Линия от четвёртого узла уходила вниз, пересекала несколько центральных шахт и соединялась с распределительным коллектором, обслуживавшим верхние уровни города.

— Получается, этот канал мог передавать свет в «Аурею»?

Рут кивнула.

— При определённом положении зеркал.

Ада наклонилась ближе.

— Но зачем его отключили?

— Официально — из-за нестабильности грунта и опасности проникновения заражённого воздуха с поверхности.

— А неофициально? — спросила Лея.

Рут медленно свернула край чертежа.

— Не все решения о строительстве города принимались инженерами.

Лея подняла голову.

— Что это значит?

— То, что иногда техническая невозможность появляется лишь после того, как её объявляет политическое руководство.

Ада тихо присвистнула.

— Вы сейчас говорите, что систему могли закрыть без технической необходимости?

— Я говорю, что в архиве нет акта, подтверждающего её физическое разрушение.

Лея вновь посмотрела на линии.

— Значит, шахта может существовать до сих пор.

Рут не ответила.

Но её молчание было красноречивее любых слов.

Следующие полчаса они изучали старые чертежи.

Рут разрешила работать с документами только на архивном столе.

Фотографировать было запрещено.

Копирование требовало отдельной заявки.

Лея быстро делала пометки в блокноте.

Она сверяла направления.

Высчитывала углы.

Сравнивала расположение зеркал с тем, что запомнила во время солнечного сеанса.

Постепенно складывалась картина.

Если четвёртый северный узел действительно существовал, он мог направлять свет в распределительный коллектор.

Но для попадания луча именно в семнадцатую кабину требовалось изменить положение как минимум двух отражателей.

Причём очень точно.

— Посмотри, — сказала Лея, подвигая чертёж к Аде.

— На что?

— Вот исходная линия. А вот распределитель.

Она провела карандашом над бумагой, не касаясь её.

— Если повернуть четвёртое зеркало на две минуты сорок угловых секунд, луч попадёт в обходной канал.

Ада нахмурилась.

— А потом?

— Потом нужно перенастроить нижний отражатель. Иначе свет уйдёт в техническую галерею.

— Насколько?

Лея быстро записала расчёт.

— Приблизительно на один градус восемнадцать минут.

Ада посмотрела на неё.

— Ты уверена?

— При условии, что зеркала сохранили исходное положение.

Рут стояла возле шкафа.

Внезапно она произнесла:

— Подождите.

Обе женщины подняли головы.

Архивариус быстро прошла к соседнему стеллажу.

Достала небольшую папку.

Открыла.

Перелистала несколько страниц.

Затем вернулась к столу.

— Вот это искала ваша мать.

Она положила перед Леей тонкий лист.

Сверху стояла официальная печать технического управления.

КОРРЕКТИРОВКА ОПТИЧЕСКОГО МАРШРУТА

Объект: северный распределительный сектор.

Узел: С-17.

Основание: контрольная проверка геометрии отражения.

Лея начала читать.

На третьей строке остановилась.

Потому что увидела цифры.

Смещение отражателя № 4: +00°02′40″.

Смещение нижнего распределителя: −01°18′00″.

Она медленно опустилась на стул.

Ада посмотрела на записи в блокноте.

Потом на документ.

— Лея...

— Я вижу.

— Это ровно то, что ты сейчас рассчитала.

— Да.

Рут внимательно наблюдала за ними.

— Что это означает?

Лея подняла глаза.

— Что кто-то изменил направление северного солнечного луча.

— Когда?

Она посмотрела на дату.

И почувствовала, как внутри всё похолодело.

Документ был зарегистрирован за два дня до смерти Миры Сольер.

В нижней части стояла подпись.

Чёткая.

Знакомая.

Лея видела её тысячи раз.

На школьных разрешениях.

На квитанциях.

На письмах.

На поздравительных открытках.

М. Сольер.

— Мама, — прошептала она.

Ада приблизилась.

— Она сама перенастроила систему?

Лея молча кивнула.

Рут сняла очки.

— Я боялась, что вы это обнаружите.

Лея резко посмотрела на неё.

— Вы знали?

— Знала, что Мира готовит испытание. Но не знала, что именно она хотела показать.

— Почему вы не сказали сразу?

— Потому что ваша мать просила никому не рассказывать о её работе.

— Даже мне?

Рут выдержала её взгляд.

— Особенно вам.

Лея почувствовала острую обиду.

— Почему?

— Она боялась за вас.

— Чего?

Архивариус опустила глаза.

— В последний раз, когда Мира приходила сюда, она сказала одну вещь.

— Какую?

Рут немного помолчала.

— «Если Лея начнёт задавать вопросы, не пытайтесь её остановить. Просто убедитесь, что она задаёт правильные».

Лея стиснула карандаш.

— И какие же вопросы правильные?

Рут посмотрела на старый чертёж.

— Например, почему закрытую семьдесят четыре года назад систему можно перенастроить за два дня до гибели инженера.

Лея изучала документ ещё несколько минут.

И чем дольше смотрела, тем больше деталей замечала.

Корректировка была зарегистрирована официально.

Но не содержала подписи начальника отдела.

Вместо неё стояла маленькая отметка:

СОГЛАСОВАНО ПО ВНУТРЕННЕМУ ПРОТОКОЛУ.

Номер протокола отсутствовал.

— Рут, — позвала Лея. — А что означает этот штамп?

Архивариус подошла.

Посмотрела.

Её лицо изменилось.

— Где вы это нашли?

— На обороте.

Рут осторожно взяла лист.

— Странно.

— Что?

— Такие штампы используются для работ, которые не отражаются в обычной эксплуатационной отчётности.

Ада присвистнула.

— Секретные работы?

— Не обязательно. Иногда аварийные. Иногда связанные с безопасностью.

Лея посмотрела на дату.

— Моя мать провела перенастройку. Через два дня погибла. Теперь администрация утверждает, что северная шахта не работает.

— Да, — тихо ответила Рут.

— И никто не видит здесь противоречия?

Архивариус сложила документ.

— Вы видите. Теперь вопрос в том, кто ещё захочет его заметить.

Вдалеке хлопнула металлическая дверь.

Рут подняла голову.

По архивному залу прокатилось эхо шагов.

Она быстро взглянула на часы.

— Вам нужно заканчивать.

— Почему?

— Скоро начнётся проверка фонда.

— По расписанию?

— Сегодня её не должно было быть.

Лея посмотрела в сторону коридора.

В проходе между стеллажами мелькнули две тёмные фигуры.

— Кто это?

Рут начала сворачивать чертежи.

— Служба архивной безопасности.

— Они ищут нас?

— Пока не знаю. И предпочла бы не выяснять.

Ада быстро собрала бумаги.

— Лея, она права. Нам пора.

Но Лея задержалась.

— Рут, мне нужна копия корректировки.

Архивариус посмотрела на неё.

Потом на официальный штамп.

— Подождите здесь.

Она ушла к старому печатному аппарату.

Несколько секунд слышался шум механизма.

Рут вернулась с двумя листами.

На одном был старый план узла С-17.

На другом — техническая корректировка с подписью Миры.

— В общем фонде разрешено выдавать копии документов, не имеющих действующего грифа секретности, — сказала она. — Ваш допуск позволяет получить эти материалы.

— Спасибо.

Рут протянула их Лее.

Но когда девушка хотела убрать бумаги в сумку, пожилая женщина крепко сжала её запястье.

— Послушайте меня внимательно.

Лея замерла.

— Ваша мать была осторожным человеком. Очень осторожным. Она никогда не совершала необдуманных поступков.

— Я знаю.

— Если она решила показать вам солнечный свет именно таким способом, значит, не могла просто рассказать правду.

— Почему?

Рут посмотрела ей в глаза.

— Иногда знания опасны не потому, что они ложные, а потому, что кто-то построил свою власть на том, чтобы вы их никогда не получили.

Она отпустила руку.

— И ещё.

— Что?

— Не храните всё найденное в одном месте.

Лея кивнула.

— Я запомню.

— Надеюсь.

Где-то совсем близко раздался мужской голос:

— Госпожа Финк? Проверка отдела безопасности.

Рут быстро подтолкнула их к боковому проходу.

— По этой лестнице выйдете к служебному лифту. Ваши пропуска действуют.

— А вы? — спросила Лея.

Пожилая женщина поправила очки.

— Я работаю здесь сорок два года. Думаю, сумею объяснить, почему два инженера изучали технические документы.

Она посмотрела на Лею.

— Берегите часы.

Лея резко остановилась.

— Откуда вы знаете о часах?

Рут уже отвернулась.

— Ваша мать сказала, что оставила их вам.

— И что в них особенного?

Архивариус помедлила.

— Если бы знала, я бы, наверное, спала гораздо спокойнее.

Они вышли из административного комплекса через служебную галерею.

Только оказавшись среди людского потока, Ада позволила себе выдохнуть.

— Ну что, поздравляю.

— С чем на этот раз?

— Теперь у нас есть доказательство, что официальная информация не соответствует техническим данным. И, возможно, проблемы с городской администрацией.

Лея рассматривала копию документа.

Подпись матери казалась почти живой.

— Она специально изменила направление света, — произнесла она.

— Похоже на то.

— Чтобы я увидела дерево.

— И человека.

Лея кивнула.

Ада некоторое время шла молча.

Потом спросила:

— А ты подумала, почему она не показала это тебе при жизни?

Лея остановилась.

— Что?

— Мира ведь могла привести тебя в кабину. Могла сама объяснить, как работает система. Почему вместо этого составила завещание?

Лея посмотрела на неё.

Этот вопрос мучил её с момента получения конверта.

— Может быть, она собиралась, но не успела.

— Возможно.

Ада поправила ремень сумки.

— А может, она понимала, что ей не позволят.

Лея вновь посмотрела на подпись.

М. Сольер.

Всего две буквы и фамилия.

Последний сохранившийся след материнской работы.

Ей вдруг захотелось услышать её голос.

Не из воспоминания.

Не во сне.

По-настоящему.

Чтобы Мира вошла на кухню, поставила чайник и сказала, что всё это просто ошибка.

Что никаких людей на поверхности нет.

Что часы — старая безделушка.

Что она не погибла при загадочной аварии.

Что сегодня вечером они снова будут ужинать вместе.

Но люди не возвращались из смерти.

Даже в городе, которым управляли бессмертные.

По дороге домой они остановились у небольшой кофейни.

Ада заказала два горячих напитка и настояла, чтобы Лея хотя бы съела пирожок.

Они заняли столик возле стены.

Здесь было шумно, пахло кофе и свежим хлебом, а над стойкой играла старая музыкальная запись.

— Давай разберёмся, — предложила Ада. — Только без предположений. Исключительно то, что мы знаем наверняка.

Лея достала блокнот.

— Хорошо.

— Первое. Северный канал официально закрыт.

— Но оригинальные схемы подтверждают его существование.

— Второе. Твоя мать за два дня до смерти подписала корректировку его зеркал.

— Да.

— Третье. Вчера ты увидела свет, который мог пройти по этому маршруту.

— Причём именно в то время, на которое был оформлен сертификат.

Ада кивнула.

— Четвёртое. Кто-то находился на поверхности.

Лея медленно покачала головой.

— Нет. Последнее мы пока не можем считать доказанным.

Ада удивилась.

— Но ты сама его видела.

— Я видела тень человека. Это факт. Где находился её источник — пока нет.

Подруга слабо улыбнулась.

— Вот теперь я узнаю свою Лею.

Лея сделала ещё одну запись.

— Нам нужен журнал фактического энергоснабжения северного узла.

— Он может быть закрыт.

— Тогда найдём другой способ проверить, работает ли оборудование.

— И что потом?

Лея посмотрела на копию старого плана.

— Потом выясним, что находится в секторе С-17.

Ада осторожно поставила чашку.

— Ты ведь понимаешь, что это может быть опасно?

— Да.

— Насколько?

— Пока не знаю.

— Меня не устраивает этот ответ.

Лея подняла глаза.

— Ада, если бы ты получила доказательства, что всё, чему нас учили о поверхности, возможно, неправда... Ты смогла бы просто забыть?

Подруга долго молчала.

Затем посмотрела на собственные руки.

На небольшие ожоги.

На старые порезы.

На следы многолетней работы.

— Мой отец умер в сорок девять, — произнесла она неожиданно.

Лея знала об этом.

Но никогда не слышала подробностей.

— Он работал в донорском распределителе, — продолжила Ада. — Сдавал кровь сверх нормы. Хотел накопить на солнечную терапию для мамы.

Она слабо улыбнулась.

— Знаешь, что самое смешное?

Лея покачала головой.

— Мама пережила его на четырнадцать лет. Так и не увидела солнца. А отец всю жизнь надеялся, что однажды сможет ей его подарить.

Ада подняла взгляд.

— Так что нет, Лея. Я бы не забыла.

Несколько секунд они сидели молча.

Потом подруга взяла блокнот и написала под последним вопросом:

«Найти способ добраться до настоящей схемы северного сектора».

— Теперь это и моя проблема, — сказала она.

Лея впервые за день почувствовала, что не одна.

К вечеру искусственное освещение Ноктюрна начало тускнеть.

На нижних уровнях зажглись красноватые ночные лампы.

Из вентиляционных шахт потянуло холодом.

Лея возвращалась домой с тяжёлой сумкой.

Внутри лежали копии чертежей, рабочий блокнот и старинные часы.

Ада осталась в мастерской, чтобы закончить срочный заказ.

Они договорились встретиться утром и продолжить изучение схем.

Лея поднялась по лестнице.

На площадке перед квартирой стояла пожилая соседка, госпожа Морен.

Она держала в руках мусорный пакет и недовольно разглядывала дверной замок.

— Добрый вечер, Лея.

— Добрый вечер.

— К тебе сегодня приходили.

Лея остановилась.

— Кто?

— Двое мужчин.

— Когда?

— Часа два назад.

У Леи неприятно сжался желудок.

— Что они хотели?

— Сказали, что из технического управления. Проверка системы безопасности после аварии.

— Какой аварии?

— Не знаю, милая. Я тоже спросила.

— И что они ответили?

Соседка нахмурилась.

— Что проверяют квартиры сотрудников центральных шахт.

Лея почувствовала холод.

— Вы их впустили?

— Нет. Но у них был служебный ключ.

— Какой ключ?

— Универсальный. Они показали удостоверения.

— Вы запомнили имена?

— Нет.

Госпожа Морен помолчала.

— Мне не понравились эти люди.

— Почему?

— Они не спросили, дома ли ты.

Лея медленно повернулась к своей двери.

Замок выглядел неповреждённым.

Никаких следов взлома.
Никаких царапин.
Но она сразу заметила одну мелочь.
На дверной ручке больше не висела маленькая медная подвеска.
Мать привязала её много лет назад.
«Чтобы дом всегда узнавал своих».
Лея никогда не снимала её.
Теперь подвеска лежала на полу возле порога.
— Госпожа Морен, — тихо сказала она. — Пожалуйста, зайдите к себе.
Соседка встревожилась.
— Что случилось?
— Пока не знаю.
Лея медленно открыла дверь.
Первое, что она заметила, — запах.
В квартире пахло чужими людьми.
Не духами.
Не табаком.
Чем-то резким, похожим на чистящее средство.
Лея шагнула в коридор.
Свет горел.
Материнское пальто висело на месте.
На кухне стояла чашка, которую она оставила утром.
Но что-то было не так.
Она не сразу поняла что.
Потом увидела приоткрытую дверцу шкафа.
Лея точно помнила, что закрыла её.
Она осторожно прошла дальше.
На полу лежали бумаги.
Выдвинутые ящики.
Пустая деревянная коробка.
Материнская спальня была перевёрнута вверх дном.
Подушки сброшены.
Матрас сдвинут.
Книги вытащены с полок.
Дверца письменного стола висела на одной петле.
Лея остановилась посреди комнаты.
Несколько секунд она не могла осмыслить увиденное.
Потом бросилась к столу.
Открыла первый ящик.
Пусто.
Второй.
Пусто.
Третий.
Тоже.
Она опустилась на колени.
Подняла деревянную коробку.
Вчера здесь лежали детские рисунки.
Письма.
Старые фотографии.

Лист с изображением дерева.
Теперь ничего не осталось.
— Нет...
Она перевернула коробку.
Провела рукой по дну.
Пусто.
Лея бросилась к книжному шкафу.
Материнские технические справочники исчезли.
Рабочие тетради.
Старые карты.
Папки с чертежами.
Даже потрёпанный блокнот, в котором Мира записывала домашние расходы.
Кто-то забрал всё, что было связано с её записями.
Всё, что могло содержать хоть какую-то информацию.
— Нет!
Лея с силой захлопнула пустой ящик.
— Проклятье!
Она услышала собственное дыхание.
Частое.
Неровное.
Ей вдруг показалось, что комната стала меньше.
Воздух тяжелее.
Стены ближе.
Она схватила коммуникатор.
Набрала номер Ады.
Подруга ответила почти сразу.
— Ле, ты что-то забыла?
— Ко мне вломились.
Пауза.
— Что?
— В квартиру. Кто-то был здесь.
— Ты одна?
— Да.
— Немедленно выйди.
— Ада...
— Лея, слушай меня. Выйди из квартиры и жди на лестнице. Я сейчас приду.
Связь оборвалась.
Лея посмотрела на пустые полки.
Затем на разбросанную одежду.
Она знала, что должна уйти.
Но не могла.
Кто-то вторгся в единственное место, где ещё сохранялось присутствие матери.
Кто-то открывал её шкафы.
Перебирал вещи.
Трогал фотографии.
И забрал всё, что Мира оставила после себя.
Лея почувствовала, как по лицу потекли слёзы.
В этот раз она даже не пыталась их остановить.
— Вы не имели права, — прошептала она.

Слова прозвучали бессмысленно.

Людей, которым они предназначались, здесь не было.

Она села прямо на пол.

Прижала ладони к лицу.

И впервые после похорон почувствовала не только горе.

Ярость.

Холодную, почти физическую ярость.

Мать погибла.

Её смерть не объяснили.

Её документы скрывали.

А теперь кто-то пришёл и забрал последние вещи, которые могли помочь Лее понять правду.

Значит, им есть что скрывать.

Эта мысль прозвучала настолько ясно, что девушка медленно подняла голову.

Если бы она ошибалась, никто не стал бы обыскивать квартиру.

Если бы северная шахта действительно не работала, никому не понадобилось бы уничтожать следы её деятельности.

Значит, она была на правильном пути.

И кто-то об этом узнал.

Ада приехала через двадцать пять минут.

Вошла в квартиру с тяжёлым разводным ключом в руке.

Лея посмотрела на него.

— Ты собиралась чинить мне дверь?

— Если понадобится — чью-нибудь голову.

— Ада...

— Это образное выражение.

Она осмотрела коридор.

Затем осторожно заглянула в комнаты.

— Господи.

Лея стояла у письменного стола.

— Они забрали все документы мамы.

— Деньги?

— Не знаю.

— Украшения?

— У неё почти не было украшений.

Ада подошла к старой шкатулке.

Открыла её.

Внутри лежали серебряное кольцо, тонкая цепочка и небольшая брошь.

— Всё на месте, — сказала она.

Лея кивнула.

— Я заметила.

Подруга медленно опустила крышку.

— Значит, они пришли не за ценностями.

— Нет.

— За бумагами.

— Да.

Ада посмотрела на разбросанные вещи.

— Это был не обычный обыск.

— Почему?

— Они не переворачивали кухню. Не тронули кошелёк. Не забрали инструмент. Искали только документы.

Лея достала из сумки копии архивных чертежей.

— Хорошо, что это осталось со мной.

Ада нахмурилась.

— Ты уверена, что никто не видел, как ты их получала?

— В архиве были сотрудники безопасности.

— А в администрации ты говорила с Крогом.

Обе замолчали.

Лея медленно посмотрела на подругу.

— Думаешь, это он?

— Я думаю, что мы слишком быстро начали задавать вопросы людям, которым они явно не понравились.

Ада прошла к входной двери.

Осмотрела замок.

— Следов взлома нет.

— Соседка видела двух мужчин со служебным ключом.

— В форме?

— Она сказала, что из технического управления.

— Значит, либо действительно сотрудники, либо кто-то имел доступ к их удостоверениям.

Ада повернулась.

— Надо сообщить в муниципальную охрану.

Лея горько усмехнулась.

— Чтобы они прислали тех же людей?

— Мы не знаем, были ли это они.

— Но знаем, что у них был служебный ключ.

— Ле, если ты не заявишь о проникновении, у нас не останется официального подтверждения.

Лея задумалась.

Подруга была права.

Но передавать все подробности расследования неизвестному служащему ей не хотелось.

— Завтра подадим заявление, — сказала она. — Зафиксируем пропажу имущества. Без наших предположений о шахте.

Ада кивнула.

— Разумно.

Она ещё раз осмотрела комнату.

— А часы?

Лея замерла.

— Что?

— Часы твоей матери. Где они?

Лея резко повернулась к сумке.

Расстегнула её.

Достала старинный латунный корпус.

Часы были на месте.

Она положила их на стол.

Ада внимательно посмотрела.

— Они не пытались забрать их?

— Не знаю. Они оставались со мной.

— А утром?

— Я брала их на работу. Потом в администрацию.

Подруга задумалась.

— Значит, пока они обыскивали квартиру, часов здесь не было.

Лея медленно кивнула.

— Да.

— Повезло.

Но Лея не считала это везением.

Мать оставила ей часы.

Нотариус передал отдельное предупреждение.

«Не позволяйте им забрать часы».

Кто-то проник в квартиру, чтобы уничтожить или похитить материнские записи.

А единственная вещь, которую Мира особенно просила сохранить, находилась у Леи в сумке.

— Они знали о часах, — тихо произнесла она.

— Откуда?

— Не знаю.

— И ты думаешь, что они снова придут?

Лея посмотрела на закрытую дверь.

— Если поймут, что часов здесь не было, вполне возможно.

Ада некоторое время молчала.

Потом решительно поднялась.

— Собирай вещи.

— Зачем?

— Сегодня ты ночуешь у меня.

— Ада...

— Не обсуждается.

— Я не могу оставить квартиру.

— Квартира никуда не денется.

Лея посмотрела на пустой шкаф.

— Почти всё, что осталось от мамы, уже исчезло.

Ада подошла ближе.

— Лея.

Подруга осторожно взяла её за плечи.

— Послушай меня. То, что украли её бумаги, не означает, что они забрали твою мать.

Лея опустила голову.

— Я даже рисунок не сохранила.

— Какой рисунок?

— Мы с Тимом. Под деревом.

Ада замерла.

Она редко слышала это имя.

— Ты нашла его?

— Вчера. В маминой коробке.

Лея с трудом сглотнула.

— Я даже не успела понять, почему мы были нарисованы на поверхности.

Ада ничего не ответила.

Вместо этого крепко обняла её.

Несколько секунд Лея сопротивлялась.

Потом уткнулась лицом в плечо подруги.

И заплакала.
Без сдержанности.
Без стыда.
Без попыток выглядеть сильной.
В Ноктюрне не принято было плакать.
Но Ада не сказала ни слова.
Она просто стояла рядом.
Пока Лея снова не смогла дышать.
В квартире Ады было тесно.
Повсюду лежали инструменты, недочитанные книги и разобранные механизмы.
На кухонном столе стояла старая лампа с треснувшим стеклянным плафоном.
Ада поставила чайник.
— Можешь лечь в моей комнате. Я посплю на диване.
— Не надо. Я всё равно не усну.
— Тогда хотя бы поешь.
Лея слабо улыбнулась.
— Ты умеешь говорить о чём-нибудь, кроме еды?
— Умею. О работе. О плохих мужчинах. О неисправных двигателях. Но сейчас выбираю еду.
Она достала хлеб и остатки сыра.
Поставила перед подругой тарелку.
Лея смотрела на часы.
Они лежали на столе.
Неподвижные.
Молчаливые.
Старые.
— Знаешь, — сказала она, — мама никогда не покупала вещи без причины.
Ада повернулась.
— Это наследственное?
— Что?
— Твоя привычка искать смысл в каждой царапине.
Лея почти улыбнулась.
— Наверное.
Она взяла часы.
Открыла крышку.
— Они сломаны.
— Ты уже говорила.
— Но вчера заработали.
— На солнце.
— Да.
— Значит, тепло?
— Возможно.
Лея посмотрела на циферблат.
Шесть семнадцать.
— Вчера стрелки двигались назад.
Ада поставила чашку.
— Ты уверена?
— Абсолютно.
— Может, кто-то изменил передаточное колесо?

— Тогда механизм работал бы неправильно постоянно. А он вообще не работает.

— Пока не попадёт под солнце.

Лея задумалась.

На некоторых старых автоматических устройствах использовались термочувствительные пластины.

При нагревании металл расширялся и приводил в движение небольшой механизм.

Такие конструкции были редкостью.

Но возможной.

Она достала из сумки инструментальный набор.

Ада посмотрела на неё с подозрением.

— Ты собираешься разобрать семейную реликвию?

— Я собираюсь выяснить, зачем мама её оставила.

— А если сломаешь?

Лея повернула часы.

— Тогда придётся чинить.

Она осторожно сняла заднюю крышку.

Внутри находился уже знакомый механизм.

Маленькие шестерёнки.

Тонкая пружина.

Металлическая пластина с надписью «СЕВЕР».

Но теперь, при ярком свете рабочей лампы, Лея заметила то, чего не увидела вчера.

На внутренней стороне корпуса находились два необычно тонких винта.

Один был неподвижен.

Другой чуть выступал над поверхностью.

— Ада, дай мне увеличительное стекло.

Подруга достала лупу.

Лея внимательно осмотрела крепление.

— Странно.

— Что?

— Этот винт ничего не удерживает.

— Может, декоративный?

— В часовых механизмах не бывает декоративных винтов внутри корпуса.

Она слегка надавила на него инструментом.

Что-то едва слышно щёлкнуло.

Под пластиной «СЕВЕР» появился тончайший зазор.

Лея замерла.

— Подожди...

Ада подошла ближе.

— Что ты нашла?

— Второе дно.

Она осторожно поддела металлическую пластину.

Та не поддалась.

Лея попробовала повернуть её.

Безуспешно.

— Там есть замок, — произнесла она.

— Внутри часов?

— Очень маленький механический фиксатор. Он связан со стрелочным механизмом.

Ада наклонилась.

— Может, поэтому они остановились на определённом времени?

Лея посмотрела на циферблат.
Шесть семнадцать.
Она медленно взяла заводную головку.
Потянула.
Первое положение.
Обычная настройка стрелок.
Второе.
Неожиданно головка вышла чуть дальше, чем должна была.
Лея почувствовала сопротивление.
Затем осторожно повернула её назад.
Стрелки сдвинулись.
Минутная прошла отметку семнадцати минут.
Лея остановилась.
— Что если это не сломанные часы?
Ада нахмурилась.
— А что?
— Замок.
Подруга посмотрела на механизм.
— Который открывается временем?
— Положением стрелок.
Лея выставила шесть часов семнадцать минут.
Затем нажала на выступающий винт.
Раздался тихий щелчок.
Металлическая пластина приподнялась.
Обе женщины одновременно затаили дыхание.
— Вот теперь, — прошептала Ада, — мне действительно не по себе.
Лея аккуратно сняла пластину.
Под ней находилось маленькое углубление.
Внутри лежал тончайший металлический прямоугольник.
Не больше ногтя.
Она осторожно подхватила его пинцетом.
Пластина была изготовлена из тёмного металла.
На одной стороне имелась крошечная гравировка.
Лея поднесла её к лампе.
Ничего.
Только тонкие линии.
Она повернула пластину под углом.
И увидела цифры.
— Ада...
— Что?
— Кажется, мы нашли то, что мама действительно хотела мне оставить.
Они перенесли пластину на рабочий стол.
Ада включила увеличительную оптическую линзу.
Под холодным белым светом на металлической поверхности проступили символы.
Сначала Лея увидела короткую надпись:
N—0
Ниже располагались три строки.
X: 046.217
Y: 019.604

H: –002

В самом низу была выгравирована маленькая шестиконечная звезда.

Точно такая же, какую Мира использовала на письмах дочери.

Ада медленно прочитала цифры.

— Координаты?

Лея кивнула.

— Похоже на старую городскую систему пространственной привязки.

— Что означает «N—0»?

— Северный нулевой сектор.

Ада удивлённо посмотрела на неё.

— Но у нас нет нулевого сектора.

— На современных картах нет.

Лея достала блокнот.

Записала координаты.

— Буква H означает высотную отметку. Минус два — скорее всего, два уровня ниже исходного геодезического горизонта.

— A X и Y?

— Положение по старой координатной сетке.

Ада задумалась.

— Ты можешь определить место?

— Попробую.

Она открыла электронную карту Ноктюрна.

На экране возникла трёхмерная модель города.

Двенадцать основных жилых секторов.

Промышленные уровни.

Транспортные туннели.

Центральная административная каверна.

Солнечные распределители.

Лея ввела координаты.

Программа несколько секунд обрабатывала запрос.

Затем на экране появилось сообщение:

ОБЪЕКТ НЕ НАЙДЕН.

Она повторила попытку.

Тот же результат.

Ада наклонилась ближе.

— Может, координаты неправильные?

— Не думаю.

— Почему?

— Посмотри на обозначение.

Лея увеличила карту.

Северная часть города заканчивалась сектором N-1.

За ним находилась большая серая область.

Без улиц.

Без тоннелей.

Без зданий.

На экране она была обозначена как геологически нестабильная зона, непригодная для эксплуатации.

Лея подвела курсор к границе.

— Здесь должна проходить старая северная распределительная система.

Ада посмотрела на неё.

— Но на карте ничего нет.

— Именно.

Лея открыла список исторических адресов.

Система выдала архивные наименования существовавших ранее кварталов.

Она прокрутила перечень.

Северная промышленная галерея.

Сектор технической консервации.

Старые жилые блоки.

Ни одного упоминания нулевого сектора.

— Может, его переименовали? — предположила Ада.

— Тогда должен сохраниться прежний индекс.

— Или документы удалили.

Лея подняла глаза.

Они посмотрели друг на друга.

Вспомнили пустые шкафы в квартире Миры.

Официальные выписки.

Предупреждение Крога.

И архивариуса, которая слишком хорошо знала цену старым документам.

— Надо найти бумажную карту, — сказала Лея.

— Сейчас?

— Да.

Ада посмотрела на часы.

— Половина второго.

— В Ноктюрне всё равно нет настоящей ночи.

— Организму об этом забыли сообщить.

Но подруга уже направлялась к шкафу.

Ада хранила старые карты по той же причине, по которой другие люди собирали редкие книги.

Она любила вещи, существовавшие до массовой цифровизации.

— Бумага, — говорила она, — по крайней мере, не меняется сама, когда кому-то наверху захочется исправить прошлое.

В нижнем отделении шкафа лежал широкий металлический тубус.

Ада достала его и осторожно открыла.

— Это карта моего деда.

— Насколько старая?

— Ещё до последней большой реконструкции города. Лет девяносто, наверное.

Они развернули пожелтевший лист.

Карта была огромной.

Почти на весь стол.

Её края потрескались.

Некоторые надписи выцвели.

Но основные линии сохранялись.

Лея осторожно провела пальцем по сетке.

— Вот север.

— Да.

— А вот центральная шахта.

Она сравнила карту с современным изображением.

Постепенно начала замечать расхождения.

На старой карте северная граница находилась значительно дальше.

Там, где на современной модели заканчивались технические сектора, когда-то существовала целая сеть сооружений.

Лея склонилась ближе.

— Ада...

— Что?

— Посмотри.

Она указала на небольшой прямоугольник.

Внутри находились улицы.

Переходы.

Старые вентиляционные станции.

И круглая площадь в центре.

Над участком стояла почти стёртая надпись.

СЕВЕРНЫЙ НУЛЕВОЙ РАЙОН.

Ада медленно подняла голову.

— Значит, он существовал.

— Да.

— Но куда исчез?

Лея не ответила.

Она достала металлическую пластину.

Сравнила координатные обозначения на ней с сеткой карты.

Они совпадали по формату.

Лея начала расчёт.

Отметила вертикальную ось.

Затем горизонтальную.

Проверила масштаб.

Взяла линейку.

И поставила карандашную точку.

Она оказалась на северной окраине нулевого района.

В самом конце длинного тоннеля.

Возле небольшого объекта, обозначенного символом солнца.

Лея медленно прочитала подпись.

СЕВЕРНАЯ НАБЛЮДАТЕЛЬНАЯ СТАНЦИЯ.

Ада замолчала.

Лея посмотрела на современную карту.

Там в этом месте не существовало ничего.

Только серая область.

Непригодная для посещения.

Она вновь перевела взгляд на старый лист.

— Это не просто технический район, — прошептала она.

— А что?

— Здесь были жилые кварталы.

Она указала на маленькие прямоугольники вдоль улиц.

— Смотри. Школа. Медицинский пункт. Жилые здания. Транспортная линия.

Ада нахмурилась.

— Почему их нет на современной карте?

— Не знаю.

— Может, всё разрушили?

— Тогда должны остаться сведения о демонтаже.

Лея провела пальцем по северной границе.

— Но нам говорят, что за городом нет ничего, кроме пустых тоннелей.

Ада задумалась.

Потом медленно произнесла:

— Ле, а ведь если здесь жили люди...

Она не договорила.

Лея подняла глаза.

— Что?

— Они должны были куда-то исчезнуть.

В комнате стало тихо.

Лея снова посмотрела на карту.

Целый район.

Дома.

Улицы.

Площадь.

Школа.

И станция, координаты которой её мать спрятала внутри часов.

Никаких отметок о разрушении.

Никаких пояснений.

Никаких следов на современной карте.

Просто пустота.

Словно кто-то взял огромный ластик и стёр часть города.

Вместе со всем, что там находилось.

Лея ещё долго изучала старую карту.

У Северной наблюдательной станции имелось несколько обозначений.

Первое — технический узел С-17.

Второе — переходный уровень.

Третье было написано настолько мелко, что прочитать его удалось только под увеличительной линзой.

НАРУЖНЫЙ ДОСТУП.

Лея замерла.

— Ада, дай лупу ещё раз.

Подруга передала инструмент.

Лея внимательно рассмотрела надпись.

Наружный доступ.

То есть выход из города.

Не к другой подземной галерее.

Не к промышленной шахте.

На поверхность.

Она медленно отложила лупу.

— Мама оставила мне координаты выхода.

Ада нахмурилась.

— Из Ноктюрна?

— Да.

— Но это невозможно.

— Мы слишком часто сегодня произносим это слово.

Лея посмотрела на старинные часы.

Ещё вчера они казались странным наследством.

Теперь она понимала, насколько тщательно мать всё продумала.

Семь минут солнца.

Тень дерева.

Человек.

Часы.

Координаты.

Каждая часть вела к следующей.

Мира не могла просто оставить адрес.

Кто-то обязательно прочитал бы его.

Не могла написать письмо.

Его могли перехватить.

Не могла открыто рассказать дочери правду.

Возможно, за ней наблюдали.

Поэтому она превратила своё наследство в последовательность маленьких открытий.

Каждое требовало от Леи самостоятельного решения.

И каждое приводило ближе к месту, которое кто-то очень старательно скрыл от всего города.

Ада осторожно коснулась её руки.

— Ты ведь собираешься туда пойти?

Лея посмотрела на карту.

— Да.

— Даже после того, что случилось с квартирой?

— Особенно после этого.

— А если там опасно?

Лея некоторое время молчала.

Потом взяла материнские часы.

Открыла крышку.

Шесть семнадцать.

— Знаешь, чего я больше всего боюсь? — спросила она.

— Чего?

— Что мама умерла, пытаясь рассказать мне что-то важное. А я испугаюсь и так никогда не узнаю, что именно.

Ада посмотрела на неё с печалью.

— Твоя мать наверняка не хотела, чтобы ты погибла следом за ней.

— Поэтому и оставила часы.

Лея осторожно закрыла крышку.

— Она знала, что я буду искать.

— Откуда?

На лице Леи впервые появилась настоящая улыбка.

Грустная.

Упрямая.

— Потому что сама научила меня не верить сломанным механизмам, пока я не разберусь, почему они перестали работать.

Далеко за пределами жилых кварталов Ноктюрна, в центральном управлении зеркальных систем, Бастиан Крог стоял возле широкого панорамного окна.

За стеклом открывался вид на главную подземную галерею.

Тысячи огней мерцали среди металлических мостов.

Под ними двигались транспортные платформы.

Ещё ниже простирались жилые уровни.

Город выглядел спокойным.

Почти прекрасным.

На его столе лежал служебный отчёт.

Объект: квартира Миры Сольер.

Проверка проведена.

Бумажный архив изъят.

Электронные носители изъяты.

Часы не обнаружены.

Крог перечитал последнюю строку.

Потом медленно поднял голову.

— Как это — не обнаружены?

Перед ним стоял мужчина в тёмной форме.

— В квартире их не было.

— Вы проверили все помещения?

— Да.

— Тайники?

— Доступные конструктивные полости осмотрены.

Крог тяжело выдохнул.

— А дочь?

— Вернулась после завершения операции.

— Вы уверены, что она ничего не заметила заранее?

— Нет оснований так считать.

Крог подошёл к столу.

Провёл рукой по лицу.

— Если Мира действительно оставила часы дочери, девочка может уже знать.

— Что именно?

Крог посмотрел на мужчину.

— То, что ей знать не положено.

Охранник помедлил.

— Прикажете организовать наблюдение?

— Уже организовали?

— Да.

Крог кивнул.

Потом указал на отчёт.

— И запомните. Больше никаких незарегистрированных проникновений в жилые помещения. Мы едва не привлекли внимание муниципальной охраны.

— Но приказ исходил...

— Я знаю, от кого исходил приказ.

Голос Крога стал жёстким.

— И именно поэтому не хочу, чтобы ситуация повторилась.

Мужчина выпрямился.

— Как поступить, если девушка найдёт северный маршрут?

Крог долго смотрел на ночные огни Ноктюрна.

— Не дать ей дойти до станции.

— Любой ценой?

Крог закрыл глаза.

Он вспомнил Миру Сольер.

Её руки, испачканные машинным маслом.

Её упрямый взгляд.

И последние слова, сказанные ему за несколько часов до аварии.

«Ты можешь запереть дверь, Бастиан. Но не можешь заставить весь мир исчезнуть за ней».

Он открыл глаза.

— Пока без насилия.

Охранник кивнул.

— А если она не остановится?

Крог посмотрел на отчёт.

На строку о пропавших часах.

— Тогда мне придётся объяснять Совету, почему мы второй раз недооценили женщину из семьи Сольер.

В квартире Ады давно погасли основные лампы.

Ночной режим освещал комнату мягким синим светом.

Подруга уснула на диване, так и не сняв рабочую куртку.

Лея сидела возле стола.

Перед ней лежали старая карта, металлическая пластина и часы.

Она ещё раз посмотрела на отмеченную точку.

Северная наблюдательная станция.

Сектор, которого не существовало.

Выход на поверхность.

Теперь она знала, куда ведут координаты.

Но не знала, что встретит там.

И кто именно ждал её по ту сторону солнечного луча.

Лея осторожно взяла часы.

На крышке золотисто поблёскивали двенадцать лучей.

Она провела пальцем по выгравированному солнцу.

— Я найду его, мама, — прошептала она. — Обещаю.

Она не заметила, как в соседнем здании погасло одно из окон.

Не увидела человека, стоявшего в темноте у узкого наблюдательного проёма.

Не услышала тихого щелчка передающего устройства.

Человек смотрел на её освещённый стол через оптический прибор.

Затем поднёс коммуникатор ко рту.

— Подтверждаю. Объект обнаружил координаты.

На другом конце связи что-то ответили.

Наблюдатель помолчал.

— Да. Северный нулевой район.

Ещё одна пауза.

— Нет, она пока не покидала квартиру своей подруги.

Голос из коммуникатора стал жёстче.

Человек медленно опустил прибор.

— Понял.

Он посмотрел на маленький светящийся прямоугольник окна.

— Если она приблизится к станции, сообщу немедленно.

Связь оборвалась.

Наблюдатель некоторое время стоял неподвижно.

Затем произнёс в пустоту:

— Лучше бы ты ничего не нашла, Лея Сольер.

В четыре часа утра Лея наконец закрыла старую карту.

Она не собиралась спать.

Но усталость оказалась сильнее.

Прежде чем лечь на диван рядом с Адой, она ещё раз открыла часы.
Проверила положение стрелок.
Шесть семнадцать.
Маленькая металлическая пластина уже лежала отдельно, завёрнутая в чистую ткань.
Лея убрала её во внутренний карман куртки.
Часы положила под подушку.
Затем выключила лампу.
В темноте она вспомнила тот миг, когда увидела солнечный свет впервые.
Вспомнила тепло.
Тень дерева.
Человеческую фигуру.
Поднятую руку.
И внезапно поняла то, о чём не подумала раньше.
Человек не просто подавал ей знак.
Он ждал её.
В конкретный день.
В конкретную минуту.
И точно знал, когда погаснет свет.
Значит, это была не случайная встреча.
Кто-то находился на поверхности ради неё.
Возможно, по просьбе матери.
Возможно, зная, что Мира уже мертва.
Но тогда возникал новый вопрос.
Если этот человек знал о её существовании...
Почему он не попытался связаться с ней раньше?
Лея долго лежала с открытыми глазами.
Потом незаметно для себя уснула.
Ей приснился дом.
Настоящий.
С окнами, за которыми было голубое небо.
Перед домом росло огромное дерево.
Его ветви тихо шумели на ветру.
На крыльце стоял мальчик.
Высокий, худой, с тёмными волосами.
Лея не видела его лица.
Но почему-то знала, что он улыбается.
Мальчик поднял руку.
Дважды коротко.
Один раз медленно.
Лея хотела позвать его.
Но не успела.
Он повернулся и исчез за дверью.
А на месте дома внезапно выросла высокая каменная стена.
Без окон.
Без дверей.
Без единой щели.
Словно кто-то решил, что этого дома никогда не существовало.
Лея проснулась с бешено бьющимся сердцем.
В комнате было тихо.

За стеной гудела вентиляция.

Часы под подушкой оставались неподвижными.

Но впервые за двадцать семь лет её не успокаивал привычный шум родного города.

Потому что теперь она знала:

на современных картах Ноктюрна отсутствовал целый район.

Там, где когда-то жили люди, сегодня значилась пустота.

Там, где официально не существовало ничего, её мать указала координаты.

А там, где сто сорок семь лет не должно было быть жизни, вчера кто-то поднял руку навстречу солнечному свету.

Лея посмотрела на часы.

Шесть семнадцать.

Она вспомнила материнские слова:

«Когда ты увидишь солнце, не смотри на него. Посмотри на то, что оно освещает».

Теперь она понимала.

Мать хотела показать ей не солнце.

Она хотела показать, что за пределами их мира существует другой.

И кто-то был готов на всё, чтобы Лея никогда до него не добралась.

Глава 3. Аукцион рассветов

«Богатые покупали солнце, потому что могли себе это позволить. Бедные мечтали о нём, потому что не могли позволить себе даже мечтать о чём-то большем».

В Ноктюрне существовал один день в году, когда беднякам разрешали смотреть, как богатые покупают солнце.

Его называли Днём великого света.

На центральных площадях устанавливали огромные экраны. Улицы украшали золотыми лентами, на витринах появлялись изображения голубого неба, а государственное радио с самого утра рассказывало о великодушии двенадцати вампирских домов, благодаря которым человечество продолжало наслаждаться благами цивилизации.

В этот день самые состоятельные семьи города собирались в Зале двенадцати созвездий, чтобы приобрести право на эксклюзивные солнечные часы.

Не минуты.

Не короткие медицинские сеансы.

Целые часы естественного света.

Некоторые участники торгов покупали их для свадеб.

Другие — для семейных праздников.

Третьи просто потому, что могли.

В прошлом году семья промышленника Августа Дерна заплатила девяносто тысяч крон за право устроить завтрак под солнцем.

Его жена хотела увидеть, как солнечные лучи отражаются в бриллиантах.

Завтрак продолжался сорок минут.

Оставшиеся двадцать супруги не использовали.

И деньги им, разумеется, никто не вернул.

Лея Сольер помнила эту историю.

В тот же день на тридцать первом жилом уровне умер шахтёр по имени Отто Бринк. Его семья собирала деньги на солнечную реабилитацию после многолетней работы в нижних секторах, но не успела оплатить даже первый сеанс.

О смерти Бринка сообщили в короткой заметке на последней странице муниципального бюллетеня.

О завтраке семьи Дерн говорили почти месяц.

Теперь, спустя год, Лея стояла перед огромным рекламным экраном и смотрела, как сияющая женщина в жемчужном ожерелье произносит:

— Свет принадлежит тем, кто способен оценить его истинную ценность.

На экране появилось золотое солнце.

Затем надпись:

147-Й ЕЖЕГОДНЫЙ АУКЦИОН РАССВЕТОВ

ТОЛЬКО ДЛЯ ИЗБРАННЫХ

Лея невольно сжала кулаки.

— Какая трогательная забота о простых людях, — раздался за спиной знакомый голос.

Она обернулась.

Ада Вельт стояла с двумя бумажными стаканчиками кофе.

— Особенно мне нравится слово «избранных», — продолжила подруга. — Сразу понятно, что все остальные родились по ошибке.

Лея взяла кофе.

— Ты видела сегодняшние цены?

— Нет. И не хочу.

— Начальная ставка — восемьдесят тысяч крон.

Ада чуть не поперхнулась.

— За час?

— Да.

— Они что, собираются купить само солнце?

— Пока только право на его использование.

— Как скромно.

Ада сделала большой глоток.

Затем посмотрела на огромное рекламное изображение.

— В детстве я думала, что солнце — это что-то вроде центрального котла. Огромный, горячий, и кто-то наверху каждый день подбрасывает в него топливо.

Лея слабо улыбнулась.

— Я тоже представляла что-то подобное.

— А потом в школе нам объяснили, что оно существует само по себе.

— Да.

— И я очень удивилась, что за него приходится платить.

Лея посмотрела на экран.

Женщина в жемчуге вновь подняла бокал навстречу искусственному золотому свету.

— Представляешь, Ада, — тихо сказала она, — на поверхности оно светит всем.

Подруга перестала улыбаться.

— Если там вообще можно жить.

Лея повернулась к ней.

— А если можно?

Ада не ответила.

После событий предыдущего дня этот вопрос перестал казаться безумным.

Где-то в северном секторе существовал район, которого не было на современных картах.

Где-то находилась старая наблюдательная станция.

А вчера в квартире Ады они нашли внутри материнских часов пластину с координатами, ведущими именно туда.

Лея почти не спала.

Вместо этого снова и снова изучала старую карту и техническую корректировку, подписанную Мирой Сольер за два дня до смерти.

Мать изменила направление зеркал.

Мать выбрала время солнечного сеанса.

Мать оставила часы.

И кто-то явно пытался уничтожить все следы её работы.

Но самих часов пока никто не получил.

Лея не собиралась позволять этому случиться.

— Ты взяла их? — спросила Ада, словно прочитав её мысли.

Лея расстегнула рукав пальто.

На левом запястье виднелся широкий кожаный ремешок с латунным креплением.

В нём находились старинные часы.

Ада вчера сама помогла изготовить этот держатель из старого крепления для измерительного прибора.

Так часы оставались при Лее, не мешая работать.

— Взяла.

— Неудобно?

— Немного.

— Можем сделать другое крепление.

— Не нужно.

Лея прикрыла часы рукавом.

— Главное, чтобы я больше не оставляла их без присмотра.

Ада кивнула.

Затем достала из сумки сложенный лист.

— У меня кое-что есть.

— Что?

— Работа.

Лея удивилась.

— Мы разве не закрыли мастерскую на два дня?

— Закрыли. Но иногда судьба настолько очевидно предлагает тебе неприятности, что отказываться невежливо.

Она протянула лист.

Лея развернула его.

Это была заявка Центрального управления зеркальных систем.

ВНЕПЛАНОВОЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ

Объект: Зал двенадцати созвездий.

Мероприятие: Ежегодный аукцион рассветов.

Требуется специалист по механическим приводам оптического распределения.

Лея медленно подняла глаза.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

— Но обслуживанием аукциона занимается ведомственная служба.

— Обычно да.

— Тогда почему им понадобился внешний подрядчик?

— Ночью вышел из строя один из старых распределительных механизмов. Штатные инженеры заняты подготовкой солнечных павильонов.

Лея быстро перечитала заявку.

— Какая система?

Ада указала пальцем.

— Вспомогательные отражатели. Старое оборудование. Наш профиль.

Лея увидела строку, от которой сердце забилось быстрее.

Место допуска: центральная техническая галерея, верхние распределительные узлы.

— Ада...

— Я знаю.

— Там находится архив фактических переключений.

— Возможно.

— И журналы маршрутизации солнечных каналов.

— Если их не перенесли.

— И можно проверить, использовался ли северный узел после смерти мамы.

Подруга внимательно посмотрела на неё.

— Именно поэтому я и принесла заявку.

Лея перевела взгляд на экран.

Там уже рекламировали праздничный вечер.

Золотые бокалы.

Дорогие платья.

Музыка.

Аристократы, покупающие право на естественный свет.

И где-то за всем этим — технические тоннели, которые могли привести её к правде.

— Нас возьмут?

Ада улыбнулась.

— Нас уже взяли.

— Что?

— Я отправила заявку ночью. Указала твой опыт, допуск, квалификацию и мой невероятный талант руководителя.

— Ты написала, что ты руководитель?

— Разумеется. Кто-то ведь должен отвечать за дисциплину в нашей мастерской.

— И что они ответили?

Ада показала нижнюю часть листа.

ДОПУСК ПОДТВЕРЖДЁН.

ВРЕМЯ ПРИБЫТИЯ: 14:00.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СПЕЦИАЛИСТ: ЛЕЯ СОЛЬЕР.

Лея замерла.

— Почему ответственная я?

— Потому что с этой системой лучше тебя никто не справится.

— Ты уверена, что дело только в этом?

Ада нахмурилась.

— Что ты имеешь в виду?

Лея внимательно посмотрела на документ.

Слишком удобная возможность.

Вчера она задавала вопросы о северных зеркалах.

Сегодня ей неожиданно открывали доступ в центральную техническую галерею.

— Ничего, — сказала она наконец. — Просто всё происходит очень быстро.

Ада убрала свой стаканчик в контейнер.

— Тогда будем действовать ещё быстрее.

К двум часам дня Центральная площадь сияла золотом.

Огромные полотнища тёмно-бордовой ткани свисали с металлических балконов. На каждом был вышит символ одного из двенадцати вампирских домов.

Дом Рош — серебряный грифон.

Дом Вейр — чёрная роза.

Дом Арден — корона с тремя рубинами.

Дом Мортен — золотой ключ.

Остальные гербы Лея знала хуже.

Для жителей Нижнего города аристократические династии существовали скорее как легенда.

О них рассказывали в школах.

Их портреты печатали на денежных знаках.

Их имена произносили в новостях.

Но обычный человек мог прожить всю жизнь, ни разу не встретив представителя древнего вампирского рода.

На площади уже собралась толпа.

Люди смотрели на огромные экраны.

По периметру стояли муниципальные охранники.

Продавцы предлагали дешёвые сладости в форме солнца.

Дети размахивали бумажными золотыми кругами.

Лея остановилась возле невысокого мальчика, который сидел на плечах отца.

— Пап, — спросил ребёнок, — а сегодня нам покажут настоящее солнце?

Мужчина поправил его ботинок.

— Покажут по экрану, Оливер.

— А оно нас увидит?

Отец улыбнулся.

— Не думаю.

— Почему?

— Потому что оно очень далеко.

Мальчик задумался.

— А если я вырасту и стану богатым, оно будет меня видеть?

Мужчина не сразу ответил.

— Возможно.

Ребёнок посмотрел на сияющий экран.

— Тогда я куплю большое солнце.

— Зачем?

— Чтобы тебе тоже хватило.

Лея почувствовала болезненный укол под рёбрами.

Отец молча прижал ладонь к спине сына.

На его запястье виднелся старый донорский браслет.

Тонкая красная полоска обозначала категорию граждан, добровольно сдававших кровь для государственных распределительных центров.

Только Лея слишком хорошо знала, насколько условной иногда была эта добровольность.

Когда человеку нечем кормить ребёнка, выбор между донорством и голодом трудно назвать свободным.

— Пойдём, — тихо сказала Ада.

Лея кивнула.

Они прошли к служебному входу.

За спиной продолжал звучать детский голос:

— Пап, а сколько стоит солнце?

Мужчина ничего не ответил.

Зал двенадцати созвездий находился в самом сердце Верхнего города.

Снаружи здание напоминало древний собор.

Высокие колонны.

Остроконечные арки.

Массивные бронзовые двери.

Но вместо религиозных символов над главным входом сиял огромный диск искусственного солнца, окружённый двенадцатью серебряными звёздами.

Лея остановилась перед ступенями.

— Они действительно построили дворец для продажи света.

Ада посмотрела на фасад.

— Люди всегда любили красивые места для некрасивых дел.

Служебный вход располагался сбоку.

Там не было красных дорожек и золотых украшений.

Только узкий коридор, металлическая дверь и усталый охранник.

Он проверил документы.

— Вельт и Сольер?

— Да, — ответила Ада.

— Подрядная группа номер сорок два. Следуйте к техническому координатору.

Охранник выдал им временные пропуска.

На каждом была красная полоса.

ДОПУСК: ТЕХНИЧЕСКИЙ ПЕРСОНАЛ.

— На время мероприятия запрещено приближаться к гостевым зонам без сопровождения, — произнёс он. — Разговоры с участниками аукциона допускаются только по служебной необходимости.

Ада взяла пропуск.

— А если участник аукциона сам захочет поговорить с нами?

Охранник посмотрел на неё.

— Не захочет.

— Какая уверенность в человеческой природе.

Лея слегка толкнула подругу локтем.

Они прошли внутрь.

Техническая галерея оказалась почти таким же впечатляющим сооружением, как парадные залы наверху.

Под высокими сводами тянулись металлические мосты.

На стенах вращались шестерёнки размером с человеческий рост.

Сотни кабелей соединяли распределительные узлы, а по верхним рельсам двигались сервоприводы, управлявшие отражателями.

Лея невольно остановилась.

— Красиво, — произнесла она.

Ада удивлённо посмотрела на неё.

— Это ты о машинах?

— Да.

— Только ты можешь назвать красивым механизм, в котором половина деталей стоит дороже нашей мастерской.

Лея подошла ближе к ближайшей конструкции.

Здесь использовали старую инженерную школу.

Бронзовые шестерни.

Механические компенсаторы.

Двойные системы блокировки.

Неэффективно по современным стандартам.

Но чрезвычайно надёжно.

Если, конечно, обслуживать вовремя.

— Вы подрядчики?

К ним приближался высокий мужчина в тёмно-синей форме.

На груди висел серебряный знак технической службы.

— Лея Сольер. Ада Вельт, — представилась Лея.

Мужчина коротко кивнул.

— Инженер Норден. Старший координатор мероприятия.

Он посмотрел на часы.

— Опаздываете на четыре минуты.

Ада подняла бровь.

— Мы прошли три проверки безопасности и дважды предъявили пропуска.

— Это не отменяет опоздания.

— Разумеется. В следующий раз будем проходить сквозь стены.

Норден посмотрел на неё без улыбки.

— Надеюсь, вы работаете лучше, чем шутите.

— Значительно.

Лея поспешила вмешаться:

— Какая система неисправна?

Инженер развернул электронную схему.

— Вспомогательный распределитель Б-12. Вчера при тестировании возникло рассогласование углового положения.

— Погрешность?

— Девятнадцать угловых минут.

Лея нахмурилась.

— Очень много.

— Именно поэтому вы здесь.

— Когда последний раз проводилась калибровка?

Норден помолчал.

— Шесть месяцев назад.

— И за всё это время механизм работал нормально?

— Согласно журналу.

Лея посмотрела на схему.

— Мне понадобятся исходные настройки и журнал последних корректировок.

Норден поднял глаза.

— Зачем?

— Чтобы понять, что вызвало рассогласование.

— Просто восстановите нормативное положение зеркала.

Лея медленно выпрямилась.

— Вы хотите, чтобы я устранила ошибку или скрыла её?

Взгляд Нордена стал жёстче.

— Я хочу, чтобы аукцион начался вовремя.

— Тогда мне нужны исходные данные.

Некоторое время они смотрели друг на друга.

Наконец мужчина раздражённо выдохнул.

— Хорошо. Архив параметров находится на втором техническом ярусе. Доступ предоставлю на время работ.

Он повернулся.

— Только не создавайте дополнительных проблем.

Ада проводила его взглядом.

— Забавно.

— Что?

— Мы ещё даже не начали, а он уже считает нас проблемой.

Лея посмотрела наверх, где под защитными панелями проходили главные оптические линии.

— Возможно, у него есть причины.

Механизм Б-12 располагался за массивной решётчатой перегородкой.

Лея быстро обнаружила неисправность.

Один из удерживающих элементов был установлен с небольшим перекосом.

При каждом полном цикле шестерня смещалась относительно опорной оси.

Через несколько десятков поворотов ошибка накапливалась.

— Это не износ, — сказала она.

Ада держала фонарь.

— А что?

— Неправильная регулировка.

— Кто-то плохо поработал?

— Или слишком хорошо.

Подруга нахмурилась.

Лея показала ей крепёж.

— Видишь? Следы инструмента свежие. Но винт установлен так, чтобы смещение появилось не сразу, а после нескольких циклов.

— Саботаж?

— Пока не могу доказать.

Ада посмотрела на металлическую ось.

— Может, совпадение?

— Иногда винт действительно ослабевает сам. Но не меняет угол установки настолько аккуратно.

Лея отвинтила крепление.

Проверила состояние направляющей.

— Дай калибровочный шаблон.

Ада протянула инструмент.

Несколько минут они работали молча.

Затем Лея осторожно запустила тестовый привод.

Механизм повернулся.

Остановился.

Вернулся в исходное положение.

На экране появилась зелёная надпись:

ПОГРЕШНОСТЬ: 00°00′03″

Ада удовлетворённо улыбнулась.

— Три угловые секунды. Великолепно.

— Допуск — пять.

— Не порть мне радость.

Лея сняла перчатки.

— Теперь нужен журнал настроек.

Ада посмотрела в сторону двери.

— Наш дорогой Норден наверняка будет счастлив.

Архив параметров находился в небольшой комнате на втором техническом ярусе.

В отличие от парадных помещений здесь не было ни мрамора, ни золота.

Серые стены.

Стальные шкафы.

Несколько рабочих терминалов.

Лея приложила временный пропуск.

Замок щёлкнул.

Дверь открылась.

— Пять минут, — сказала Ада, оставаясь у входа. — Потом нам надо будет отчитаться.

— Мне хватит.

Лея села перед экраном.

Ввела номер механизма.

Б-12.

Открыла журнал.

На дисплее появились даты технического обслуживания.

Последняя калибровка.

Предыдущая.

Проверка износа.

Замена крепёжной группы.

Всё выглядело обычно.

Кроме одного.

Лея заметила, что двадцать дней назад система зафиксировала ручное вмешательство в работу зеркального распределителя.

Запись не содержала фамилии инженера.

Только служебный код.

МАРШРУТ ИЗМЕНЁН. ПРИОРИТЕТ: ЗАКРЫТЫЙ КАНАЛ.

Она открыла подробности.

На экране появился список оптических связей.

Западная линия.

Центральный коллектор.

Нижние павильоны.

Служебные испытательные контуры.

И ещё одна строка.

N—0 / C-17

Лея перестала дышать.

Нулевой северный район.

Станция, которой не существовало на современных картах.

Она быстро проверила дату.

Запись была сделана ещё до гибели матери.

Но связанный с ней маршрут оставался доступным для технического выбора.

Значит, северная шахта не была физически отключена от распределительной сети.

Лея открыла журнал доступа.

На экране появилось красное сообщение:

НЕДОСТАТОЧНО ПОЛНОМОЧИЙ.

Она попробовала открыть сводную телеметрию.

Та же надпись.

— Проклятье.

— Что? — спросила Ада у двери.

— Я нашла северный канал.

— Он работает?

— Не знаю. Данные закрыты.

Лея быстро переписала служебный код и номер узла в блокнот.

Затем попыталась открыть список старых маршрутов.

В этот момент экран мигнул.

Появилось системное предупреждение:

НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫЙ ЗАПРОС К ЗАКРЫТОМУ ОБЪЕКТУ.

Лея резко убрала руку с клавиатуры.

— Что случилось? — спросила Ада.

— Кажется, терминал зарегистрировал запрос.

— Плохо?

— Очень.

Она быстро закрыла окно.

Но сообщение не исчезло.

Вместо него появилось новое:

СЕАНС ПЕРЕДАН НА ПРОВЕРКУ.

Ада посмотрела в коридор.

— Лея, нам пора.

Вдалеке послышались шаги.

Лея закрыла журнал.

Вышла из системы.

Поднялась.

— Идём.

Они покинули комнату за несколько секунд до того, как на лестнице появился инженер Норден.

— Как продвигается работа?

Лея спокойно протянула ему технический отчёт.

— Механизм исправлен. Погрешность снижена до трёх угловых секунд.

Он проверил данные.

— Хорошо.

— Рекомендую дополнительную проверку крепёжной группы, — добавила она. — Положение детали указывает на возможное вмешательство.

Норден резко поднял глаза.

— Что?

— Есть признаки недавней ручной регулировки, не соответствующей установленной процедуре.

— Это серьёзное утверждение.

— Поэтому я указала его как техническое замечание, а не вывод.

Мужчина смотрел на неё несколько секунд.

Потом сложил отчёт.

— Ваша работа завершена.

— Нам нужно подписать акт.

— Я подпишу.

— И получить копию.

— Получите в расчётном отделе.

Он отступил в сторону.

— Теперь можете покинуть технический сектор.

Лея заметила, что за его спиной появились два охранника.

Ада тоже их увидела.

— Конечно, — сказала она с невинной улыбкой. — Не хотелось бы мешать столь важному мероприятию.

Они направились к лестнице.

Но, когда уже спустились на первый ярус, Лея услышала тихий сигнал своего служебного коммуникатора.

На экране появилась короткая автоматическая запись:

ВРЕМЕННЫЙ ДОПУСК ПРИОСТАНОВЛЕН.

Она показала сообщение Аде.

Подруга помрачнела.

— Значит, кто-то очень быстро узнал о твоём запросе.

Лея убрала коммуникатор.

— Да.

— Что будем делать?

Она посмотрела наверх.

Туда, где за массивными дверями начинался Зал двенадцати созвездий.

— Пока ещё не знаю.

В этот момент из главного холла раздался торжественный звук оркестра.

Аукцион начинался.

В Зале двенадцати созвездий было больше золота, чем Лея видела за всю свою жизнь.

Позолоченные колонны поднимались к огромному куполу, расписанному изображениями ночного неба.

Между ними свисали тяжёлые хрустальные люстры.

Стены украшали полотна, на которых были изображены леса, океаны, горные вершины и залитые солнечным светом города.

Ни один из этих пейзажей не существовал в современном Ноктюрне.

По крайней мере, так утверждали учебники.

Гости занимали места за небольшими круглыми столами.

Женщины в роскошных платьях.

Мужчины в безупречно сшитых костюмах.

Бриллианты.

Жемчуг.

Бокалы с вином.

Официанты в белых перчатках бесшумно скользили между столами.

У дальней стены возвышалась полукруглая галерея с двенадцатью ложами.

Они принадлежали вампирским домам.

Не все ложи были заняты.

Но возле каждой стояли вооружённые охранники.

Лея и Ада остановились у боковой двери, ведущей в зал.

Их пропуска уже не действовали, однако главный коридор для персонала оставался открытым.

— Никогда не видела столько богатых людей в одном помещении, — тихо сказала Ада.

— И столько охраны.

— Одно обычно сопровождает другое.

Лея наблюдала за происходящим через узкое стекло служебной двери.

Возле центрального стола пожилая женщина в изумрудном платье показывала собеседницам крупное кольцо.

Чуть дальше двое мужчин обсуждали стоимость редкого вина.

На сцене музыканты настраивали инструменты.

Всё выглядело как обычный светский праздник.

Только предметом торговли был солнечный свет.

— Ада, — тихо сказала Лея.

— Что?

— Сколько мы с тобой зарабатываем за месяц?

— Когда есть заказы или когда их нет?

— В среднем.

— Около трёхсот крон каждая. Иногда чуть больше.

Лея кивнула.

— Представь, что не тратишь ни одной монеты. Вообще. Ни на жильё, ни на еду, ни на транспорт.

— И?

— Через тридцать лет у тебя будет сто восемь тысяч крон.

Ада посмотрела на гостей.

— К чему ты ведёшь?

— Сегодня кто-то заплатит примерно столько за один час солнца.

Подруга медленно перевела взгляд на сцену.

— Тридцать лет работы за один час?

— Да.

Ада усмехнулась, но в её глазах не было веселья.

— Знаешь, я всегда считала себя бедной. А теперь понимаю, что даже бедной быть недостаточно дорого.

В зале раздался звон колокольчика.

Гости начали занимать места.

На сцену поднялся высокий седовласый мужчина в бордовом фраке.

— Дамы и господа! — торжественно произнёс он. — От имени Совета двенадцати домов приветствую вас на сто сорок седьмом ежегодном Аукционе рассветов!

Раздались аплодисменты.

— Сегодня мы вновь чествуем величайшее достижение нашей цивилизации: способность сохранять и распределять драгоценный солнечный свет даже тогда, когда внешний мир остаётся непригодным для человеческой жизни!

Аплодисменты стали громче.

Лея почувствовала, как внутри что-то болезненно сжалось.

А если он не непригоден?

Она вспомнила тень дерева.

Невидимого человека.

Старую карту.

Город, существование которого скрыли от жителей Ноктюрна.

— И прежде чем начать торги, — продолжил ведущий, — позвольте выразить благодарность нашим бессменным покровителям, чья мудрость и щедрость обеспечивают процветание человечества!

Он поднял руку в сторону верхних лож.

— Двенадцати великим домам!

Все присутствующие встали.

Лея осталась неподвижной.

Ада осторожно коснулась её локтя.

— Только не начинай революцию прямо сейчас.

— Я и не собиралась.

— У тебя такое лицо, будто уже выбрала, какую колонну взорвать первой.

Лея почти улыбнулась.

— Пока только изучаю несущие конструкции.

Первым лотом стали тридцать минут естественного света в семейной оранжерее.

Начальная цена составляла двадцать тысяч крон.

Через четыре минуты торги завершились на отметке сорок две тысячи.

Покупателем оказалась женщина в голубом платье, которая собиралась устроить день рождения своей племяннице.

Вторым лотом был двадцатиминутный солнечный завтрак в закрытом зимнем саду.

Третьим — право на использование частного светового павильона во время свадебной церемонии.

Четвёртым — сорок минут естественного освещения в помещении для семейного портрета.

Каждый новый лот вызывал оживление.

Люди смеялись.

Соревновались.

Поднимали золотые карточки.

Иногда нарочно затягивали торги, демонстрируя соперникам финансовое превосходство.

Лея наблюдала за ними с растущим отвращением.

Но постепенно её внимание переключилось на другое.

На огромном экране позади ведущего отображались технические параметры каждого лота.

Продолжительность.

Дата использования.

Тип оптического канала.

Расчётная мощность солнечного потока.

И номер распределительного узла.

Лея прищурилась.

На первых трёх лотах стояли привычные обозначения.

З-4.

Ц-8.

Ю-2.

Но рядом с четвёртым появилась другая маркировка.

РЕЗЕРВНЫЙ МАРШРУТ: С-17.

Сердце Леи ударило сильнее.

Она схватила Аду за руку.

— Смотри.

— Куда?

— На экран. Четвёртый лот.

Ада прищурилась.

— С-17?

— Да.

— Это же...

— Северная наблюдательная станция.

Они замолчали.

Официально неработающий объект использовали в системе коммерческого распределения солнечного света.

И его обозначение открыто появилось во время аукциона.

Лея попыталась рассмотреть мелкую строку под номером узла.

Но изображение уже сменилось.

На сцене объявляли следующий лот.

— Нужно получить технический паспорт аукционных маршрутов, — прошептала она.

Ада покачала головой.

— Наши допуски приостановлены.

— Я знаю.

— И теперь каждый охранник здесь наверняка получил сообщение о твоём запросе.

Лея посмотрела на верхнюю галерею.

Там находились технические пульты управления презентационной системой.

— Возможно, мне необязательно возвращаться в архив.

— Ле...

— Если получу доступ к операторскому терминалу, смогу увидеть маршруты всех лотов.

Ада тяжело вздохнула.

— Я начинаю понимать, почему твоя мать постоянно волновалась за тебя.

— Почему?

— Потому что ты называешь проникновение в закрытую систему «проверкой технических данных».

Лея уже собиралась ответить, когда в зале внезапно погасли несколько светильников.

Оркестр сбился.

По куполу пробежала волна тусклого красного света.

Затем раздался резкий металлический скрежет.

Гости подняли головы.

Ведущий замолчал.

С потолка посыпалась мелкая декоративная пыль.

И огромная искусственная солнечная сфера над сценой начала медленно опускаться.

— Это плохо, — произнесла Ада.

Лея уже смотрела на потолочные конструкции.

Большой световой диск крепился к системе из четырёх механических подвесов.

Один из них ослаб.

Второй двигался неравномерно.

Центральная платформа перекосилась.

— Если левый привод заклинит, вся конструкция пойдёт вниз, — сказала Лея.

Ада посмотрела на гостей.

— Там человек двести.

— Больше.

Наверху завыла техническая сирена.

Служащие бросились к боковым дверям.

Охранники начали отводить людей от сцены.

Но большинство гостей оставалось на местах, не понимая происходящего.

Ведущий попытался сохранить спокойствие.

— Дамы и господа, просим вас временно не приближаться к центральной части зала...

В этот момент одна из декоративных цепей лопнула.

Искусственное солнце резко накренилось.

В толпе раздались крики.

Лея бросилась к технической двери.

Ада схватила её за рукав.

— Куда?!

— К аварийному пульту.

— Нас не пустят!

— Тогда пусть попробуют остановить.

Инженер Норден стоял возле панели управления и отчаянно нажимал кнопки.

На экране мигали красные предупреждения.

СИНХРОНИЗАЦИЯ ПРИВОДОВ НАРУШЕНА.

КРИТИЧЕСКАЯ НАГРУЗКА НА ОПОРУ № 2.

— Отключите двигатели! — приказал он одному из техников.

— Они не реагируют!

— Переведите систему в аварийный режим!

— Уже пробовали!

Лея подбежала к панели.

— Что случилось?

Норден резко обернулся.

— Как вы сюда попали?!

— У вас рассинхронизация несущих приводов.

— Я вижу!

— Тогда почему не отключён общий компенсатор?

— Потому что он заблокирован!

Лея посмотрела на схему.

Узел Б-12, который они отремонтировали несколько часов назад, работал нормально.

Проблема находилась в другой части системы.

В центральном распределительном контроллере, который управлял не только оптическими потоками, но и механикой декоративного купола.

— Кто менял программу синхронизации? — спросила она.

Норден раздражённо махнул рукой.

— Это не имеет значения!

— Имеет! Ваш основной привод получает команду на увеличение момента, хотя опора уже перегружена.

— Мы это видим!

— Тогда дайте мне доступ к механической блокировке.

Норден замолчал.

Снизу раздался новый металлический треск.

Ада подошла к соседней панели.

— Лея, вторая опора держится на пределе.

Лея посмотрела на Нордена.

— Либо вы позволяете мне остановить механизм, либо через минуту этот красивый потолок окажется на головах ваших гостей.

Мужчина несколько секунд колебался.

Потом сорвал с пояса мастер-ключ.

— Делайте что нужно.

Лея вставила ключ в механический замок.

Повернула.

Под защитной крышкой открылся ручной переключатель.

Она быстро проверила схему.

— Ада, отключи подачу на третий привод.

— Сейчас!

— Норден, удерживайте ручной тормоз.

Мужчина схватился за рычаг.

— Готово!

— По моей команде.

Лея обернулась к Аде.

— Третий привод?

— Отключён!

— Второй?

— Перегрузка растёт!

Лея глубоко вдохнула.

Она вспомнила наставления матери.

«Когда механизм выходит из-под контроля, не борись с силой. Найди то, что её передаёт».

Лея повернула аварийный распределитель.

Затем резко потянула ручной фиксатор.

— Сейчас!

Ада отключила питание.

Норден опустил тормоз.

Раздался оглушительный удар.

Вся конструкция содрогнулась.

На мгновение Лее показалось, что подвесы не выдержат.

Но затем двигатели остановились.

Искусственное солнце замерло.

Всего в нескольких метрах над сценой.

Повисла тишина.

Потом из главного зала донеслись осторожные аплодисменты.

Норден медленно отпустил рычаг.

Его лицо было совершенно белым.

— Боже...

Ада прислонилась к стене.

— Ну вот. А ты говорил, что мы плохо работаем.

Норден даже не посмотрел на неё.

Он уставился на остановившийся механизм.

— Как вы поняли, что нужно отключить именно третий привод?

Лея сняла перчатки.

— По разнице между механической нагрузкой и командой контроллера.

— Но автоматика показывала неисправность второго.

— Второй страдал от последствий. Причина была в третьем.

Норден медленно кивнул.

Затем посмотрел на неё неожиданно внимательно.

— Кто вас этому научил?

Лея замерла.

— Моя мать.

Норден отвёл взгляд.

— Понятно.

Она не успела спросить, что именно ему понятно.

Потому что за спиной раздался другой голос.

Низкий.

Спокойный.

— Полагаю, это объясняет, почему вы всё ещё стоите под целым потолком, инженер Норден.

Лея обернулась.

Мужчина стоял у входа на техническую площадку.

Высокий.

Худощавый.

В идеально сшитом чёрном костюме с серебряной вышивкой на воротнике.

Его тёмно-русые волосы были аккуратно зачёсаны назад.

Кожа казалась необычно светлой даже при холодном освещении галереи.

Но больше всего Лею поразили глаза.

Серо-серебристые.

Неподвижные.

Он смотрел не столько на людей, сколько на происходящее вокруг — будто привык замечать мельчайшие изменения раньше остальных.

На лацкане его пиджака поблёскивал маленький герб.

Серебряный грифон.

Дом Рош.

Лея сразу поняла, кто перед ней.

Элиан Рош.

Наследник одного из старейших вампирских домов Ноктюрна.

Член Совета распределения солнечных ресурсов.

Человек, вернее, существо, чьё имя стояло на множестве официальных документов, с которыми ей приходилось работать.

Норден моментально выпрямился.

— Милорд Рош.

Ада едва заметно приподняла бровь.

Лея осталась стоять на месте.

Элиан медленно осмотрел повреждённую конструкцию.

— У вас произошёл сбой основного контроллера?

— Да, милорд.

— Причина?

— Выясняем.

— Пострадавшие?

— Нет.

Элиан перевёл взгляд на Лею.

— Благодаря кому?

Норден замялся.

— Наши подрядные специалисты...

— Имена.

— Лея Сольер и Ада Вельт.

Элиан посмотрел на обеих женщин.

На мгновение его взгляд задержался на Лее.

— Сольер?

Она спокойно выдержала его взгляд.

— Да.

— Вы родственница Миры Сольер?

— Её дочь.

Впервые выражение лица вампира изменилось.

Почти незаметно.

Но Лея уже научилась замечать такие вещи.

Элиан некоторое время молчал.

Затем произнёс:

— Примите мои соболезнования.

— Спасибо.

— Ваша мать была талантливым инженером.

Лея почувствовала знакомое раздражение.

Снова.

Талантливый инженер.

Ценный сотрудник.

Безупречный специалист.

Словно за пределами её работы Мира вообще не существовала.

— Вы знали её? — спросила она.

— Мы встречались.

— Когда?

Элиан посмотрел на Нордена.

— Инженер, обеспечьте безопасность зала и подготовьте отчёт. Все ручные изменения программы за последние семьдесят два часа должны быть сохранены.

— Разумеется, милорд.

— И больше никаких перезапусков без независимой проверки.

— Да, милорд.

Норден поспешно удалился.

Ада осталась возле панели.

Лея смотрела на Элиана.

— Вы не ответили на мой вопрос.

Он повернулся к ней.

— На какой именно?

— Когда вы встречались с моей матерью?

— Неоднократно. Она работала на объектах, входящих в зону моей ответственности.

— Недавно?

— Что вы хотите узнать, госпожа Сольер?

Лея почувствовала, как внутри поднимается раздражение.

— Пока всего лишь ответ на простой вопрос.

Элиан чуть склонил голову.

— В таком случае да. Я встречался с вашей матерью незадолго до её смерти.

Лея замерла.

— Где?

— В Центральном управлении зеркальных систем.

— О чём вы говорили?

Он выдержал короткую паузу.

— О технических вопросах.

Лея невесело усмехнулась.

— Удивительно, сколько технических вопросов возникло у всех вокруг моей матери за несколько дней до её гибели.

Взгляд вампира стал внимательнее.

— Что вы имеете в виду?

— Ничего, что могло бы вас заинтересовать.

Ада едва заметно качнула головой.

Не надо.

Но Лея уже не могла остановиться.

— Скажите, милорд Рош, вы всегда так внимательно следите за работой инженеров?

— Когда от их работы зависит безопасность нескольких сотен человек — да.

— А когда от неё зависит безопасность одного?

Элиан посмотрел на неё.

— Поясните.

— Моя мать погибла при аварии. Технический отчёт мне не предоставляют. Свидетелей я не видела. Оборудование, на котором она работала, официально законсервировано.

Вампир не двигался.

— И вы считаете, что я могу вам помочь?

— Я считаю, что человек, отвечающий за распределение солнечного света, должен знать, почему на одной из его шахт погиб инженер.

Элиан медленно перевёл взгляд на повреждённый механизм.

— Вы задаёте серьёзные вопросы, госпожа Сольер.

— Я надеялась получить серьёзные ответы.

Ада осторожно шагнула ближе.

— Лея...

Элиан поднял руку.

Не угрожающе.

Скорее успокаивающе.

— Всё в порядке, госпожа Вельт. Вопросы разрешены даже в моём присутствии.

Лея посмотрела на него.

— Как великодушно.

На лице Элиана появилась едва заметная улыбка.

— Мне кажется, вы не очень любите аристократов.

— Я не люблю людей, которые считают любезностью разрешение говорить.

Элиан чуть приподнял бровь.

— А я не люблю людей, которые делают выводы, не располагая всей информацией.

— Значит, у нас есть кое-что общее.

— Что именно?

— Мы оба не любим, когда нас считают глупыми.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Потом Элиан неожиданно рассмеялся.

Тихо.

Почти беззвучно.

— Теперь я понимаю, почему ваша мать говорила о вас с такой гордостью.

Лея застыла.

— Она говорила обо мне?

— Разумеется.

— Что именно?

Элиан помолчал.

— Что вы способны починить любой механизм, кроме собственного упрямства.

Ада не выдержала и коротко рассмеялась.

Лея бросила на неё взгляд.

— Не смешно.

— Прости, — сказала подруга. — Но это удивительно точное описание.

Элиан вновь посмотрел на повреждённую конструкцию.

— Вы обе спасли нам вечер. Благодарю.

— Мы выполняли работу, — сказала Лея.

— И всё же не каждый специалист способен принять правильное решение под давлением.

Он повернулся к Аде.

— Прошу передать расчётному отделу, что гонорар вашей мастерской должен быть увеличен втрое.

Ада перестала улыбаться.

— Втрое?

— Именно.

— Милорд, я не уверена, что...

— Считайте это компенсацией за риск.

Лея внимательно посмотрела на вампира.

— А что вы хотите взамен?

Элиан повернулся к ней.

— Простите?

— За компенсацию.

— Ничего.

— В Ноктюрне ничего не бывает бесплатным.

Он немного помолчал.

— Ваша мать говорила то же самое.

Аукцион возобновился спустя сорок минут.

Повреждённую декоративную сферу оставили в верхнем положении, а часть освещения отключили.

Гости получили заверения, что дальнейшее проведение торгов не представляет опасности.

Элиан распорядился, чтобы Лея и Ада остались до завершения мероприятия на случай повторного технического сбоя.

Норден не стал возражать.

Им выдали новые пропуска, позволявшие находиться в технической ложе за верхней галереей.

— Вот что значит влиятельное знакомство, — тихо сказала Ада, когда они поднялись наверх.

— Мы не знакомы.

— Тогда влиятельное первое впечатление.

Лея ничего не ответила.

Она всё ещё думала о словах Элиана.

«Теперь я понимаю, почему ваша мать говорила о вас с такой гордостью».

Сколько раз они встречались?

Почему Мира ничего не рассказывала?

И что именно связывало обычного инженера с наследником вампирского дома?

Лея посмотрела на центральный зал.

Торги продолжались.

Словно несколько минут назад над головами гостей не висела многотонная конструкция, способная раздавить их.

Снова звучала музыка.

Снова сверкали бокалы.

Снова поднимались золотые карточки.

На сцене появился новый лот.

Ведущий улыбнулся.

— Дамы и господа! Мы приближаемся к главному событию сегодняшнего вечера!

Гости оживились.

Оркестр исполнил короткую торжественную мелодию.

— Единственный в этом году эксклюзивный час естественного солнечного освещения в Большой оранжерее Верхнего города!

На экране возникло изображение роскошного помещения.

Высокие стеклянные стены.

Мраморный пол.

Настоящие деревья.

И залитый золотым светом бассейн.

Лея смотрела на экран.

Деревья.

Она уже не могла видеть их изображения, не вспоминая тень на стене семнадцатой кабины.

— Начальная цена, — объявил ведущий, — восемьдесят тысяч крон!

В зале поднялась первая карточка.

— Восемьдесят пять тысяч!

Вторая.

— Девяносто!

Третья.

— Девяносто пять тысяч!

Гости аплодировали.

Лея смотрела на экран, где цифры росли с каждой секундой.

100 000

102 000

105 000

На мгновение торги замерли.

Ведущий улыбнулся.

— Сто пять тысяч крон. Есть ли желающие предложить больше?

В дальнем конце зала поднялась тонкая рука.

Женщина в белом платье с бриллиантовым ожерельем.

— Сто восемь тысяч.

Лея почувствовала, как напряглись плечи.

Сто восемь тысяч крон.

Тридцать лет работы обычного человека при зарплате триста крон в месяц.

Без единого расхода.

Без еды.

Без одежды.

Без крыши над головой.

Тридцать лет жизни.

За один час.

Ведущий поднял молоток.

— Сто восемь тысяч крон. Раз!

Лея посмотрела на руки женщины.

Тонкие пальцы.

Крупные кольца.

Безупречный маникюр.

На эти пальцы когда-то ляжет настоящий солнечный свет.

А где-то на Нижних уровнях мать восьмилетнего Оливера будет снова сдавать кровь, чтобы купить лекарства для ребёнка.

— Два!

Лея почувствовала, как внутри поднимается бессильная злость.

Не на саму женщину.

Не на её украшения.

А на мир, в котором один человек мог купить час света, а другой прожить и умереть, ни разу его не увидев.

— Три!

Молоток ударил по столу.

— Продано!

Зал взорвался аплодисментами.

Женщина улыбнулась и подняла бокал.

Лея отвернулась.

— Не могу больше на это смотреть, — прошептала она.

Рядом неожиданно раздался знакомый голос:

— Почему?

Она обернулась.

Элиан Рош стоял у входа в техническую ложу.

На этот раз без сопровождения.

— На что именно? — спросила Лея.

Он посмотрел в сторону сцены.

— На аукцион.

— Потому что мне противно.

Ада замерла.

Элиан медленно повернул голову.

— Сильное слово.

— Другого не нашлось.

— Вы считаете, что люди не должны платить за солнечный свет?

Лея посмотрела на него.

— А вы считаете, что должны?

— Поддержание сложной оптической инфраструктуры требует ресурсов. Оборудование изнашивается. Инженеры получают зарплату. Системы безопасности нуждаются в обслуживании.

— Я знаю, как устроены зеркальные станции.

— Тогда вам известна стоимость их эксплуатации.

— Да.

— И всё же вы считаете нынешнюю систему несправедливой?

Лея несколько секунд молчала.

Затем медленно произнесла:

— Я считаю, что между оплатой обслуживания механизма и продажей человеку права на свет существует огромная разница.

Элиан не ответил.

Она продолжила:

— Если бы вам пришлось продавать воду, вы тоже устраивали бы аукционы для тех, кто хочет утолить жажду?

— Вода распределяется по другой системе.

— Это не ответ.

— Потому что вопрос построен на неверном сравнении.

— Нет. Это вы не хотите его понимать.

Ада осторожно коснулась плеча Леи.

Но девушка не остановилась.

— Внизу живут люди, которые никогда не увидят солнца. Они работают на ваших шахтах, ремонтируют ваши механизмы, сдают кровь вашим распределительным центрам. А потом их детям показывают по экранам, как кто-то тратит тридцать лет их труда на один праздничный завтрак.

Элиан смотрел на неё.

Неподвижно.

Спокойно.

— Вы говорите так, словно все представители двенадцати домов получают удовольствие от чужой бедности.

— Я не знаю, от чего вы получаете удовольствие, милорд.

Лея посмотрела на роскошный зал.

— Но вы явно не спешите менять правила.

На мгновение лицо вампира стало холоднее.

— Мир гораздо сложнее, чем кажется человеку, который видит только одну его сторону.

Лея горько улыбнулась.

— Это удобно говорить тому, кто контролирует остальные.

Между ними повисло молчание.

Ада осторожно отступила к рабочему терминалу.

Элиан посмотрел на Лею с новым выражением.

Не раздражённым.

Скорее заинтересованным.

— Вы когда-нибудь задумывались, что произойдёт, если все жители Ноктюрна одновременно потребуют бесплатного солнечного света?

— Да.

— И?

— Возможно, вашей системе придётся начать работать на людей, а не на прибыль.

Он чуть склонил голову.

— Вы верите, что всё можно изменить, просто изменив правила?

— Нет.

Лея посмотрела ему прямо в глаза.

— Я верю, что правила нельзя считать справедливыми только потому, что они существуют очень давно.

Элиан молчал.

Затем неожиданно спросил:

— Вы знаете, сколько мне лет?

Лея удивилась.

— Не имею ни малейшего представления.

— Сто восемьдесят шесть.

Она не отвела взгляда.

— Поздравляю.

Уголок его губ дрогнул.

— За это время я наблюдал за множеством попыток изменить общество.

— И что?

— Некоторые заканчивались катастрофами.

— Значит, лучше ничего не менять?

— Значит, прежде чем разрушить систему, необходимо понимать, что удерживает её от разрушения.

Лея посмотрела на него долгим, внимательным взглядом.

— А если система удерживается только потому, что людям не позволяют из неё выйти?

Элиан замер.

Всего на мгновение.

Но Лея заметила.

В его глазах мелькнуло нечто, чего она не ожидала.

Настороженность.

— Странный вопрос, госпожа Сольер.

— Разве?

— Для человека, всю жизнь прожившего в Ноктюрне.

Лея почувствовала, как сердце забилось быстрее.

Она почти сказала что-то ещё.

Почти рассказала о северном нулевом районе.

О человеке на поверхности.

О тайном выходе, найденном на старой карте.

Но вовремя остановилась.

Мать не случайно прятала координаты внутри часов.

И если Элиан Рош действительно знал Миру, это ещё не означало, что ему можно доверять.

— Возможно, — произнесла Лея. — Я просто слишком много думаю.

Вампир внимательно посмотрел на неё.

— Это может быть опаснее, чем вам кажется.

Аукцион завершился ближе к полуночи.

Общая сумма продаж превысила семьсот тысяч крон.

Снаружи на центральных площадях люди продолжали смотреть праздничную трансляцию.

Ведущий объявлял о рекордных результатах торгов.

Представители благотворительного фонда двенадцати домов обещали выделить часть выручки на программы поддержки населения.

Один процент.

Лея услышала эту цифру и невольно рассмеялась.

Ада посмотрела на неё.

— Что?

— Ничего. Просто представила, как они гордятся собственной щедростью.

— Не начинай.

— Один процент.

— Знаю.

— Семь тысяч крон из семисот тысяч.

— Ле...

— И завтра они будут рассказывать по радио, как спасают бедных.

Ада тяжело вздохнула.

— А мы завтра будем чинить людям водонагреватели.

Лея посмотрела на неё.

— Иногда мне кажется, что наша работа полезнее.

— Не иногда. Всегда.

Они начали собирать инструменты.

Лея аккуратно уложила измерительные приборы в металлический чемодан.

Затем посмотрела на маленький терминал, установленный возле технической двери.

Экран всё ещё показывал завершённые аукционные маршруты.

На секунду ей захотелось снова попытаться открыть закрытые данные.

Но теперь она знала, что каждое обращение к системе фиксируется.

И кто-то наверняка уже обратил внимание на её интерес к северной шахте.

Она решила действовать осторожнее.

Вместо нового запроса Лея открыла доступный технический отчёт о неисправности подвесной конструкции.

В нём находился список команд, поступавших на контроллер за время мероприятия.

Она быстро просмотрела строки.

И остановилась.

За несколько секунд до аварии контроллер получил внешнюю команду.

Не от главного оператора.

Не от обслуживающего терминала.

От удалённого узла.

ИСТОЧНИК: N—0 / C-17.

Лея почувствовала, как похолодели пальцы.

— Ада.

— Что?

— Посмотри.

Подруга подошла.

Прочитала строку.

— Это опять северный район?

— Да.

— Но зачем оттуда управлять механизмом аукциона?

Лея медленно покачала головой.

— Не знаю.

Она проверила временную отметку.

Команда поступила за двадцать три секунды до того, как начала опускаться декоративная сфера.

— Возможно, это не совпадение, — сказала она.

Ада смотрела на экран.

— Ты думаешь, кто-то специально устроил аварию?

— Я думаю, что неисправность началась после команды из системы, которая официально не работает.

Лея открыла краткую расшифровку.

Доступных данных было немного.

Но одного хватило.

МАРШРУТ КОМАНДЫ: СЕВЕРНЫЙ ВНЕШНИЙ КОНТУР.

Она замерла.

Внешний.

Не внутренний.

Не резервный.

Именно внешний.

Кто-то использовал канал, связанный с поверхностью.

И этот кто-то мог вмешиваться в работу одного из самых защищённых технических комплексов Ноктюрна.

Лея быстро переписала обозначение.

В этот момент за её спиной раздался голос:

— На вашем месте я бы не продолжал.

Она резко обернулась.

Элиан Рош стоял в нескольких шагах.

Ада выпрямилась.

Лея медленно закрыла блокнот.

— Вы давно здесь?

— Достаточно.

Он посмотрел на экран.

Затем на её руку.

— Вы проверяете журнал аварийных команд?

— Да.

— Почему?

— Потому что я инженер.

— И поэтому вам необходимо знать причину неисправности?

— Именно.
Элиан подошёл к терминалу.
Взглянул на отображённые данные.
Его лицо оставалось спокойным.
Но Лея заметила, как напряглась его челюсть.
— Кто предоставил вам доступ к этому отчёту?
— Он доступен всем специалистам, участвовавшим в устранении аварии.
— Понятно.
Вампир нажал на несколько клавиш.
Система открыла подробную запись.
Лея увидела, что у него значительно более высокий уровень доступа.
На экране появились дополнительные параметры.
Маршрут.
История переключений.
Время последней активации.
Список связанных узлов.
И одна строка, которую Лея успела прочитать прежде, чем Элиан закрыл окно.
ОПЕРАТОР ПОСЛЕДНЕЙ РУЧНОЙ КОРРЕКТИРОВКИ: М. СОЛЬЕР.
Её сердце болезненно сжалось.
— Подождите.
Элиан остановился.
— Что?
— Откройте ещё раз.
— Зачем?
— Я видела имя.
Он медленно повернулся.
— Какое?
— Моей матери.
Молчание.
За стеной ещё звучала музыка.
Гости смеялись.
Звенела посуда.
А в маленькой технической комнате вдруг стало невыносимо тихо.
— Госпожа Сольер, — наконец произнёс Элиан, — вы пережили тяжёлую утрату.
Лея резко выпрямилась.
— Только не говорите мне то же самое, что остальные.
Он нахмурился.
— Что именно?
— Что я неправильно понимаю документы, потому что скорблю.
Элиан долго смотрел на неё.
Затем неожиданно убрал руку с терминала.
— Я этого не собирался говорить.
— Тогда откройте журнал.
— Это закрытая информация.
— Там имя моей матери.
— Я знаю.
Лея замерла.
— Значит, вы видели его?
Элиан не ответил.

— Вы знали, что она работала с северным каналом?

— Да.

Слово прозвучало тихо.

Но для Леи оно оказалось громче любого крика.

— Почему тогда всё управление утверждает, что этот канал закрыт?

Элиан посмотрел на Аду.

— Вы можете оставить нас на минуту?

Ада не двинулась.

— Я предпочла бы остаться.

— Это личный разговор.

— Лея сама решит, насколько он личный.

Вампир перевёл взгляд на девушку.

Лея чувствовала, как сердце стучит у неё в горле.

— Ада, — тихо сказала она. — Всё в порядке.

Подруга колебалась.

Потом взяла чемодан с инструментами.

— Я буду за дверью.

Она посмотрела на Элиана.

— И, милорд, на всякий случай предупреждаю: если с ней что-нибудь случится, я стану очень неприятным человеком.

Элиан слегка склонил голову.

— Ваше предупреждение принято.

Дверь закрылась.

Лея и Элиан остались вдвоём.

Вампир несколько секунд смотрел на терминал.

Затем отключил экран.

— Ваша мать была очень талантливым человеком, — произнёс он.

Лея почувствовала раздражение.

— Вы уже говорили.

— И очень упрямым.

— Это тоже мне известно.

— Она считала, что способна исправить некоторые ошибки прошлого.

Лея замерла.

— Какие ошибки?

Элиан медленно повернулся к ней.

— Вы знаете, почему ваш город существует под землёй?

— Потому что поверхность непригодна для жизни.

— А откуда вам это известно?

Лея нахмурилась.

— Из исторических документов.

— Которые вы лично изучали?

— Не все.

— Из рассказов преподавателей?

— Да.

— Из государственных сообщений?

— Разумеется.

Элиан смотрел на неё с почти печальным выражением.

— Значит, вы знаете лишь то, что вам рассказали.

Лея почувствовала неприятный холод.

— Вы хотите сказать, что всё это неправда?

Вампир долго молчал.

Потом отвёл взгляд.

— Я хочу сказать, что история Ноктюрна сложнее школьных учебников.

— Насколько сложнее?

— Настолько, что некоторые ответы потребуют от вас принять вещи, к которым вы не готовы.

Лея горько рассмеялась.

— У меня умерла мать. Её смерть скрывают за техническими формулировками. В мою квартиру проникли неизвестные и украли все её документы. Я нашла район, которого нет на карте. И теперь вы говорите, что я не готова услышать правду?

Элиан резко поднял глаза.

— В вашу квартиру проникли?

— Да.

— Когда?

— Вчера.

— Кто?

— Неизвестные со служебными удостоверениями.

Лея внимательно наблюдала за ним.

Впервые за весь вечер он выглядел действительно удивлённым.

— Они что-нибудь забрали?

— Все бумаги матери.

— Только бумаги?

— Да.

Элиан медленно отвёл взгляд.

Он словно что-то обдумывал.

— Вы сообщили об этом в охрану?

— Завтра подам заявление.

— Не стоит.

Лея замерла.

— Что?

— Пока не стоит.

— Почему?

Он посмотрел ей прямо в глаза.

— Потому что вы не знаете, кто именно имеет доступ к этим заявлениям.

Лея почувствовала, как внутри всё похолодело.

— Откуда вы знаете?

— Я знаю, как устроена административная система.

— Вы говорите так, словно уверены, что мне угрожает опасность.

Элиан молчал.

Лея шагнула ближе.

— Моя мать тоже была в опасности?

Его лицо стало неподвижным.

— Да.

У Леи перехватило дыхание.

Она ожидала уклончивого ответа.

Нового предупреждения.

Очередной официальной фразы.

Но не этого.

— Вы знали? — прошептала она.
— Знал, что её работа связана с риском.
— И ничего не сделали?
Элиан опустил глаза.
— Сделал недостаточно.
Лея смотрела на него.
— Она просила вас о помощи?
Он молчал слишком долго.
— Милорд Рош?
— Да, — наконец произнёс он.
Лея почувствовала, как внутри что-то оборвалось.
— И вы ей отказали?
Элиан поднял голову.
В его взгляде появилось выражение, похожее на усталость.
Усталость человека, прожившего слишком долгую жизнь.
— Я не поверил, что опасность настолько близка.
Лея невесело усмехнулась.
— Значит, моя мать умерла, потому что вы не поверили ей?
Он не отвёл глаз.
— Возможно, отчасти.
Несколько секунд она не могла ничего сказать.
Слова словно застряли в горле.
— Вы хотя бы понимаете, что говорите?
— Да.
— Вы могли ей помочь.
— Возможно.
— Она была жива.
Элиан молчал.
Лея почувствовала, как по лицу потекли слёзы.
Она быстро отвернулась.
Ненавидела себя за эту слабость.
Особенно сейчас.
Особенно перед ним.
— Я не прошу вас простить меня, — тихо произнёс вампир.
Лея вытерла лицо рукавом.
— Хорошо. Потому что я и не собиралась.
Элиан принял эти слова без возражений.
Затем подошёл к небольшому столу и налил воды.
Поставил стакан перед ней.
Лея не прикоснулась к нему.
— Скажите хотя бы одно, — произнесла она.
— Что?
— Моя мать действительно погибла в результате случайной аварии?
Элиан долго смотрел на неё.
Затем медленно ответил:
— Я не знаю.
— Но подозреваете?
Он не отвёл взгляда.
— Да.

Лея почувствовала, как внутри снова поднимается ярость.
Только теперь она была другой.
Не беспомощной.
Холодной.
Сосредоточенной.
— Тогда я выясню, кто её убил.
Элиан нахмурился.
— Я не говорил, что её убили.
— А я и не сказала, что вы это говорили.
Некоторое время они молчали.
Потом Элиан посмотрел на часы, закреплённые на запястье Леи.
Она заметила его взгляд.
Сначала не придала значения.
Но вампир вдруг сделал шаг ближе.
— Позвольте.
Лея отступила.
— Что?
Он смотрел на старинный латунный корпус.
На двенадцать лучей, выгравированных вокруг солнца.
На необычную форму крышки.
Его лицо медленно изменилось.
Прежнее спокойствие исчезло.
— Где вы это взяли?
Лея нахмурилась.
— Что именно?
— Часы.
Она инстинктивно прикрыла их ладонью.
— Почему вы спрашиваете?
Элиан не ответил.
Он смотрел на вещь так, словно увидел человека, которого давно считал мёртвым.
— Откуда они у вас? — повторил он.
Лея почувствовала, как сердце забилось быстрее.
Не позволяйте им забрать часы.
Слова из записки нотариуса внезапно прозвучали в памяти.
Она осторожно отступила ещё на шаг.
— От матери.
Наступила тишина.
Элиан медленно поднял глаза.
— От Миры?
— Да.
Он посмотрел на часы снова.
Его лицо стало почти белым.
Хотя ещё секунду назад Лея считала невозможным, чтобы вампир мог побледнеть сильнее.
— Когда она передала их вам?
— После смерти. По завещанию.
Элиан резко отвёл взгляд.
Подошёл к столу.
Положил ладони на металлическую поверхность.

Несколько секунд стоял неподвижно.

Лея наблюдала за ним.

— Вы знаете эти часы?

Он не ответил.

— Милорд Рош?

Вампир медленно повернулся.

И произнёс:

— Ваша мать должна была уничтожить их много лет назад.

Лея почувствовала, как по спине пробежал холод.

— Почему?

Элиан смотрел на неё так, словно пытался принять какое-то решение.

— Потому что они связаны с одним из самых опасных событий в истории Ноктюрна.

— Каких событий?

Он молчал.

Лея шагнула ближе.

— Вы сказали, что знали мою мать. Знали о её работе. Знали об опасности. А теперь узнаёте часы, которые она оставила мне. Я хочу понять, что происходит.

Элиан посмотрел на дверь.

Потом на потолочную камеру наблюдения.

Лея заметила это движение.

— Нас записывают?

Он спокойно ответил:

— Да.

— Тогда отключите камеру.

— Это не так просто.

— Вы член Совета распределения солнечных ресурсов. Неужели не способны выключить одну камеру?

Элиан внимательно посмотрел на неё.

Затем подошёл к панели управления.

Ввёл короткую последовательность.

Небольшой красный индикатор на потолке погас.

— Теперь нет, — сказал он.

Лея не знала, верить ему или нет.

Но впервые за вечер вампир выглядел не уверенным в себе аристократом, а человеком, столкнувшимся с чем-то, чего боялся.

— Эти часы принадлежали вашей матери не всегда, — произнёс Элиан.

— Кому они принадлежали раньше?

Он посмотрел на латунный корпус.

— Человеку, который однажды попытался открыть северные ворота Ноктюрна.

Лея замерла.

— Какие ворота?

— Те, которые ведут туда, куда жителям нашего города запрещено ходить.

Она почувствовала, как земля словно уходит из-под ног.

— На поверхность?

Элиан молча кивнул.

Лея сглотнула.

— Этот человек умер?

Вампир посмотрел ей прямо в глаза.

— По официальным документам — да.

— А на самом деле?

Он ничего не ответил.

Она медленно опустила взгляд на часы.

Вспомнила рисунок.

Дом.

Дерево.

Маленькую девочку.

Высокого мальчика.

Материнскую надпись:

«Тим обещал показать ей всё снова».

Лея почувствовала, как пальцы начали дрожать.

— Как звали этого человека?

Элиан долго молчал.

Слишком долго.

Затем тихо произнёс:

— Прежде чем я отвечу, вы должны кое-что понять.

— Что?

— После некоторых открытий уже невозможно вернуться к прежней жизни.

Лея посмотрела на него.

На его безупречный костюм.

На серебряный герб древнего дома.

На лицо существа, прожившего почти двести лет.

И вдруг поняла, что больше не боится услышать правду.

Она боялась другого.

Что правда окажется совсем рядом, а ей снова не позволят до неё дотянуться.

— Моя прежняя жизнь закончилась в тот день, когда похоронили мать, — произнесла она. — Поэтому не тратьте время на предупреждения.

Элиан медленно выдохнул.

И впервые за всё время их разговора в его взгляде появилось нечто совершенно человеческое.

Сожаление.

— Эти часы, — сказал он, — когда-то были связаны с вашим братом.

Лея застыла.

— С Тимом?

Элиан не ответил сразу.

— Вы помните его?

— Конечно.

— Что именно?

Лея почувствовала, как на глаза снова навернулись слёзы.

— Он любил рисовать дома с большими окнами. Говорил, что когда-нибудь у нас будет настоящий сад. И обещал показать мне океан.

Она с трудом сглотнула.

— А потом погиб.

Элиан закрыл глаза.

Всего на мгновение.

Но Лея заметила.

— Вы ведь знаете, что с ним случилось? — прошептала она.

Вампир открыл глаза.

Не успел ответить.

Потому что за дверью послышались быстрые шаги.

Затем настойчивый стук.

— Милорд Рош!

Элиан резко повернулся.

— Что случилось?

Голос за дверью звучал напряжённо.

— Срочное сообщение из Центрального управления!

Элиан открыл дверь.

На пороге стоял офицер внутренней охраны.

Он передал тонкий электронный планшет.

— Только что поступило распоряжение Совета.

Элиан прочитал сообщение.

Лея увидела, как его лицо стало совершенно неподвижным.

— Когда? — спросил он.

— Десять минут назад, милорд.

— Кто подписал?

— Леди Агата Вейр.

Элиан несколько секунд смотрел на экран.

Затем вернул планшет.

— Ожидайте снаружи.

Офицер поклонился и отошёл.

Элиан медленно закрыл дверь.

Лея не выдержала:

— Что произошло?

Он посмотрел на неё.

— Совет объявил чрезвычайную проверку всех сотрудников, имевших доступ к северным оптическим маршрутам.

Лея похолодела.

— Почему?

— Потому что кто-то обнаружил несанкционированное использование закрытого канала.

Она вспомнила журнал аварийных команд.

С-17.

Северный внешний контур.

— И что теперь?

Элиан подошёл к столу.

Открыл нижний ящик.

Достал небольшую металлическую карточку.

Положил перед ней.

На ней был выгравирован серебряный грифон.

— Это временный пропуск в закрытые технические помещения дома Рош.

Лея недоверчиво посмотрела на него.

— Зачем он мне?

— Потому что в ближайшие часы вам лучше не возвращаться домой.

— Почему?

— Люди Агаты уже знают о вашем интересе к северной шахте.

Лея отступила.

— Откуда?

Элиан посмотрел на её часы.

— Боюсь, они следили за работой вашей матери гораздо дольше, чем вы можете представить.

— И вы предлагаете мне спрятаться у вас?

— Я предлагаю вам остаться живой.

— А взамен?

Он помолчал.

— Взамен я хочу узнать, что именно Мира успела вам передать.

Лея холодно улыбнулась.

— Теперь понятно.

Она убрала руку с карточки.

— Я не собираюсь отдавать вам часы.

Элиан медленно поднял глаза.

— Я не просил их отдавать.

— Пока.

Он долго смотрел на неё.

Затем произнёс:

— Ваша мать доверяла мне когда-то.

— И всё равно погибла.

Слова прозвучали жестоко.

Лея знала это.

Но не пожалела.

Элиан принял удар молча.

Затем медленно кивнул.

— Справедливо.

Он убрал карточку обратно в ящик.

— В таком случае я не стану вас удерживать.

Лея направилась к двери.

Но, уже взявшись за ручку, остановилась.

— Милорд Рош.

— Да?

Она не обернулась.

— Вы сказали, что мой брат погиб по официальным документам.

Тишина.

— Значит ли это, что он мог остаться жив?

Элиан не ответил.

Лея медленно повернулась.

Вампир стоял возле письменного стола.

На его лице больше не было ни привычной холодности, ни аристократического высокомерия.

Только усталость.

И что-то похожее на вину.

— Пожалуйста, — прошептала она. — Я должна знать.

Элиан долго смотрел на неё.

Затем произнёс:

— Четырнадцать лет назад ваш брат отправился в северный сектор. На следующий день объявили, что он погиб при обрушении шахты.

Лея почувствовала, как сердце болезненно сжалось.

— Я знаю.

— Но тела никто не нашёл.

— Мама говорила, что...
Она осеклась.
Мать действительно рассказывала о гибели Тима.
О несчастном случае.
О закрытом тоннеле.
Но Лея никогда не видела его тела.
Никогда не присутствовала на прощании.
Мира объясняла, что спасатели не смогли извлечь погибших из завала.
Лея была ребёнком.
Она поверила.
Потому что не могла представить, что мать способна солгать ей о таком.
— Вы хотите сказать, что он не умер?
Элиан посмотрел на старинные часы.
— Я хочу сказать, что никогда не видел доказательств его смерти.
Лея медленно опустилась на стоявший рядом стул.
В голове шумело.
Северный сектор.
Часы.
Старый рисунок.
Человек на поверхности.
И тайный сигнал.
Два коротких движения.
Одно длинное.
Тот самый сигнал, которому её учил брат.
В тот момент она внезапно поняла, почему тень человека показалась ей знакомой.
Не очертаниями.
Не движениями тела.
А жестом.
Тим всегда использовал этот знак, когда они играли в прятки.
Два коротких стука.
Один длинный.
«Я рядом. Можешь выходить».
Лея медленно подняла голову.
— Боже мой...
Элиан нахмурился.
— Что?
Она смотрела сквозь него.
Вспоминая солнечную кабину.
Тень дерева.
Высокую фигуру.
Поднятую руку.
И человека, который знал, что она появится ровно в шесть семнадцать.
— Там был он, — прошептала Лея.
— Кто?
Она посмотрела вампиру прямо в глаза.
— Мой брат.
В то же время на Центральной площади аукцион завершался праздничным концертом.
Огромные экраны показывали роскошный зал.
Золотые люстры.

Счастливых победителей торгов.

Представителей двенадцати домов.

На нижних уровнях люди постепенно расходились по домам.

Рабочие возвращались на ночные смены.

Донорские центры продолжали принимать кровь.

В больницах включали вечернее искусственное освещение.

Город жил обычной жизнью.

Не подозревая, что в одном из технических помещений Верхнего города молодая женщина впервые за четырнадцать лет допустила мысль, что её умерший брат может быть жив.

И что человек, которого она видела на поверхности, возможно, ждал её все эти годы.

А далеко за пределами известных городских кварталов, в старом северном тоннеле, мужчина сидел перед небольшим радиопередатчиком.

На столе лежала выцветшая фотография.

Мальчик лет восемнадцати держал на руках маленькую девочку.

Позади них была нарисована декорация с изображением голубого неба.

Девочка смеялась.

Мальчик смотрел на неё с такой нежностью, словно хотел защитить от всего мира.

Мужчина осторожно провёл пальцем по лицу ребёнка.

Затем поднял голову.

На радиоприёмнике вспыхнул красный индикатор.

Раздался короткий сигнал.

Он нажал кнопку приёма.

Сквозь треск помех прозвучал женский голос:

— На аукционе произошла авария. Северный маршрут обнаружен в техническом журнале.

Мужчина нахмурился.

— Кто получил доступ?

— Дочь Миры.

Несколько секунд он молчал.

— Она жива?

— Да.

Он медленно закрыл глаза.

— Слава богу.

Женщина продолжила:

— Но Совет начал расследование. Агата Вейр уже распорядилась проверить всех, кто работал с северной системой.

Мужчина посмотрел на старую фотографию.

— Значит, времени почти не осталось.

— Что будем делать?

Он поднялся.

Подошёл к металлической двери, за которой шумел настоящий ветер.

Далеко за горизонтом светлело небо.

— Готовьте северный переход.

— Но он закрыт уже четырнадцать лет.

Мужчина сжал фотографию.

— Тогда откроем его снова.

— А если она не придёт?

Он долго смотрел на бледную полоску света.

Потом тихо ответил:

— Придёт.

— Почему ты так уверен?

Мужчина улыбнулся.

Печально.

Почти болезненно.

— Потому что она Сольер.

Он убрал фотографию во внутренний карман.

— И потому что я обещал ей показать солнце.

Конец третьей главы.

«Иногда самое дорогое, что можно купить за деньги, не стоит ничего. А самое ценное, что можно потерять, невозможно вернуть ни за какие богатства».

Глава 4. Человек, которого похоронили дважды

«Самая жестокая смерть — не та, после которой человек исчезает. А та, после которой тебе запрещают надеяться, что он ещё жив».

В Ноктюрне мёртвые редко возвращались.

Здесь даже живые не всегда могли позволить себе вернуться домой.

Но Лея Сольер только что услышала нечто, заставившее её усомниться во всём, что она знала о собственной семье.

Её брат мог быть жив.

Четырнадцать лет она считала Тима погибшим.

Четырнадцать лет его имя существовало только на мемориальной табличке, в старых фотографиях и воспоминаниях, которые с каждым годом становились всё менее отчётливыми.

А теперь перед ней стоял вампир, проживший почти два столетия, и утверждал, что никогда не видел доказательств его смерти.

Лея смотрела на Элиана Роша.

— Повторите.

Он не двигался.

— Госпожа Сольер...

— Я сказала, повторите.

Её голос прозвучал слишком громко для маленькой технической комнаты.

Элиан перевёл взгляд на закрытую дверь.

За ней продолжался праздничный вечер. Доносились отдалённые голоса, музыка, звон бокалов.

Аукцион рассветов закончился.

Богачи получили свои часы солнца.

Город вернулся к привычной жизни.

Только у Леи этой жизни больше не было.

— Я не утверждал, что ваш брат жив, — осторожно произнёс Элиан.

— Нет. Вы сказали, что не видели доказательств его смерти.

— Это разные вещи.

— Для вас, возможно.

Он выдержал её взгляд.

— Именно сейчас эта разница чрезвычайно важна.

Лея шагнула ближе.

— Вы знали моего брата?

— Да.

— Насколько хорошо?

— Достаточно, чтобы помнить его спустя четырнадцать лет.

— Это не ответ.

— Другого пока не будет.

Она почувствовала, как внутри поднимается знакомая ярость.

За последние дни слишком многие говорили с ней именно так.

Намёками.

Предупреждениями.

Недосказанными фразами.

Будто весь Ноктюрн заключил тайный договор: Лея Сольер может задавать любые вопросы, пока никто не обязан на них отвечать.

— Вы ведь понимаете, как это выглядит? — спросила она.

Элиан молчал.

— Сначала мне сообщают о смерти матери. Потом я узнаю, что она занималась закрытым северным каналом. Затем обнаруживаю район, которого нет на карте. А теперь вы говорите, что мой брат, которого мы похоронили четырнадцать лет назад, возможно, не погиб.

Она с трудом сглотнула.

— И после всего этого предлагаете мне спокойно уйти?

— Я предлагаю вам пережить эту ночь.

— А я хочу знать правду.

— Иногда эти желания противоречат друг другу.

Лея невесело рассмеялась.

— Как удобно.

Элиан нахмурился.

— Что именно?

— Быть бессмертным. У вас всегда достаточно времени, чтобы откладывать неприятные разговоры.

На его лице что-то изменилось.

Совсем немного.

Но Лея заметила.

— Бессмертие, госпожа Сольер, не означает, что у вас всегда есть время.

— Тогда докажите.

— Что?

— Что вы понимаете, насколько оно дорого.

Она подняла руку с часами.

— Расскажите мне о Тиме.

Элиан посмотрел на старинный механизм.

На латунную крышку.

На выгравированное солнце.

И впервые за всё время их знакомства Лее показалось, что он действительно боится.

Не её.

Не собственных воспоминаний.

Чего-то, что скрывалось за ними.

Элиан медленно подошёл к двери и проверил индикатор замка.

Затем вернулся к столу.

— Сядьте.

— Я предпочитаю стоять.

— Как пожелаете.

Он достал из кармана тонкий серебряный футляр.

Открыл.

Внутри лежала небольшая карточка из тёмного металла.

Элиан приложил её к служебному терминалу.

На экране вспыхнул герб дома Рош.

Через секунду появилось меню архивного доступа.

— Вы собираетесь показать мне документы? — спросила Лея.

— Только те, которые имею право открыть.

— Удивительно. Я начинаю подозревать, что вы способны отвечать на вопросы.

Он не улыбнулся.

На экране возникла старая фотография.

Группа молодых инженеров стояла перед массивной металлической конструкцией.

Позади них поднимались гигантские створки ворот.

Лея сделала шаг вперёд.

В самом центре фотографии находился худощавый темноволосый юноша.

Около восемнадцати лет.

С немного растрёпанными волосами и широкой, почти дерзкой улыбкой.

На его рабочей куртке был приколот инженерный знак младшего специалиста.

Лея узнала его мгновенно.

— Тим...

Она произнесла имя так тихо, что сама едва его услышала.

На фотографии брат выглядел именно таким, каким она помнила его в последний год перед исчезновением.

Только здесь он был серьёзнее.

Старше.

Почти взрослым.

Она осторожно коснулась экрана.

— Где это снято?

— Северный технический комплекс. Четырнадцать лет назад.

— Он работал там?

— Да.

— Но мама говорила, что Тим был обычным стажёром.

— Формально так и было.

— А на самом деле?

Элиан приблизил изображение.

— Ваш брат обладал исключительными способностями к механике и оптическим системам. В восемнадцать лет он уже разрабатывал элементы, которые некоторые опытные инженеры не могли даже правильно обслуживать.

Лея невольно улыбнулась сквозь слёзы.

— Он с детства всё разбирал.

— Знаю.

— Однажды разобрал наш кухонный таймер, потому что ему не нравилось, как тот звенел.

Элиан едва заметно приподнял бровь.

— И собрал обратно?

— Нет. Сделал из него устройство, которое включало свет, когда я просыпалась.

Она замолчала.

Воспоминание оказалось неожиданно ярким.

Маленькая кухня.

Тим сидит на полу, окружённый винтами и проводами.

Лея, которой тогда было семь, смотрит через его плечо.

— Зачем ты всё время ломаешь вещи? — спрашивает она.

— Я их не ломаю. Я выясняю, что они умеют.

— А потом?

— Потом учу их чему-нибудь новому.

— А меня научишь?

Тим оборачивается.

Улыбается.

— Тебя? Конечно. Ты же мой любимый помощник.

Лея резко вернулась в настоящее.

Элиан молча наблюдал за ней.

— Он действительно был талантлив, — произнёс вампир.

Она вытерла слезу.

— Тогда почему его отправили в северную шахту?

Элиан закрыл фотографию.

— Потому что он нашёл старые инженерные расчёты, которые противоречили действующим ограничениям.

— Каким ограничениям?

— На использование внешних технических тоннелей.

Лея медленно подняла глаза.

— Тех, что ведут на поверхность?

Элиан не ответил сразу.

Потом кивнул.

— Да.

В комнате стало холодно.

По крайней мере, Лее так показалось.

Она обхватила себя руками.

— Продолжайте.

Элиан некоторое время смотрел на неё.

— В первые десятилетия существования Ноктюрна северный комплекс использовался не только для доставки солнечного света. Там находились транспортные шлюзы, исследовательские станции и аварийные выходы.

— Я видела старые карты.

Он насторожился.

— Какие именно?

— Те, которые ещё не успели уничтожить.

Элиан помолчал.

— Значит, вы уже нашли нулевой район.

Лея не отвела взгляда.

— Он действительно существовал?

— Да.

— Там жили люди?

— Да.

— Почему его нет на современных картах?

Элиан посмотрел в сторону тёмного терминала.

— Потому что Совет принял решение исключить его из городской инфраструктуры.

— Исключить район?

— Его официально признали непригодным для проживания.

— Что стало с жителями?

— Большую часть переселили.

— Большую?

Вампир молчал.

Лея почувствовала неприятный холод.

— А остальных?

— Госпожа Сольер...

— Что стало с остальными?

Элиан медленно выдохнул.

— Не все покинули сектор до окончательного закрытия.

— И вы просто оставили их там?

— Я не принимал этого решения.

— Но знали о нём?

— Да.

Лея отступила.

— Господи...

— Вы не понимаете обстоятельств.

— Тогда объясните!

Её голос сорвался.

— Объясните, почему целый район исчез с карты. Почему моя мать тайно восстанавливала старую шахту. Почему мой брат пытался открыть ворота. И почему вы, прожив почти двести лет, всё ещё считаете, что мне лучше ничего не знать!

Элиан резко выпрямился.

Его лицо стало неподвижным.

На мгновение Лея увидела не сдержанного аристократа, а существо, привыкшее к безоговорочному подчинению.

— Осторожнее, — тихо произнёс он.

Она замерла.

Не от испуга.

От неожиданности.

— Вы мне угрожаете?

Элиан посмотрел на неё.

Затем закрыл глаза.

Всего на секунду.

Когда он снова заговорил, голос был спокойнее.

— Нет. Простите.

Лея не ожидала извинений.

Он продолжил:

— Я пытаюсь предупредить вас о людях, которые не станут разговаривать так долго, как я.

— Об Агате Вейр?

Элиан внимательно посмотрел на неё.

— Откуда вы знаете её имя?

— Вы сами сказали, что она подписала распоряжение о проверке северных маршрутов.

— Верно.

Он медленно провёл ладонью по краю стола.

— Агата не терпит вопросов, которые ставят под сомнение решения Совета.

— А вы?

— Я задавал их достаточно, чтобы понять, насколько дорого обходятся ответы.

Лея смотрела на него несколько секунд.

Потом произнесла:

— Но недостаточно, чтобы что-то изменить.

Элиан не возразил.

И почему-то его молчание заставило её почувствовать себя ещё хуже.

Она вновь подняла руку с часами.

— Как они оказались у Тима?

Элиан посмотрел на латунный корпус.

— Он сам переделал их механизм. Изначально это были обычные карманные часы, принадлежавшие вашему деду.

Лея удивилась.

— У нас была семейная реликвия?

— Была.

— Мама никогда не рассказывала.

— Возможно, хотела уберечь вас от воспоминаний.

— Каких?

Элиан посмотрел на маленькое золотое солнце.

— Ваш брат интересовался северным комплексом задолго до того, как получил официальный инженерный допуск. Он обнаружил, что старые системы используют механические способы проверки маршрутов. Некоторые устройства приводились в действие не электричеством, а температурой и изменением положения отдельных деталей.

Лея нахмурилась.

— Термочувствительные элементы?

— В том числе.

Она медленно открыла часы.

— Поэтому они заработали под солнцем.

Элиан поднял глаза.

— Они заработали?

Лея сразу пожалела о сказанном.

— На короткое время.

Он сделал шаг ближе.

— При естественном солнечном освещении?

— Да.

Несколько секунд вампир смотрел на часы.

— Значит, Тим всё-таки закончил механизм.

— Что вы имеете в виду?

Элиан покачал головой.

— Я видел его ранние испытания. Но не знал, что он довёл конструкцию до рабочего состояния.

Лея провела пальцем по циферблату.

— Он пытался сделать из них ключ?

Вампир медленно перевёл взгляд на неё.

— Почему вы так решили?

— Потому что нашла внутри скрытую пластину.

Элиан замер.

Лея почувствовала, что сказала слишком много.

В течение нескольких секунд они молчали.

— Что было на пластине? — наконец спросил он.

— А вы как думаете?

— Лея.

Она впервые услышала своё имя без официального обращения.

И почему-то это прозвучало тревожнее, чем все его предупреждения.

— Что там было? — повторил Элиан.

Лея закрыла крышку часов.

— Если вы знали моего брата, то, возможно, сами сможете ответить.

Элиан медленно отступил.

— Полагаю, вы мне не доверяете.

— А вы дали мне для этого хоть одну причину?

Он опустил глаза.

— Справедливо.

Некоторое время вампир молчал.

Затем произнёс:

— Ваш брат считал, что северный комплекс закрыли не из-за технической аварии.

Лея затаила дыхание.

— А из-за чего?

— Он полагал, что ограничения были установлены намеренно.

— Чтобы не выпускать людей?

— Это была его версия.

— А ваша?

Элиан посмотрел на неё.

— Я тогда считал её опасным заблуждением.

Лея медленно выпрямилась.

— А теперь?

Он долго не отвечал.

— Теперь я уже не уверен.

На терминале появилась ещё одна фотография.

Старая.

Чёрно-белая.

На ней были изображены северные ворота.

Огромные стальные створки, встроенные в каменную стену.

Перед ними стояли несколько инженеров.

Среди них Тим.

— Это последний подтверждённый снимок вашего брата в северном комплексе, — сказал Элиан.

Лея приблизилась.

Тим стоял возле пульта управления.

На его лице не было улыбки.

Он смотрел куда-то за пределы кадра.

— Что случилось после этого?

Элиан выключил изображение.

— В ночь аварии Тим попытался запустить старую систему внешнего шлюза. Одновременно в северном тоннеле произошло обрушение перекрытия.

— Он был внутри?

— Согласно журналу дежурств.

— Вы его видели?

— Нет.

— Слышали взрыв?

— Нет. В тот момент я находился в другом секторе.

— А кто рассказал вам о его смерти?

Элиан посмотрел на неё.

— Руководитель аварийной комиссии.

— Имя?

Пауза.

— Бастиан Крог.

Лея почувствовала, как внутри всё похолодело.

— Крог?

— Да.

Она невольно сделала шаг назад.

Тот самый мужчина.

Начальник технического управления.

Человек, который выступал на похоронах её матери.

Человек, который вчера уверял её, что северная шахта давно закрыта.

— Это он руководил расследованием? — спросила она.

— Да.

— И четырнадцать лет назад тоже?

— Тогда он занимал другую должность, но возглавлял аварийную комиссию.

Лея медленно опустилась на стул.

— Боже...

Она закрыла лицо ладонями.

Перед глазами всплыли два гроба.

Один — старый, деревянный, с фотографией улыбающегося юноши.

Другой — металлический, холодный, с надписью «Мира Сольер».

Четырнадцать лет между ними.

Одна семья.

Один технический комплекс.

И один человек, утверждавший, что обе смерти были несчастными случаями.

— Вы понимаете, что это значит? — спросила она.

Элиан не ответил.

— Крог расследовал смерть моего брата. А теперь руководит управлением, на объекте которого погибла моя мать.

— Да.

— И вас это не настораживает?

— Теперь настораживает.

Лея резко подняла голову.

— Теперь?

Элиан выдержал её взгляд.

— Я уже признал, что допустил ошибки.

— Ошибки?

Она невесело рассмеялась.

— Мой брат исчез. Моя мать погибла. В мой дом проникли неизвестные. А вы называете это ошибками?

— Я говорю о собственных решениях.

— Тогда назовите хотя бы одно.

Элиан некоторое время смотрел на неё.

Потом тихо произнёс:

— Четырнадцать лет назад Тим приходил ко мне за разрешением провести независимую проверку северных ворот.

Лея застыла.

— И что вы сделали?

— Отказал.

— Почему?

— Потому что считал его расчёты недостаточным основанием для нарушения режима безопасности.

— А после?

— После отказа он решил действовать самостоятельно.

Лея почувствовала, как сердце болезненно сжалось.

— Значит, вы могли предотвратить его гибель?

— Возможно.

— Но не стали.

Элиан опустил глаза.

— Да.

Лея смотрела на него.

Ей хотелось закричать.

Сказать, что он чудовище.

Что столетия жизни сделали его неспособным понимать цену человеческих утрат.

Но вместо этого она спросила:

— Вы хотя бы пытались найти его тело?

Вампир долго молчал.

— Я потребовал продолжить поиски после завершения аварийной операции.

— И?

— В доступе отказали.

— Вам?

— Да.

— Кто?

— Совет.

Лея медленно откинулась на спинку стула.

Всё становилось ещё хуже.

Если даже член одного из двенадцати домов не смог получить доступ к месту аварии, значит, северный комплекс скрывал нечто действительно важное.

Элиан подошёл к окну технической комнаты.

За стеклом было видно пустеющее пространство аукционного зала.

— Ваш брат не был преступником, Лея, — произнёс он, не оборачиваясь. — Но он считал, что обладает правом открыть двери, которые закрыли задолго до его рождения.

— А разве не обладал?

Элиан посмотрел на неё.

— Тогда я сказал бы, что нет.

— А сейчас?

Он медленно выдохнул.

— Сейчас я уже не знаю, кто вообще имел право их закрывать.

Лея уже собиралась ответить, когда Элиан вновь включил терминал.

— Есть ещё кое-что.

Его голос изменился.

Теперь в нём не было ни высокомерия, ни привычной осторожной любезности.

— После обрушения тело вашего брата не нашли.

— Вы говорили.

— Поэтому первая церемония была символической.

Лея медленно кивнула.

Она помнила тот день.

Ей было тринадцать.

Мама надела чёрное платье, которое прежде доставала только по праздникам. Долго расчёсывала волосы перед зеркалом. Потом посадила Лею рядом и сказала, что Тим больше не вернётся.

На похоронах стоял деревянный гроб.

Закрытый.

Лея тогда спросила, почему он такой лёгкий.

Мама крепко сжала её руку.

И не ответила.

— В гробу никого не было, — прошептала Лея.

— Нет.

Она закрыла глаза.

— Я помню.

Элиан некоторое время молчал.

Затем открыл архивную запись.

На экране появился документ.

ДЕЛО № 4417-С

ТИМОТИ СОЛЬЕР

Статус: погибший при промышленной аварии.

Дата признания смерти: 2122 год.

Ниже находилась ещё одна запись.

Лея нахмурилась.

— Что это?

Элиан не ответил.

Она прочитала.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ АКТ О ЗАХОРОНЕНИИ.

Дата: 2128 год.

Основание: обнаружение и идентификация останков.

Лея медленно подняла голову.

— Подождите.

Она снова посмотрела на документ.

Две тысячи сто двадцать восьмой.

Через шесть лет после обрушения.

— Что это значит?

Элиан стоял неподвижно.

— Через шесть лет после аварии аварийная комиссия зарегистрировала обнаружение останков вашего брата.

Лея почувствовала, как в груди всё сжалось.

— Но мне никто ничего не говорил.

— Я понимаю.

— Мама тоже?

— Она получила уведомление.

— И скрыла от меня?

Элиан не ответил.

Лея резко встала.

— Почему?!

— Этого я не знаю.

— Покажите весь документ.

Вампир некоторое время колебался.

Затем открыл дополнительную страницу.

В акте говорилось, что в одном из старых технических каналов были найдены человеческие останки и металлический жетон с именем Тимоти Сольера.

Идентификация проводилась закрытой медицинской комиссией.

Доступ родственников к материалам экспертизы был ограничен.

Похороны прошли без открытой церемонии.

Лея смотрела на экран, не понимая прочитанного.

— Его похоронили второй раз?

— Да.

— Без меня?

— Да.

— А мама?..

Она не смогла договорить.

Элиан тихо произнёс:

— Мира оспаривала результаты идентификации.

Лея резко подняла голову.

— Что?

— Она потребовала независимую экспертизу. В разрешении отказали.

— Почему?

— Материалы были переданы в закрытый фонд.

— А она поверила, что останки принадлежали Тиму?

Элиан посмотрел на неё.

— Судя по тому, что произошло позже, нет.

Лея медленно отступила от терминала.

Перед глазами возникла мать.

Та самая женщина, которая годами отказывалась выбрасывать старые вещи.

Которая хранила детские рисунки.

Которая никогда не снимала с полки фотографию сына.

Лея вспомнила, как однажды, уже после своего совершеннолетия, застала Миру на кухне.

Мать сидела перед открытым письмом.

Руки дрожали.

— Мам, что случилось?

— Ничего, моя хорошая.

— Ты плачешь?

Мира быстро отвернулась.

— Просто устала.

— Это из-за Тима?

Мать тогда долго молчала.

А потом неожиданно спросила:

— Лея, а ты веришь, что человека можно ждать слишком долго?

Девушка не поняла.

— Не знаю.

Мира осторожно сложила письмо.

— Я тоже.

Теперь Лея смотрела на архивный документ и впервые понимала, что означали те слова.

Мать ждала.

Даже после того, как город похоронил её сына во второй раз.

— Она искала его, — прошептала Лея.

Элиан молчал.

— Все эти годы.

— Полагаю, да.

Лея посмотрела на него.

— И вы знали?

— Я знал об её сомнениях.

— Но считали, что она ошибается?

Он не сразу ответил.

— Да.

Лея горько усмехнулась.

— Вам очень нравится это слово.

— Какое?

— «Ошибалась».

Она указала на документ.

— Мой брат пытался открыть ворота — ошибался. Моя мать не поверила в его смерть — ошибалась. Я увидела человека на поверхности — мне показалось.

Элиан нахмурился.

— Вы видели человека?

Лея замерла.

Она вновь сказала больше, чем собиралась.

— Забудьте.

— Где именно?

— Это не имеет значения.

— Лея.

— Не произносите моё имя так, будто мы знакомы всю жизнь.

Элиан замолчал.

Она с трудом вдохнула.

— Вы знаете, что я думаю?

— Слушаю.

— Что в этом городе страшнее всего не вампиры.

Он поднял глаза.

— А что?

— Люди, которые решают за других, какую правду им позволено знать.

Элиан долго смотрел на неё.

Потом медленно закрыл архив.

— Возможно, вы правы.

За дверью раздался осторожный стук.

— Лея?

Голос Ады прозвучал напряжённо.

— Всё хорошо?

Лея обернулась.

— Да. Заходи.

Подруга появилась на пороге.

Сначала посмотрела на Лею.

Потом на Элиана.

— Судя по вашим лицам, ничего хорошего я не пропустила.

— Мы закончили, — ответил вампир.

Лея резко повернулась.

— Нет.

Он посмотрел на неё.

— Разговор окончен.

— Вы ещё не рассказали мне, что произошло в северном тоннеле.
— Я сообщил всё, что мог.
— Нет. Всё, что захотели.
Элиан не возразил.
Она подошла ближе.
— Кто приказал закрыть ворота после исчезновения Тима?
Молчание.
— Кто подписал второе свидетельство о его смерти?
Он отвёл взгляд.
— Кто знал, что мама продолжает расследование?
— Госпожа Сольер...
— Кто убил мою мать?
Элиан резко выпрямился.
— Достаточно.
Лея замерла.
В его голосе прозвучала такая властность, что даже Ада невольно сделала шаг вперёд.
Элиан заметил это.
Помолчал.
Затем произнёс гораздо тише:
— Вы ищете ответы на вопросы, которые могут стоить вам жизни.
— Это моя жизнь.
— И именно поэтому я пытаюсь её сохранить.
— А я пытаюсь понять, почему у моей семьи отняли две.
На этот раз он не нашёл ответа.
Лея застегнула пальто.
— Идём, Ада.
Подруга подняла чемодан с инструментами.
Но перед выходом остановилась.
— Милорд Рош?
Элиан повернулся.
— Да?
— Можно вопрос?
— Разумеется.
Ада посмотрела на него с необычной серьёзностью.
— Вы действительно хотите помочь Лее?
— Да.
— Тогда когда-нибудь придётся перестать решать за неё, что ей лучше знать.
Элиан некоторое время молчал.
— Возможно.
Ада кивнула.
— Надеюсь, вы доживёте до этого решения.
Лея невольно повернула голову.
Вампир чуть приподнял бровь.
— Учитывая мой возраст, шансы достаточно высоки.
— Возраст, милорд, не всегда означает, что у человека есть время.
Ада вышла.
Лея уже взялась за ручку двери, когда Элиан произнёс:
— Лея.
Она остановилась.

— Что ещё?

— Не пытайтесь пройти через северный тоннель самостоятельно.

— Почему?

— Там существуют механизмы, которые не отображаются на современных схемах. Некоторые блокировки невозможно открыть обычным инженерным инструментом.

Она медленно повернулась.

— Вы были там после аварии?

Элиан посмотрел ей прямо в глаза.

— Да.

— Когда?

Пауза.

— Много лет назад.

— И что увидели?

Он молчал.

Лея покачала головой.

— Понятно.

Она открыла дверь.

— Прощайте, милорд Рош.

— Это не прощание.

Лея обернулась.

— Вы так уверены?

Вампир посмотрел на часы у неё на запястье.

— Боюсь, часы уже решили иначе.

Когда Лея и Ада покинули Зал двенадцати созвездий, аукционные экраны всё ещё сияли.

На них показывали лучшие моменты вечера.

Счастливых покупателей.

Роскошные солнечные павильоны.

Торжественные улыбки представителей двенадцати домов.

Под изображением бегущей строкой выводили сумму пожертвований благотворительному фонду.

Семь тысяч крон.

Лея смотрела на цифру и почти ничего не чувствовала.

Все её мысли были заняты другим.

Тим.

Её брат.

Мальчик, который когда-то научил её различать звуки неисправных механизмов.

Который носил её на плечах.

Который обещал показать океан.

Который погиб в восемнадцать лет.

А потом был похоронен снова.

Шесть лет спустя.

По документам, подписанным людьми, не позволившими его матери даже проверить останки.

— Ле, — позвала Ада.

Они остановились возле транспортной платформы.

— Ты меня слышишь?

— Да.

— Тебе нужно сесть.

— Я нормально себя чувствую.

— Нет.

Лея посмотрела на неё.

Ада взяла подругу за плечи.

— Ты сейчас бледнее того аристократа.

Лея неожиданно рассмеялась.

Коротко.

Нервно.

— Это сложно.

— Знаю. Я стараюсь не ставить перед собой простых задач.

Они сели на свободную скамью.

Несколько секунд молчали.

Затем Ада тихо спросила:

— Он действительно сказал, что Тим может быть жив?

Лея кивнула.

— Он не видел его тела.

— И всё?

— Нет.

Она рассказала о старой фотографии.

О северных воротах.

О втором свидетельстве о смерти.

Об отказе Мире в независимой экспертизе.

Ада слушала молча.

Когда Лея закончила, подруга долго смотрела на противоположную стену галереи.

— Это чудовищно, — наконец произнесла она.

— Да.

— Но почему твоя мать ничего тебе не рассказала?

Лея сжала пальцы.

— Я не знаю.

— Может быть, она не хотела давать тебе ложную надежду.

— Или боялась.

— Возможно.

Лея подняла глаза.

— Ада, если Тим действительно жив, значит, мама знала?

— Не обязательно.

— Но она продолжала искать. Она перенастроила северную шахту. Оставила мне часы. Выбрала кабину, куда попадала тень человека.

— Да.

— Значит, она с кем-то связывалась.

Ада задумалась.

— Это возможно.

Лея встала.

— Нам нужно попасть на северную станцию.

Подруга резко подняла голову.

— Нет.

— Ада...

— Ты слышала, что сказал Рош? Тоннель закрыт, там опасные механизмы, а Совет уже знает, что ты задаёшь вопросы.

— Именно поэтому нельзя ждать.

— Именно поэтому нельзя бежать туда посреди ночи!

Несколько прохожих обернулись.

Ада понизила голос.

— Послушай меня. Я понимаю, что ты хочешь найти брата. Но сейчас у нас нет ни плана, ни оборудования, ни даже уверенности, что маршрут существует.

— У нас есть координаты.

— Координаты не останавливают охранные системы.

Лея не ответила.

Подруга осторожно взяла её за руку.

— Если Тим действительно жив, он ждал четырнадцать лет. Ещё один день ничего не изменит.

Лея посмотрела на неё.

— А если изменит?

Ада замолчала.

— Мама погибла одиннадцать дней назад, — продолжила Лея. — За это время кто-то успел обыскать нашу квартиру, уничтожить документы и начать следить за мной. А сегодня мне практически сказали, что северный тоннель связан с гибелью моей семьи.

Она сглотнула.

— Я боюсь, что однажды проснусь, а все следы исчезнут. И мне снова скажут, что ничего не было.

Ада долго молчала.

Затем вздохнула.

— Хорошо.

Лея подняла голову.

— Что?

— Завтра начнём готовиться.

— Ты серьёзно?

— Да. Но пойдём только после того, как изучим механизмы старых шлюзов и найдём безопасный маршрут.

— Ада...

— И ещё одно условие.

— Какое?

— Ты больше не ходишь ни на какие встречи с бессмертными красавцами без предупреждения.

Лея удивлённо посмотрела на неё.

— Что?

Ада пожала плечами.

— Я инженер. Но не слепая.

Лея невольно улыбнулась.

— Он вампир.

— Я заметила.

— Ему сто восемьдесят шесть лет.

— Очень зрелый возраст для серьёзных отношений.

— Ада!

Подруга впервые за вечер рассмеялась.

— Всё, молчу.

Но спустя несколько секунд добавила:

— Хотя взгляд у него был интересный.

Лея отвернулась.

— Я его ненавижу.

— Разумеется.

— Серьёзно.

— Конечно.

Ада улыбнулась.

— Только иногда ненависть начинается с того, что человек слишком много о нас знает.

Лея ничего не ответила.

Она смотрела на золотое солнце, нарисованное над аукционной галереей.

И думала, что Элиан Рош действительно знает слишком много.

Вот только делиться своими знаниями он явно не собирался.

В ремонтную мастерскую они вернулись за полночь.

Ноктюрн постепенно погружался в искусственную ночь.

Уличные светильники приглушили яркость, транспортные галереи опустели, а над промышленными секторами включились синие сигнальные огни.

На нижних уровнях ещё работали ночные смены.

Гудели машины.

Шумели вентиляционные системы.

Издалека доносился металлический стук.

Лея всегда любила это время.

Когда город становился тише, можно было услышать, как работает каждый механизм.

Сегодня знакомые звуки не успокаивали.

Ей казалось, что в каждом тёмном проходе кто-то наблюдает за ней.

Ада первой подошла к мастерской.

Проверила замок.

Затем маленькую бумажную полоску, которую перед уходом незаметно закрепила между дверью и косяком.

Полоска оставалась целой.

— Никто не входил, — сказала она.

— Пока.

Ада посмотрела на Лею.

— Ты начинаешь мыслить как человек, которому совершенно перестали нравиться собственные соседи.

— После вчерашнего это неудивительно.

Они вошли.

Мастерская встретила их привычным запахом масла, металла и нагретой изоляции.

На рабочем столе лежали недоделанные заказы.

Возле окна стоял разобранный климатический регулятор.

В дальнем углу мерцала лампа над старым оптическим станком.

Лея сняла пальто.

Аккуратно положила часы на стол.

Ада проследила за её движением.

— Ты уверена, что здесь безопасно?

— Нет.

— Прекрасно.

Подруга подошла к двери.

Закрыла внутренний засов.

Затем опустила защитную металлическую штору.

— Сегодня мастерская превращается в крепость.

Лея устало опустилась на стул.

— Самую бедную крепость Ноктюрна.

— Зато с отличными инструментами.

Ада поставила чайник.

Лея открыла блокнот.

Выписала всё, что узнала от Элиана.

Имя Крога.

Год первой аварии.

Дату второго захоронения.

Старые северные ворота.

Отказ Мире в независимой экспертизе.

Затем посмотрела на часы.

Тим действительно мог создать этот механизм.

Она помнила, как брат любил маленькие устройства, в которых прятались неожиданные функции.

Он всегда говорил, что хорошая машина должна не только работать, но и удивлять.

Лея осторожно открыла крышку.

Шесть семнадцать.

Внутри по-прежнему находилось пустое углубление, из которого она извлекла пластину с координатами.

Саму пластину девушка хранила отдельно.

Она достала её из потайного кармана.

Положила рядом.

Под ярким светом лампы цифры казались почти бессмысленными.

X: 046.217

Y: 019.604

H: –002

И обозначение:

N—0

Нулевой северный район.

Место, которого не существовало на современных картах.

Место, где её брат исчез четырнадцать лет назад.

Лея вспомнила, как Элиан отреагировал на часы.

Не удивился.

Испугался.

Это была слишком сильная реакция для человека, который просто узнал старую вещь.

— Ада?

— М?

— Как думаешь, почему Рош так испугался часов?

Подруга поставила две чашки на стол.

— Возможно, они связаны с каким-то механизмом.

— Он сказал, что Тим использовал их при работе с северными шлюзами.

— Значит, они могут быть ключом.

Лея кивнула.

— Но от чего?

Ада села напротив.

— Может, от двери, которую никто не должен открывать.

Лея посмотрела на неё.

— Ты сейчас шутишь?

— Хотелось бы.

Они некоторое время молчали.

Затем Ада осторожно спросила:

— А ты помнишь его лицо?

Лея подняла голову.

— Чьё?

— Тима.

Вопрос оказался неожиданно болезненным.

Она задумалась.

Помнила ли она?

В фотографиях — да.

В воспоминаниях — всё хуже.

Его улыбку она ещё могла представить.

Цвет глаз.

Шрам над левой бровью, оставшийся после того, как в детстве он упал с лестницы.

Но когда пыталась вспомнить лицо целиком, детали словно расплывались.

— Не так хорошо, как хотелось бы, — призналась она.

Ада кивнула.

— Это нормально.

— Ненавижу это.

— Что именно?

— Забывать.

Лея посмотрела на старую фотографию, которую носила в кармане.

На ней Тим стоял рядом с маленькой Леей.

Улыбался.

Смотрел прямо в объектив.

— Сначала забываешь голос. Потом то, как человек смеялся. Потом запах его одежды. А однажды понимаешь, что почти не помнишь, каким он был на самом деле.

Ада молчала.

— И все говорят, что время лечит, — продолжила Лея. — А мне кажется, оно просто медленно забирает последнее, что у тебя осталось.

Подруга протянула руку.

Осторожно накрыла её ладонь своей.

— Иногда воспоминания возвращаются, когда меньше всего ожидаешь.

Лея подняла глаза.

— Ты правда в это веришь?

— Да.

— Почему?

Ада немного помолчала.

— Потому что я до сих пор помню, как отец смеялся, когда у него не получалось починить старый вентилятор. Каждый раз одинаково. Сначала ругался. Потом смотрел на меня и говорил: «Ну что, Ада, кажется, он победил».

Она улыбнулась.

— И знаешь, что странно? Вентилятор я давно выбросила. А этот смех всё ещё со мной.

Лея слабо улыбнулась.

— Тим тоже всегда смеялся, когда что-нибудь ломалось.

— Вот видишь.

— Говорил, что поломка — это просто способ машины попросить внимания.

Ада рассмеялась.

— Теперь понятно, почему ты стала инженером.

Лея впервые за вечер почувствовала что-то похожее на спокойствие.

Совсем ненадолго.
Потому что в следующую секунду за дверью мастерской раздался звук.
Тихий.
Металлический.
Словно кто-то осторожно коснулся защитной шторы.
Обе женщины замерли.
Ада медленно поставила чашку на стол.
— Ты слышала?
Лея кивнула.
За дверью снова что-то звякнуло.
Потом послышались быстрые шаги.
— Кто там? — громко спросила Ада.
Ответа не было.
Она потянулась к тяжёлому разводному ключу.
Лея подошла к стенному монитору, соединённому с маленькой камерой над входом.
На экране был пустой коридор.
Тусклые синие лампы.
Старые трубы.
Ни одного человека.
— Никого, — прошептала она.
— Может, ветер?
— Здесь нет сквозняка.
Ада осторожно приблизилась к двери.
— Не открывай, — сказала Лея.
Подруга остановилась.
Обе прислушались.
Где-то вдали шумел транспортный состав.
Потом всё стихло.
И тогда Лея заметила движение.
Не на экране.
На полу.
Из-под металлической шторы медленно показался край белого конверта.
Кто-то проталкивал его внутрь через узкий зазор у порога.
Конверт остановился.
Снаружи раздались удаляющиеся шаги.
Ада бросилась к двери.
— Стоять!
— Не открывай!
Но подруга уже подняла внутренний засов.
Осторожно приподняла защитную штору на несколько сантиметров.
Лея смотрела на монитор.
В конце коридора мелькнула тёмная фигура.
Человек в длинном плаще.
Капюшон.
Быстрые шаги.
Он свернул за угол.
Ада выбежала на площадку.
— Эй!
Никто не ответил.

Она пробежала несколько метров.
Заглянула за поворот.
Пусто.
Только где-то в глубине технического коридора захлопнулась дверь.
Ада вернулась.
— Ушёл.
Лея стояла возле конверта.
Он был плотным.
Белым.
Без печати.
Без имени отправителя.
На лицевой стороне знакомым печатным почерком было написано:
ЛЕЕ СОЛЬЕР. ЛИЧНО.
Она медленно подняла его.
Ада опустила штору.
— Не открывай сразу.
Лея посмотрела на неё.
— Почему?
— Неизвестный человек проник в технический коридор, чтобы передать тебе конверт. После того, что произошло с квартирой, я бы не доверяла даже приглашению на бесплатный ужин.
Лея кивнула.
Они положили конверт на металлический стол.
Ада надела защитные перчатки.
Проверила бумагу и края.
Ничего необычного.
— Похоже на обычное письмо, — сказала она.
Лея взяла нож.
Осторожно разрезала верхний край.
Внутри лежала фотография.
Она достала её.
И перестала дышать.
На снимке стоял мужчина.
Высокий.
Худощавый.
С тёмными волосами, чуть отросшими и небрежно зачёсанными назад.
На нём была потёртая тёмная куртка.
За спиной поднимались огромные деревья.
Настоящие.
Живые.
Их зелёные кроны освещало солнце.
Между стволами виднелось чистое голубое небо.
Лея несколько секунд не могла пошевелиться.
Потом поднесла фотографию ближе к лампе.
Лицо мужчины было взрослым.
Более резким, чем она помнила.
На щеках проступала короткая щетина.
В уголках глаз появились морщинки.
Но над левой бровью виднелся тот самый маленький шрам.

Тонкая светлая полоска.
Лея помнила, как мама обрабатывала эту рану.
Тим тогда сидел на кухонном стуле и отчаянно пытался выглядеть храбрым.
— Больно? — спрашивала маленькая Лея.
— Совсем нет.
— А почему ты плачешь?
— Это не слёзы. Просто глаза устали.
Она тогда рассмеялась.
А он подмигнул ей.
Точно так же, как мужчина на фотографии.
Лея почувствовала, что ноги перестают её держать.
Она медленно опустилась на стул.
— Тим...
Имя сорвалось с губ почти беззвучно.
Ада подошла ближе.
Посмотрела на снимок.
Потом на маленькую старую фотографию, лежавшую возле часов.
И снова на новый снимок.
— Господи...
Лея не слышала её.
Она рассматривала лицо.
Каждую черту.
Каждую морщинку.
Каждый след прожитых лет.
Тим.
Её брат.
Тот самый мальчик, которого она похоронила в тринадцать.
Теперь ему было тридцать два.
Он выглядел старше.
Усталее.
Но был жив.
По крайней мере, на этой фотографии.
Лея внезапно прижала снимок к груди.
А потом заплакала.
Так, как не плакала даже на похоронах матери.
Сначала тихо.
Затем всё сильнее.
Словно четырнадцать лет сдерживаемой боли внезапно нашли выход.
Ада опустилась перед ней на колени.
— Лея...
— Это он.
— Я вижу.
— Это Тим.
Она протянула фотографию дрожащими руками.
— Смотри. Здесь шрам. И глаза. И улыбка. Он всегда так улыбался.
Ада осторожно взяла снимок.
— Очень похож.
— Не похож. Это он.
Лея вытерла лицо.

— Это мой брат.
Ада посмотрела на неё.
— Я хочу верить, Ле. Правда.
Лея замерла.
— Но?
— Но мы должны проверить снимок.
— Что?
— Фотографию можно подделать. Ты сама знаешь.
Лея почувствовала раздражение.
— Я знаю лицо собственного брата.
— Конечно.
— Тогда зачем ты это говоришь?
Ада медленно положила снимок на стол.
— Потому что я не хочу, чтобы кто-то использовал твою надежду против тебя.
Лея замолчала.
Слова подруги прозвучали болезненно.
Но справедливо.
Она глубоко вдохнула.
Взяла фотографию.
Посмотрела внимательнее.
Бумага была плотной, матовой, с лёгким химическим запахом свежей печати.
Изображение отличалось от старых архивных снимков, которые хранила мать.
Высокое разрешение.
Современная оптика.
Реалистичные цвета.
Она перевернула фотографию.
И увидела надпись.
Несколько слов.
Написанных от руки.
«Ты выросла. А я всё ещё жду тебя снаружи».
Лея закрыла рот ладонью.
Ада прочитала текст через её плечо.
— Это его почерк?
Лея молчала.
Потом медленно кивнула.
— Он всегда писал букву «ж» странно. Слишком длинной нижней линией.
Она провела пальцем по словам.
«Ты выросла».
Тим действительно не видел, как она взрослела.
Не знал, какой стала её жизнь.
Не видел, как она получила инженерный диплом.
Как впервые устроилась на работу.
Как открыла мастерскую с Адой.
Как похоронила мать.
И всё же где-то существовал мир, в котором он продолжал жить.
Мир с настоящими деревьями.
С небом.
С солнцем.
Мир, о существовании которого ей запрещали даже думать.

— Почему он не вернулся? — прошептала она.
Ада села рядом.
— Не знаю.
— Четырнадцать лет.
— Да.
— Почему он ни разу не написал?
Подруга молчала.
Лея смотрела на фотографию.
— Он ведь знал, где я живу.
— Возможно, не мог связаться.
— Но сейчас смог.
Ада осторожно кивнула.
— Сейчас — да.
Лея подняла глаза.
— Значит, что-то изменилось.
Они перенесли фотографию под увеличительную лампу.
Ада принесла старый оптический сканер.
Лея включила его и осторожно поместила снимок под стеклянную панель.
На экране появилось увеличенное изображение.
Тим стоял на фоне леса.
В правой части кадра виднелась часть каменной стены, покрытой мхом.
За его плечом — узкая металлическая конструкция.
Похоже на остатки технического оборудования.
Лея приблизила изображение.
— Посмотри.
Ада наклонилась.
— Что?
— Это не просто лес.
Она указала на металлическую опору.
— Здесь старый сигнальный кронштейн.
— Похож на наши.
— Да. Но такой тип использовали до последней реконструкции северных каналов.
Ада внимательно осмотрела экран.
— Значит, фотография могла быть сделана возле станции?
— Возможно.
Лея увеличила левый край снимка.
Там виднелась небольшая табличка.
Большая часть надписи скрывалась за стволом дерева.
Но несколько символов сохранились.
С—17.
Лея замерла.
— Вот.
Ада медленно выпрямилась.
— Та самая станция?
— Судя по обозначению.
Они переглянулись.
Лея снова посмотрела на фотографию.
Теперь она заметила, что Тим держит в одной руке сложенную газету.
Бумага была развёрнута так, что часть заголовка оставалась видимой.

Лея увеличила изображение.

Прочитала.

«СЕГОДНЯ — АУКЦИОН РАССВЕТОВ».

Она медленно опустила руку.

Ада наклонилась ближе.

— Что?

— Это сегодняшний выпуск муниципальной газеты.

Подруга посмотрела на экран.

— Ты уверена?

— Да. Такой заголовок был на рекламных экранах утром.

Ада помолчала.

— Значит, снимок мог быть сделан сегодня.

Лея кивнула.

— Или его специально составили, чтобы мы так подумали.

Подруга посмотрела на неё с уважением.

— Вот теперь ты рассуждаешь как инженер.

Лея невесело улыбнулась.

— Я не хочу ошибиться.

— Знаю.

Она снова посмотрела на лицо мужчины.

На шрам.

На знакомые глаза.

На едва заметную улыбку.

— Но если это подделка, — тихо сказала Лея, — кто-то должен был очень хорошо знать Тима.

Ада не ответила.

Лея перевернула снимок.

«Ты выросла. А я всё ещё жду тебя снаружи».

Она перечитала слова несколько раз.

И вдруг заметила ещё одну деталь.

В нижнем углу оборота находилась маленькая нарисованная звезда.

Шесть лучей.

Тот самый символ, который мать ставила на письмах.

Лея осторожно взяла часы.

На их крышке было другое изображение — солнце с двенадцатью лучами.

Но внутри, на скрытой пластине, тоже находилась шестиконечная звезда.

— Ада...

— Что?

— Это семейный знак.

— Какой?

— Мама использовала его на записках. А Тим рисовал на своих чертежах.

Лея посмотрела на фотографию.

— Они оба знали.

— О чём?

Она медленно подняла глаза.

— О северном маршруте.

В мастерской стало очень тихо.

Ада снова проверила замок.

Затем выключила верхнее освещение, оставив только настольную лампу.

— Надо решить, что делать дальше, — сказала она.

Лея смотрела на фотографию.

— Я хочу туда пойти.

— Знаю.

— Сейчас.

— Нет.

Лея подняла голову.

— Ада...

— Послушай. Тебе только что прислали снимок, который должен заставить тебя немедленно отправиться в закрытый район. Мы даже не знаем, кто его принёс.

— Но если Тим действительно ждёт...

— Тогда мы найдём его. Только не будем делать именно то, чего может добиваться неизвестный отправитель.

Лея замолчала.

Подруга подошла ближе.

— Подумай. Почему не было обычного письма? Почему не указали безопасный маршрут? Почему фотографию подбросили ночью, когда за тобой уже следят?

Лея посмотрела на снимок.

Вопросы были разумными.

И оттого ещё более мучительными.

— Может быть, за ним тоже следят, — произнесла она.

— Может.

— Может, он не может войти в город.

— Возможно.

— Может, этот снимок — единственное, что он сумел передать.

Ада помолчала.

— Тогда мы должны отнестись к нему как к важной улике, а не как к приглашению бежать в ловушку.

Лея медленно кивнула.

— Хорошо.

— Правда?

— Да.

Она взяла блокнот.

Открыла новую страницу.

Написала:

СЕВЕРНАЯ НАБЛЮДАТЕЛЬНАЯ СТАНЦИЯ.

Ниже:

Снимок — вероятно, сделан недавно.

Обозначение С-17.

Лес на поверхности.

Возможный контакт — Тим Сольер.

Она остановилась.

Посмотрела на последнюю строку.

Потом зачеркнула слово «возможный».

Ада заметила.

Но ничего не сказала.

За несколько часов до искусственного рассвета Лея осталась одна.

Ада уснула на узком диване в подсобной комнате, предварительно потребовав, чтобы подруга не покидала мастерскую без неё.

Лея пообещала.

И впервые за несколько дней не собиралась нарушать обещание.

Она сидела возле рабочего стола.

Перед ней лежали три вещи.

Часы.

Координаты.

Фотография.

Три предмета, которые могли перевернуть историю её семьи.

Она снова посмотрела на снимок.

Тим стоял посреди настоящего леса.

Солнечный свет касался его лица.

Лея попробовала представить, каково это — жить там.

Просыпаться от настоящего рассвета.

Слышать ветер, а не вентиляционные турбины.

Видеть деревья не на экранах, а рядом с домом.

И не платить за каждую минуту солнца.

Ей казалось почти невозможным, что где-то существует такая жизнь.

Но теперь у неё было нечто большее, чем подозрение.

Было лицо.

Человеческое лицо.

Лицо её брата.

Она осторожно достала из кошелька старую фотографию.

Тим, восемнадцать лет.

Лея, тринадцать.

Они стояли рядом на фоне нарисованного неба.

Брат обнимал её за плечи.

Она улыбалась.

Лея положила рядом новый снимок.

Два изображения.

Между ними — четырнадцать лет.

Она всматривалась в них так долго, что глаза начали болеть.

И вдруг заметила одну особенность.

На старой фотографии Тим держал левую руку за спиной.

Она вспомнила почему.

В тот день они поссорились.

Лея случайно сломала маленький механический кораблик, который Тим собирал несколько месяцев.

Брат рассердился.

Сказал, чтобы она больше не трогала его вещи.

Она расплакалась.

А потом он пришёл к ней в комнату.

Принёс кораблик.

И сказал:

— Знаешь, почему я не могу на тебя долго злиться?

Маленькая Лея покачала головой.

— Потому что ты единственный человек, которому я доверил бы даже самую сложную машину.

Она тогда усмехнулась.

— Но я её сломала.

— Значит, научимся чинить вместе.

На следующий день они сделали фотографию.

И Тим спрятал за спиной руку, на которой остались следы масла после ночного ремонта.

Лея неожиданно улыбнулась.

Сквозь слёзы.

Она вспомнила не только его лицо.

Вспомнила его голос.

Тёплый.

Немного насмешливый.

Вспомнила, как он произносил её имя.

«Лейка».

Только Тим называл её так.

Она всегда возмущалась.

— Я не садовый инструмент!

— Конечно, нет. Ты гораздо опаснее.

Теперь Лея смотрела на фотографию взрослого мужчины.

И думала, что он, возможно, всё ещё помнит это прозвище.

Возможно, по-прежнему смеётся, когда что-нибудь ломается.

Возможно, иногда думает о маленькой сестре, которую оставил под землёй.

Она осторожно коснулась фотографии.

— Почему ты не пришёл за мной, Тим?

Вопрос повис в пустой мастерской.

Она не ожидала ответа.

Но вдруг почувствовала злость.

Острую.

Неожиданную.

Если брат действительно жив, почему позволил ей четырнадцать лет оплакивать его?

Почему мать умерла, так и не рассказав правду?

Почему именно Лея должна теперь искать дорогу к человеку, который, возможно, знал, где она находится?

Она сжала фотографию.

Потом быстро расправила края.

— Ты ведь понимаешь, что я буду злиться? — прошептала она.

Голос дрогнул.

— Очень сильно.

Она невесело улыбнулась.

— И если ты действительно жив, я сначала тебя обниму.

Слёзы снова выступили на глазах.

— А потом убью.

Тихий смешок вырвался сам.

И почти сразу превратился в плач.

Лея опустила голову на руки.

Впервые за четырнадцать лет она плакала не только от горя.

Теперь в её слезах было то, чего прежде не существовало.

Надежда.

За стенами мастерской Ноктюрн медленно просыпался.

Центральная система освещения постепенно увеличивала яркость.

По транспортным линиям двигались первые вагоны.

В донорских центрах начинались утренние смены.

На огромных экранах повторяли вчерашние новости.
Ведущий с безупречной улыбкой рассказывал о рекордном успехе Аукциона рассветов.
О щедрости двенадцати домов.
О стабильности общества.
О безопасности, которую Ноктюрн обеспечивал своим гражданам.
Ни слова о закрытых северных шахтах.
Ни слова об исчезнувшем районе.
Ни слова о людях, которые, возможно, жили за пределами города.
Лея стояла возле маленького окна мастерской.
В руках она держала фотографию.
За стеклом тянулась привычная каменная стена.
Ни неба.
Ни дерева.
Ни настоящего света.
Она посмотрела на изображение брата.
И вдруг поняла, насколько страшной может быть надежда.
Пока Тим считался мёртвым, его нельзя было потерять снова.
Его смерть была окончательной.
Болезненной.
Но понятной.
Теперь всё изменилось.
Если он действительно жив, его можно найти.
Можно обнять.
Можно услышать его голос.
Но можно и потерять во второй раз.
Уже по-настоящему.
Лея медленно закрыла глаза.
Вспомнила материнскую записку:
«Когда ты увидишь солнце, не смотри на него. Посмотри на то, что оно освещает».
Только теперь она поняла, что Мира могла иметь в виду гораздо больше, чем тень дерева.
Возможно, мать хотела, чтобы она увидела то, что находилось по другую сторону страха.
Не просто поверхность.
Не просто другой мир.
Человека, которого они обе не переставали любить.
Лея вернулась к столу.
Взяла карандаш.
И на старой карте Ноктюрна провела тонкую линию.
От мастерской.
Через заброшенные промышленные галереи.
К северному нулевому району.
Затем к наблюдательной станции С-17.
В самом конце маршрута поставила маленькую шестиконечную звезду.
Точно такую же, как на материнских письмах.
Она долго смотрела на эту отметку.
Потом перевернула фотографию.
Ещё раз прочитала:
«Ты выросла. А я всё ещё жду тебя снаружи».
Лея осторожно положила снимок рядом с часами.
— Я иду, Тим.

Её голос прозвучал тихо.

Но уверенно.

— Только, пожалуйста...

Она замолчала.

За стеной гудели машины.

В вентиляционной шахте шумел воздух.

Город продолжал существовать так, словно ничего не произошло.

Лея смотрела на лицо брата.

— Только окажись живым.

На северной наблюдательной станции мужчина стоял возле открытой металлической двери.

Ветер шевелил его тёмные волосы.

Перед ним простирался огромный лес.

За деревьями поднимались горы.

Настоящее солнце медленно освещало вершины.

Мужчина держал в руке маленький радиопередатчик.

— Фотографию передали? — спросил он.

Из динамика донёсся женский голос:

— Да. Курьер подтвердил доставку.

Мужчина закрыл глаза.

— Она получила?

— Мы не знаем. В мастерской горел свет. Кто-то находился внутри.

— За ними следят?

— Да. После аукциона наблюдение усилили.

Он посмотрел на лес.

— Агата?

— Вероятнее всего.

Несколько секунд мужчина молчал.

Потом спросил:

— Элиан знает?

— Что именно?

— Что часы у Леи.

— Да.

Мужчина резко сжал передатчик.

— Проклятье.

Женщина помолчала.

— Ты ему не доверяешь?

— Доверие к Элиану слишком дорого обошлось моей семье.

— Но он может помочь.

— Может.

Мужчина посмотрел на старую станцию.

На металлические ворота, покрытые ржавчиной.

На запечатанные технические люки.

— И может снова решить, что знает лучше остальных.

Собеседница не ответила.

Он подошёл к краю каменной площадки.

Далеко внизу, под сотнями метров породы, находился Ноктюрн.

Город, в котором его официально похоронили дважды.

Город, где его сестра выросла без него.

Где мать состарилась, пытаясь вернуть то, что у неё отняли.

— У нас осталось мало времени, — произнесла женщина.

Мужчина кивнул.

— Знаю.

— Если Совет обнаружит активный маршрут, ворота снова закроют.

— Они уже начали.

— Тогда нужно привести её сюда как можно скорее.

Он посмотрел на восходящее солнце.

— Нет.

В динамике послышалось удивление.

— Что?

— Я не хочу, чтобы Лея пришла только потому, что увидела мою фотографию.

— Почему?

Мужчина помолчал.

Потом тихо произнёс:

— Потому что она должна понимать, куда идёт.

— Ты боишься, что она не поверит тебе?

Он горько усмехнулся.

— Нет.

— Тогда чего?

Мужчина посмотрел на старые ворота.

И ответил:

— Что поверит слишком быстро.

Он отключил передатчик.

Несколько секунд стоял неподвижно.

Потом достал из внутреннего кармана маленькую фотографию.

На ней Мира Сольер обнимала двоих детей.

Мальчика и девочку.

Старая бумага потрескалась.

Уголки потёрлись.

Но лица оставались удивительно живыми.

Мужчина провёл большим пальцем по изображению матери.

— Прости, мам.

Ветер шевельнул фотографию.

Он закрыл глаза.

— Я обещал, что вернусь за ней.

Молчание.

Где-то в лесу закричала птица.

Мужчина спрятал снимок.

Повернулся к огромным металлическим воротам, за которыми начинался закрытый северный тоннель.

И тихо добавил:

— Только ты не сказала мне, что цена этого обещания окажется такой высокой.

Солнечный свет медленно перемещался по старой каменной площадке.

Он достиг ржавого герба, почти стёртого временем.

На нём был изображён круг с двенадцатью лучами.

Тот самый символ, который Лея носила на запястье.

Мужчина посмотрел на него.

Затем поднял голову.

За его спиной, в темноте наблюдательной станции, неожиданно раздались шаги.

— Ты готов? — спросил незнакомый голос.

Мужчина не обернулся.

— Да.

— Если она доберётся до ворот, ты должен будешь рассказать ей всё.

Он медленно выдохнул.

— Я знаю.

— Даже о Мире?

Мужчина закрыл глаза.

На этот раз молчание продолжалось дольше.

— Даже о ней.

— А если Лея возненавидит тебя?

Он посмотрел на восходящее солнце.

— Тогда хотя бы будет жива, чтобы это сделать.

И впервые за четырнадцать лет Тимоти Сольер начал готовиться к встрече с сестрой.

Не зная, что самое страшное открытие ждало её не за северными воротами.

А в истории собственной матери.

Конец четвёртой главы.

«Иногда мы всю жизнь ищем тех, кого потеряли. И не подозреваем, что они тоже ищут дорогу к нам. Только между нами стоит не расстояние, а правда, которую кто-то слишком долго скрывал».

Глава 5. Первый луч

«Человек способен привыкнуть к чему угодно. Даже к отсутствию неба. Но стоит ему однажды увидеть хотя бы его маленький кусочек — и потолок навсегда становится клеткой».

Впервые за двадцать семь лет Лея Сольер боялась не темноты.

Она боялась света.

Не того бледного электрического сияния, которым Ноктюрн освещал свои бесконечные улицы. Не золотистых ламп Верхнего города, не искусственных рассветов, под которые просыпались тысячи людей.

Она боялась настоящего солнца.

Потому что за последние несколько дней оно отняло у неё единственное, что оставалось неизменным всю жизнь.

Уверенность в том, что её мир устроен именно так, как ей рассказывали.

На рабочем столе лежала фотография.

Тимоти Сольер.

Тридцать два года.

Живой.

По крайней мере, таким он выглядел на снимке, который неизвестный курьер доставил ночью в мастерскую.

Лея уже несколько часов сравнивала фотографию со старыми семейными изображениями.

Шрам над левой бровью.

Форма подбородка.

Необычная складка возле правого глаза.

Всё совпадало.

Но самым убедительным доказательством оставалось не лицо.

А улыбка.

Тим всегда улыбался так, будто знал какой-то секрет, которым непременно собирался поделиться, но только после того, как все остальные окончательно потеряют терпение.

Лея помнила эту улыбку лучше, чем собственное детство.

Она осторожно перевернула фотографию.

«Ты выросла. А я всё ещё жду тебя снаружи».

Четырнадцать лет.

Он ждал её четырнадцать лет.

А она четырнадцать лет училась жить без него.

— Ты снова смотришь на этот снимок?

Лея подняла голову.

Ада стояла в дверях подсобки с двумя чашками кофе.

Её короткие светлые волосы торчали в разные стороны, под глазами залегли тени.

— Ты вообще спала? — спросила Лея.

— Два часа. Роскошь, которую я настоятельно рекомендую всем, кто не собирается умереть от собственного упрямства.

Она поставила чашку перед подругой.

Затем посмотрела на фотографию.

— Всё ещё уверена?

Лея кивнула.

— Это Тим.

— Я верю, что ты его узнала. Но хочу, чтобы мы проверили всё, что можно проверить.

— Проверили. Изображение не содержит очевидных следов монтажа. Бумага свежая. Газета в его руке соответствует вчерашнему выпуску.

— Это подтверждает, что снимок мог быть сделан вчера. Не обязательно что он сделан вчера.

— Знаю.

Ада села напротив.

— И ещё одно.

— Что?

— Человек, передавший фотографию, знал, где находится наша мастерская. Значит, кто-то следит за тобой с обеих сторон.

Лея медленно подняла взгляд.

— С обеих?

— Люди Совета ищут часы. Кто-то снаружи хочет привести тебя к северной станции. И никто из них не объясняет, что происходит.

— Тим объяснит.

— Если это действительно он.

Лея вздохнула.

— Ты можешь хотя бы на минуту перестать сомневаться?

— Могу.

Ада отпила кофе.

— Но тогда кому-то из нас двоих придётся быть разумной.

Лея отвернулась.

Подруга некоторое время наблюдала за ней.

Затем тихо спросила:

— Ты злишься на него?

Вопрос застал Лею врасплох.

— На кого?

— На брата.

Она хотела ответить «нет».

Но слова застряли в горле.

Лея снова посмотрела на фотографию.

— Не знаю.

— Это нормально.

— Четырнадцать лет, Ада. Мама оплакивала его. Я оплакивала. Мы жили с мыслью, что его больше нет.

Она провела пальцем по краю снимка.

— А он где-то стоял под настоящим солнцем.

Ада не ответила.

— Я понимаю, что у него могли быть причины. Что он мог скрываться. Что его могли не выпускать. Но...

Лея сглотнула.

— Почему он позволил маме умереть, так и не обняв его?

— Мы ещё не знаем, что происходило между ними.

— Знаю.

Она положила фотографию на стол.

— Именно поэтому я должна его найти.

Ада медленно выдохнула.

— Тогда поговорим о том, как сделать это и не попасть на собственные похороны.

Карта северного нулевого района занимала почти весь рабочий стол.

Ада укрепила её металлическими грузиками по углам, а Лея разложила рядом копии старых технических чертежей.

Здесь, на пожелтевшей бумаге, Ноктюрн выглядел совершенно другим городом.

Не таким аккуратным.

Не таким правильным.

Не таким завершённым.

На север тянулись жилые кварталы, давно исчезнувшие с официальных карт.

Ветвились старые транспортные линии.

Пересекались вентиляционные каналы.

За последней промышленной галереей находился широкий тоннель, ведущий к наблюдательной станции С-17.

Именно там, согласно координатам из часов, должен был располагаться один из старых выходов на поверхность.

Лея указала карандашом на небольшую отметку.

— Основной тоннель перекрыт после аварии четырнадцать лет назад.

— Это мы знаем, — сказала Ада.

— Но есть обходной технический канал.

— Его тоже могли закрыть.

— Могли.

Лея провела карандашом вдоль тонкой пунктирной линии.

— Он предназначался для обслуживания вентиляционных клапанов. Здесь должна быть отдельная лестница и старый контрольный пункт.

Ада прищурилась.

— А что означает этот символ?

— Дренажный коллектор.

— Замечательно. Значит, будем пробираться по сточной канаве.

— Не обязательно.

— Мне нравится твоя уверенность.

Лея развернула второй чертёж.

— Если старая схема не изменилась, служебный проход должен начинаться за заброшенной насосной станцией на двадцать седьмом уровне.

Ада нахмурилась.

— В промышленной зоне Грейф?

— Да.

— Там выставлены посты охраны.

— У главного входа.

— А у остальных?

Лея посмотрела на неё.

— Это и предстоит выяснить.

Ада откинулась на спинку стула.

— Мне всё меньше нравится твой план.

— Я ещё не закончила.

— Именно это меня и пугает.

Лея улыбнулась.

Потом достала из ящика небольшое устройство.

Металлический цилиндр с круглым экраном и двумя датчиками.

Ада сразу узнала его.

— Газоанализатор?

— Да.

— Зачем?

— Официально северный сектор закрыт из-за опасности заражения с поверхности. Если там действительно повреждена герметизация, состав воздуха может отличаться от городского.

— А если обнаружим опасные примеси?

— Не пойдём дальше.

Ада посмотрела на неё.

— Обещаешь?

Лея выдержала её взгляд.

— Обещаю.

Подруга несколько секунд молчала.

Затем встала.

— Хорошо. Тогда добавим респиратор, автономный фонарь, запасной источник питания и медицинский комплект.

— Ада...

— И датчик давления. Мне не нравится идея открывать герметичные двери без проверки перепада.

— Я не собираюсь открывать внешний шлюз.

— Прекрасно.

Она подняла палец.

— Запомни эту фразу. Особенно когда окажешься перед ним.

Лея опустила глаза.

На карте маленький символ солнца обозначал Северную наблюдательную станцию.

Там мог находиться Тим.

Совсем рядом.

И одновременно за границей всего известного ей мира.

К вечеру они подготовили оборудование.

Лея выбрала лёгкую рабочую куртку с внутренними карманами, крепкие ботинки и защитные перчатки.

Часы закрепила на запястье.

Металлическую пластину с координатами спрятала отдельно, под подкладку куртки.

Фотографию брата положила во внутренний карман.

Ада заметила это.

— Зачем берёшь снимок?

Лея застегнула куртку.

— Если встречу его, хочу спросить, когда он научился делать такие ужасные фотографии.

Подруга улыбнулась.

— По-моему, снимок хороший.

— Он всегда умудрялся выглядеть так, словно его только что разбудили.

— Может, он действительно только что проснулся.

Лея на мгновение замерла.

Потом тихо произнесла:

— Хотела бы я знать, как выглядит его обычное утро.

Ада посмотрела на неё.

— Может, скоро узнаешь.

Это было первое осторожное признание подруги, что Тим действительно мог быть жив.

Лея ничего не ответила.

Но запомнила.

Перед выходом Ада достала из кармана два небольших проводных переговорных устройства.

— Нашла в старом шкафу.

Лея приподняла бровь.

— Ты хранишь аппаратуру с прошлого столетия?

— Иногда старые технологии имеют преимущества.

— Например?

— Их сложнее обнаружить в современных сетях наблюдения.

Лея повертела устройство.

— А ещё для них нужен кабель.

— Всегда найдётся недостаток.

Они проверили связь.

Один аппарат остался у Ады, другой — у Леи. Между ними можно было установить соединение через старые служебные линии, если те сохранились.

— И ещё, — добавила Ада.

Она протянула подруге маленький металлический жетон.

На нём был выгравирован номер мастерской.

— Что это?

— Запасной идентификатор.

— Зачем?

Ада пожала плечами.

— Если придётся искать тебя по всему Ноктюрну, мне хочется иметь хотя бы один предмет, который докажет, что я действительно тебя знаю.

Лея посмотрела на жетон.

— Очень оптимистично.

— Я практичный человек.

Они улыбнулись.

Но обе понимали, что за шутками скрывается страх.

В Ноктюрне наступала ночь.

Не настоящая, конечно.

Здесь тьму включали по муниципальному расписанию.

В двадцать три часа уличные лампы снижали яркость на сорок процентов. В жилых секторах замедлялось движение транспорта, закрывались магазины, а вентиляционные установки переходили на экономичный режим.

Для большинства жителей это означало время отдыха.

Для Леи — единственную возможность незаметно добраться до старого северного сектора.

Они шли через промышленный район.

Здесь почти не было людей.

По обе стороны узкой галереи тянулись заброшенные предприятия.

На металлических воротах висели ржавые таблички.

Некоторые здания стояли закрытыми десятилетиями.

Другие использовали как склады.

Под потолком гудели толстые вентиляционные трубы.

Лея постоянно сверялась с бумажной картой.

— Ещё триста метров, — сказала она.

Ада остановилась возле старой колонны.

— Ты заметила?

— Что?

— Здесь теплее.

Лея прислушалась.

Действительно.

Воздух постепенно становился другим.

Не таким влажным.

Не таким тяжёлым.

Она достала газоанализатор.

Показатели оставались в пределах городской нормы.

— Возможно, рядом проходит теплотрасса.

Ада посмотрела на стены.

— Или вентиляция.

Лея подняла голову.

Высоко под сводом виднелась старая решётка.

Из неё доносился едва различимый шум.

Она подошла ближе.

— Странно.

— Что?

— По карте эта вентиляционная ветка закрыта уже семьдесят четыре года.

Ада посмотрела на решётку.

— Тогда почему она шумит?

Лея не ответила.

Она поднесла ладонь к щели в металлической облицовке.

Почувствовала слабый поток воздуха.

Свежего.

Прохладного.

Он пах чем-то непривычным.

Не машинным маслом.

Не нагретым железом.

Не промышленной пылью.

Чем-то другим.

Лея вдохнула глубже.

И неожиданно вспомнила своё единственное посещение ботанической оранжереи в детстве.

Тот же едва заметный запах.

Влажная земля.

Растения.

Жизнь.

— Ада, — тихо произнесла она.

— Что?

— Этот воздух поступает не из центральной городской вентиляции.

Подруга посмотрела на датчики.

— Ты уверена?

— Пока нет.

Она провела рукой по старой трубе.

На металлическом корпусе виднелась свежая маркировка.

Белая линия.

Три короткие полосы.

Символ обслуживания.

Лея нахмурилась.

— Кто-то недавно работал здесь.

— Может, аварийная бригада.

— Тогда должен быть регистрационный номер.

Она осмотрела трубу.

Номера не было.

Только свежая краска.

— Пойдём дальше, — сказала Лея.

Ада некоторое время смотрела на решётку.

Затем последовала за ней.

Заброшенная насосная станция находилась в конце узкой технической галереи.

Дверь была тяжёлой, металлической, с потускневшей табличкой.

ОБЪЕКТ ЗАКОНСЕРВИРОВАН.

ПОСТОРОННИМ ВХОД ЗАПРЕЩЁН.

Ниже виднелась ещё одна надпись.

Более старая.

Почти стёртая.

СЕВЕРНЫЙ СЛУЖЕБНЫЙ КОНТУР.

Лея остановилась.

— Это здесь.

Ада посмотрела на дверь.

— Ты уверена?

— Да.

— Тогда почему у меня такое ощущение, что нас здесь ждут?

Лея не ответила.

Она осмотрела металлическую поверхность.

Ржавчина покрывала только внешние края.

Возле нижней петли виднелась светлая полоска.

Кто-то недавно смазывал механизм.

Ада тоже заметила.

— Дверь открывали.

Лея кивнула.

— И не один раз.

Они прислушались.

Тишина.

Ни голосов.

Ни шагов.

Только отдалённый гул промышленного района.

Лея проверила замок.

Он оказался старого типа, предназначенного для аварийных служебных проходов.

В нижней части сохранился механический узел доступа.

Она достала из кармана часы.

Ада нахмурилась.

— Ты ведь не собираешься открывать дверь ими?

— Нет.

Лея повернула крышку, рассматривая выгравированные лучи.

Затем посмотрела на старую маркировку станции.

— Просто хочу кое-что проверить.

Она подвела часы к небольшому символу на двери.

Двенадцатилучевое солнце.

Такое же, как на корпусе.

Ада замерла.

— Совпадает.

— Да.

— Думаешь, Тим использовал этот знак?

— Возможно.

Лея убрала часы.

Но теперь сомнений почти не осталось.

Именно через этот проход когда-то работали инженеры северного комплекса.

Здесь бывал её брат.

И, вероятно, мать.

Лея осторожно нажала на массивную ручку.

Дверь не поддалась.

Она попробовала ещё раз.

На этот раз услышала тихий щелчок внутри механизма.

Потом тяжёлая створка медленно сдвинулась.

Ада удивлённо посмотрела на неё.

— Открыто?

Лея нахмурилась.

— Похоже.

— Не нравится мне это.

— Почему?

— Потому что до сих пор все закрытые двери Ноктюрна очень старались оставаться закрытыми.

Лея осторожно потянула створку.

Из темноты пахнуло холодным воздухом.

Старый тоннель уходил куда-то глубоко в северную часть города.

Она включила фонарь.

Луч выхватил из темноты металлическую лестницу.

Ржавые поручни.

Бетонные стены.
Старую предупреждающую надпись.
ЗОНА ПОВЫШЕННОЙ ГЕРМЕТИЗАЦИИ.
Лея почувствовала, как сердце ускоряется.
За этой дверью начиналась территория, которую официально считали мёртвой.
И которая, возможно, никогда такой не была.
Первый участок тоннеля оказался сухим.
На полу лежала толстая пыль.
Местами она сохраняла следы старых транспортных колёс.
Но ближе к северному повороту Лея заметила другое.
Свежие отпечатки ботинок.
Они шли вдоль стены.
Прерывались возле небольшого технического шкафа.
Затем продолжались дальше.
Лея присела.
Провела пальцем по полу.
— Смотри.
Ада направила фонарь.
— Следы.
— Да.
— Недавние?
— Пыль ещё не успела полностью заполнить отпечатки.
Ада медленно выпрямилась.
— Значит, здесь кто-то ходит.
Лея подняла голову.
— И регулярно.
Они двинулись дальше.
Через несколько десятков метров тоннель расширился.
На стене виднелись старые крепления, к которым когда-то подходили трубопроводы.
Одна труба отсутствовала.
Вместо неё была установлена новая.
Тёмно-серая.
С современными соединениями.
Лея подошла ближе.
— Вот оно.
— Что?
— Новая вентиляционная линия.
Ада провела ладонью по корпусу.
— Совсем недавно поставили.
— Не позднее нескольких месяцев назад, судя по маркировке деталей.
Лея достала газоанализатор.
Поднесла датчик к вентиляционной решётке.
На экране появились цифры.
Концентрация кислорода — в нормальном диапазоне.
Углекислый газ — ниже, чем в большинстве жилых кварталов Ноктюрна.
Опасных примесей прибор не обнаружил.
— Чистый воздух, — прошептала Лея.
Ада смотрела на экран.
— Это может быть отдельная система фильтрации.

— Может.

Лея осмотрела трубу.

На соединении виднелся маленький знак.

Три короткие полосы.

Такой же, как возле старой галереи.

— Но где-то должен находиться источник.

Она проследила трубу фонарём.

Та уходила вверх.

К закрытому техническому этажу.

Именно туда вела старая лестница, обозначенная на карте.

— Нам нужно проверить, откуда он поступает, — сказала Лея.

Ада посмотрела на тёмные ступени.

— Я знала, что ты это скажешь.

На третьем повороте они обнаружили распределительный шкаф.

Он был старым, но вокруг креплений виднелись свежие царапины.

Лея осторожно открыла внешнюю сервисную панель.

Внутри находились датчики давления, контрольные клапаны и небольшой электронный блок.

На нём горел зелёный индикатор.

— Работает, — тихо сказала она.

Ада приблизилась.

— Но на городской карте здесь нет действующего оборудования.

— Именно.

Лея достала блокнот.

Переписала техническую маркировку.

Затем посмотрела на схему подачи воздуха.

И нахмурилась.

— Что такое? — спросила подруга.

— Смотри на стрелки.

Ада наклонилась.

— Воздух идёт сверху вниз.

— Да.

— И что?

Лея медленно подняла глаза.

— В обычной системе северного комплекса воздух должен поступать из центральной городской магистрали. Она находится ниже.

Ада посмотрела на схему.

Потом на трубу.

— Но здесь направление обратное.

— Именно.

— Получается...

— Воздух поступает откуда-то сверху.

Обе замолчали.

В Ноктюрне всё ещё преподавали, что внешний воздух смертельно опасен.

Что поверхность отравлена.

Что за пределами герметичных сооружений человек не проживёт и нескольких минут.

И тем не менее здесь, в закрытом тоннеле, существовала действующая система, подававшая воздух сверху вниз.

Без обозначений в современной технической документации.

Без официального энергоснабжения.

Без разрешений.

Лея медленно произнесла:

— Если он действительно поступает с поверхности...

Ада посмотрела на датчик.

— То кто-то подаёт его в закрытый городской сектор.

— Да.

— Но это ещё не доказывает, что он безопасен без очистки.

Лея кивнула.

— Верно. Фильтры и изоляция могли остаться за стеной.

Она убрала прибор.

Впервые за всё время расследования ей захотелось не просто найти ответы.

Ей захотелось вернуться в детство.

Сесть рядом с матерью.

И спросить:

«Мама, а почему мы живём под землёй, если наверху есть деревья?»

И посмотреть ей в глаза.

Просто посмотреть.

Чтобы понять, когда именно она начала лгать.

Через несколько минут в тоннеле раздался звук.

Тихий.

Неровный.

Похожий на скрип металла.

Ада мгновенно остановилась.

— Слышала?

Лея выключила фонарь.

Тьма сомкнулась вокруг них.

Несколько секунд ничего не происходило.

Потом звук повторился.

Где-то впереди.

За поворотом.

— Кто-то идёт? — прошептала Ада.

Лея прислушалась.

Нет.

Это были не шаги.

Скорее короткие удары по металлу.

Она медленно достала фонарь.

Включила минимальную яркость.

Луч скользнул по стене.

По старым трубам.

По массивной решётке.

И вдруг Лея заметила маленькую металлическую пластину, привинченную возле лестницы.

На ней был нарисован шестиконечный символ.

Звезда.

Тот самый знак, который мать оставляла на письмах.

Лея приблизилась.

Провела пальцем по изображению.

Под ним виднелись три царапины.

Две короткие.
Одна длинная.
Сердце болезненно сжалось.
— Тим...
Ада подошла ближе.
— Что?
Лея показала ей пластину.
— Наш сигнал.
Подруга наклонилась.
— Тот, который ты видела в солнечной кабине?
— Да.
Она коснулась металла.
— Он был здесь.
Впервые за четырнадцать лет пространство вокруг словно обрело форму.
Не просто тоннель.
Не просто старые механизмы.
Место, где ходил её брат.
Место, к которому он мог прикасаться.
Место, где он, возможно, оставил знак специально для неё.
Лея осторожно провела пальцами по царапинам.
— Я пришла, Тим, — прошептала она.
И тогда звук повторился.
На этот раз совсем близко.
Ада резко обернулась.
— Лея.
Из глубины тоннеля донёсся глухой удар.
Затем ещё один.
Как будто кто-то проверял металлическую дверь.
Обе женщины замерли.
А потом раздался голос.
Мужской.
Приглушённый расстоянием.
— Проверить северный контур. Приказ службы безопасности.
Ада схватила Лею за руку.
— Охрана.
Лея почувствовала, как холодеют пальцы.
Издалека донёсся второй голос:
— Центральная галерея чистая. Продвигаемся к насосному узлу.
Шаги приближались.
Ада посмотрела на Лею.
— Нас ищут?
— Возможно.
— Что делаем?
Лея быстро осмотрелась.
Справа находился небольшой технический отсек.
Старая дверь.
Частично открытая.
Она осторожно подтолкнула Аду туда.
Они вошли в узкую нишу за вентиляционным оборудованием.

Лея выключила фонарь.

Ада прижалась к стене.

Через несколько секунд в главном тоннеле появился яркий луч.

Затем второй.

Послышались шаги.

— Странно, — произнёс один из охранников. — По документам здесь всё законсервировано.

— Тогда почему нас отправили проверять?

— Не задавай вопросов.

Лея почувствовала, как Ада сильнее сжала её руку.

Мужчины остановились возле распределительного шкафа.

— Смотри. Питание есть.

— И что?

— Кто-то обслуживает систему.

— Нам приказано проверить проходы, а не составлять отчёт о вентиляции.

Послышался щелчок коммуникатора.

— Северный патруль, доложите.

— Находимся возле второго технического узла.

— Следов проникновения?

Пауза.

— Пока нет.

— Продолжайте проверку. Приоритет — внешняя герметичная дверь.

Лея едва не перестала дышать.

Внешняя герметичная дверь.

Значит, она действительно существовала.

И охрана знала о ней.

Один из мужчин раздражённо выдохнул.

— Не понимаю, зачем поднимать людей среди ночи из-за старой шахты.

Второй ответил тише:

— Говорят, кто-то снова пытался открыть северный маршрут.

— Кто?

— Девчонка из ремонтной мастерской.

Лея почувствовала, как Ада напряглась.

— Та самая, чья мать погибла недавно? — спросил первый.

— Похоже.

— Тогда неудивительно. Наследственное безумие.

Мужчины рассмеялись.

Лея сжала зубы.

Ада осторожно коснулась её плеча.

Не сейчас.

Шаги постепенно удалились.

Фонари исчезли за поворотом.

Они выждали ещё несколько минут.

Только потом Ада позволила себе выдохнуть.

— Теперь точно понятно, что нас ищут.

Лея молчала.

— Ле?

— Они идут к внешней двери.

— Да.

— Значит, путь пока свободен.

Ада уставилась на неё.

— Ты шутишь?

Лея медленно повернулась.

— Нет.

— Нас едва не обнаружили!

— Знаю.

— Они уже подозревают, что ты здесь!

— Значит, нужно решить быстрее.

Ада некоторое время смотрела на неё.

Затем тихо произнесла:

— Ты ведь не собираешься возвращаться?

Лея опустила взгляд на знак, оставленный возле лестницы.

Две короткие царапины.

Одна длинная.

— Не сейчас.

У старой лестницы они остановились.

Ступени уходили вверх, теряясь в темноте.

По чертежу подъем вёл к промежуточной технической станции.

А дальше — к герметичному внешнему шлюзу.

Лея посмотрела на Аду.

— Тебе лучше вернуться.

Подруга медленно приподняла брови.

— Ты сейчас серьёзно?

— Да.

— После всего, через что мы прошли?

— Именно поэтому.

Ада скрестила руки.

— Даже не начинай.

— Послушай меня.

— Нет, это ты послушай. Мы вместе нашли карты. Вместе разобрали часы. Вместе пришли сюда. И теперь ты предлагаешь мне повернуться и уйти?

— Если нас обеих задержат, никто не сможет передать найденные доказательства.

Ада замолчала.

Лея продолжила:

— Ты знаешь, как устроена система архивов. У тебя остались копии карт. Если со мной что-нибудь случится, ты сможешь...

— Не смей.

Голос Ады стал жёстким.

Лея подняла глаза.

— Что?

— Не смей говорить так, будто уже решила не возвращаться.

Ада шагнула ближе.

— Ты моя подруга, Лея. Не инженерный отчёт. Не неисправная машина. Не проект, который можно передать другому специалисту.

Лея почувствовала болезненный ком в горле.

— Я знаю.

— Тогда перестань вести себя так, будто мне будет достаточно твоих чертежей, если ты исчезнешь.

Они долго смотрели друг на друга.

Потом Лея тихо произнесла:

— Я должна узнать, жив ли Тим.

Ада закрыла глаза.

На секунду.

Затем медленно выдохнула.

— Знаю.

Она посмотрела на лестницу.

Потом на старый служебный переговорный разъём в стене.

— Хорошо. Сделаем так.

Лея насторожилась.

— Как?

— Я останусь у нижнего узла. Попробую восстановить связь через старую линию и проследить за патрулями. Ты поднимешься на первый верхний уровень, проверишь станцию и вернёшься.

— А если...

— Никаких «если». Не открывай внешний шлюз. Не трогай неизвестные механизмы. Если увидишь охрану — прячься и отходи.

Лея кивнула.

— Хорошо.

— И ещё.

— Что?

Ада посмотрела на неё необычно серьёзно.

— Не позволяй надежде сделать тебя безрассудной.

Лея опустила глаза.

— Постараюсь.

Подруга крепко обняла её.

— Я серьёзно, Ле.

— Знаю.

— Твой брат может быть жив. Но я не собираюсь потерять тебя ради того, чтобы это выяснить.

Лея закрыла глаза.

На мгновение ей показалось, что её обнимает мать.

Так же крепко.

Так же отчаянно.

Она осторожно отстранилась.

— Я вернусь.

Ада кивнула.

— Договорились.

Лея включила фонарь.

Подошла к лестнице.

Поставила ногу на первую ступень.

И начала подниматься.

Лестница казалась бесконечной.

Старые железные ступени уходили вверх по узкой вертикальной шахте. Каждые несколько метров Лея останавливалась, чтобы перевести дыхание и проверить состояние креплений.

Некоторые ступени проржавели.

Другие были неожиданно чистыми.

На одной она заметила свежую царапину от металлического инструмента.

На другой — каплю машинного масла.

Кто-то пользовался этой лестницей.

И совсем недавно.

Внизу постепенно исчез шум вентиляционных машин.

Вместо него появился другой звук.

Низкий.

Глухой.

Постоянный.

Лея не сразу поняла, что именно слышит.

Это напоминало далёкий гул большого механизма, но в звуке не было привычной равномерности.

Он усиливался.

Стихал.

Снова нарастал.

Словно что-то огромное двигалось где-то за каменными стенами.

Она остановилась.

Прислушалась.

Потом поднесла к уху переговорное устройство.

— Ада, слышишь меня?

В ответ раздался треск.

— Слышу. Только плохо. Ты где?

— Поднимаюсь по лестнице.

— Датчик воздуха?

— Показатели в норме.

— Давление?

— Стабильное.

— Хорошо. Не торопись.

Лея взглянула вверх.

Свет фонаря терялся во тьме.

— Ада...

— Да?

— Здесь какой-то странный шум.

— Какой?

— Не могу объяснить. Будто... что-то движется.

— Вентиляция?

— Не похоже.

Она снова прислушалась.

Шум стал чуть громче.

Теперь в нём различались короткие всплески.

Нерегулярные.

Мягкие.

Лея нахмурилась.

— Может быть, вода.

— Вода?

— Большой поток. Или...

Она замолчала.

В памяти неожиданно возникла старая книга.

Мира читала её маленькой Лее перед сном.

В книге рассказывалось об огромном голубом пространстве, в котором плавали рыбы и отражались облака.

Тогда девочка спросила:

— Мам, а море шумит?

— Да.

— Как наши трубы?

Мира улыбнулась.

— Совсем иначе.

— А как?

Мать долго думала.

Потом ответила:

— Как будто кто-то очень большой дышит.

Лея сильнее сжала перекладину.

В горле пересохло.

— Ада...

— Что?

— Мне кажется, я слышу ветер.

На другом конце связи наступила тишина.

Потом подруга тихо произнесла:

— Лея, будь осторожна.

Лестница закончилась на небольшой технической площадке.

Лея осторожно перелезла через металлический бортик.

Впереди находился узкий коридор.

Его стены были облицованы старой светлой плиткой.

Часть плиток потрескалась.

На полу лежали осколки стекла и строительная пыль.

Но среди мусора виднелась ровная полоса чистого покрытия.

Лея направила фонарь вниз.

Кто-то регулярно проходил здесь.

Достаточно часто, чтобы пыль не успевала оседать.

Она двинулась вперёд.

Через несколько метров обнаружила ещё одну вентиляционную трубу.

Эта была значительно шире предыдущих.

На ней находился современный клапанный блок с электронным индикатором.

Лея остановилась.

— Невероятно...

Корпус был установлен на старое крепление, но сам механизм выглядел новым.

Не просто отремонтированным.

Новым.

Она проверила серийную маркировку.

Изготовлен менее года назад.

Лея провела пальцами по чистому металлу.

Кто-то не только использовал северный тоннель.

Кто-то вкладывал значительные средства в его обслуживание.

Она осмотрела соединения.

Труба выходила из верхнего участка шахты, проходила через фильтрационный блок и уходила вниз, к скрытой системе воздуховодов.

На панели контроля светились зелёные цифры.

Давление — рабочее.

Фильтрация — активна.

Подача — постоянная.

Лея достала блокнот.

Переписала данные.

Затем заметила небольшую техническую наклейку.

На ней стояло обозначение:

ВК-7. ВНЕШНИЙ ВОЗДУХОЗАБОР.

Она замерла.

Прочитала ещё раз.

Внешний воздухозабор.

Не резервный.

Не внутренний.

Именно внешний.

По официальной версии, воздух поверхности оставался смертельно опасным.

Любое его проникновение в жилые сектора Ноктюрна должно было активировать аварийную систему изоляции.

И тем не менее здесь работала установка, предназначенная для его подачи.

Старая шахта не была мёртвой.

Она дышала.

Лея осторожно приложила ладонь к металлическому корпусу.

Ощутила лёгкую вибрацию.

Механизм работал ровно, без перебоев.

И вдруг ей стало страшно.

Не потому, что воздух мог оказаться ядовитым.

А потому, что кто-то знал о действующей системе.

Обслуживал её.

Скрывал.

И одновременно продолжал рассказывать всему городу, что любое соприкосновение с внешним миром означает смерть.

— Ада, — прошептала она в переговорное устройство.

Сначала послышались только помехи.

Потом голос подруги:

— Слышу. Что случилось?

— Я нашла систему подачи воздуха.

— Действующую?

— Да.

— Откуда?

Лея посмотрела на наклейку.

— С поверхности.

В линии повисла тишина.

— Ты уверена?

— На оборудовании указано «Внешний воздухозабор». Установка новая. Фильтрация активна. Показатели после фильтров в норме.

— Значит, кто-то использует наружный воздух.

— Да.

— Но он может проходить многоступенчатую очистку.

— Знаю.

Лея ещё раз проверила маркировку.

— И всё равно это означает, что система работает, хотя официально её не существует.

Ада тяжело выдохнула.

— Сфотографируй оборудование.

Лея достала маленькую техническую камеру.

Сделала несколько снимков.

Общий вид.

Серийный номер.

Панель управления.

Входную и выходную магистрали.

Затем убрала прибор.

— Готово.

— Теперь возвращайся.

Лея посмотрела на коридор.

За дальним поворотом виднелась старая дверь.

— Ещё немного.

— Лея...

— Я почти у верхней станции.

— Мы договаривались, что ты только проверишь первый уровень.

— Это и есть первый верхний уровень.

— Ты прекрасно понимаешь, о чём я.

Лея помолчала.

— Если там действительно выход, я должна его увидеть.

Ответа не было.

Она уже решила, что связь оборвалась, когда Ада тихо произнесла:

— Иногда мне кажется, что твой брат передал тебе не только часы, но и собственное безрассудство.

Лея слабо улыбнулась.

— Мама говорила то же самое.

— Тогда хотя бы раз послушай нас обеих.

Лея посмотрела на дверь.

— Ещё пять минут. Потом вернусь.

— Пять, — строго повторила Ада. — Не шесть.

— Обещаю.

Связь затрещала.

Затем оборвалась.

За поворотом находилась небольшая комната.

Старая наблюдательная станция.

Или то, что от неё осталось.

Вдоль стен стояли металлические шкафы.

На одном висела выцветшая схема оптических маршрутов.

Под потолком тянулись толстые кабели.

В центре помещения находился большой механический пульт, покрытый пылью.

Лея медленно обошла его.

На боковой панели виднелся знакомый знак.

Солнце с двенадцатью лучами.

Она поднесла к нему часы.

И вдруг заметила под символом едва различимую надпись:

С-17. СЕВЕРНЫЙ КОНТРОЛЬНЫЙ ПОСТ.

Сердце забилось сильнее.

Она пришла.

Это была та самая станция.
Место, к которому вели координаты её матери.
Место, связанное с исчезновением брата.
Она осторожно коснулась поверхности пульта.
На ней лежала старая пыль.
Но рядом с механическим замком виднелись свежие отпечатки пальцев.
Лея наклонилась.
Замок имел необычную форму.
Круглое углубление.
Двенадцать тонких направляющих.
И маленький фиксатор в центре.
Она посмотрела на часы.
Размер корпуса почти совпадал с углублением.
— Тим...
Лея медленно подняла руку.
Но остановилась.
Вспомнила предупреждение Элиана.
«Некоторые блокировки невозможно открыть обычным инженерным инструментом».
Вспомнила слова Ады.
«Не трогай неизвестные механизмы».
И не стала вставлять часы в замок.
Пока.
Вместо этого осмотрела пульт.
Некоторые рычаги были заблокированы.
Другие отсутствовали.
На маленькой металлической табличке сохранилась надпись:
ДОСТУП К ВНЕШНЕЙ ГЕРМЕТИЧНОЙ ДВЕРИ.
Лея почувствовала, как пересохло в горле.
Внешняя дверь.
Значит, она была совсем рядом.
Она медленно повернулась.
В дальней стене комнаты находился узкий проход.
За ним виднелась лестница.
Всего несколько пролётов.
И наверху — слабый свет.
Лея застыла.
Свет был неярким.
Почти незаметным.
Но она сразу поняла, что он другой.
Не холодный электрический.
Не золотистый искусственный.
Мягкий.
Неровный.
Он словно менялся с каждым движением воздуха.
Лея сделала шаг.
Потом ещё один.
И вдруг услышала звук, который заставил её остановиться.
Три коротких высоких тона.
Пауза.

Ещё два.
Затем длинная, почти музыкальная трель.
Лея замерла.
Что-то живое пело над её головой.
Не человек.
Не машина.
Не электронное устройство.
Она медленно подняла глаза.
Звук повторился.
На этот раз громче.
Чистый.
Звонкий.
Непохожий ни на один шум подземного города.
И внезапно Лея поняла.
Птицы.
Это были птицы.
Она знала, как они выглядят.
В детстве у неё была книга с рисунками животных.
На одной странице была изображена маленькая коричневая птица.
Под рисунком стояло слово «соловей».
Мира рассказывала, что когда-то люди просыпались от птичьего пения.
Лея тогда рассмеялась.
— Зачем птицы поют утром?
— Наверное, радуются новому дню.
— А ночью?
— Некоторые поют и ночью.
— А им не мешают машины?
Мира улыбнулась.
— Там, где живут птицы, не всегда есть машины.
Маленькая Лея долго смотрела на рисунок.
Потом спросила:
— Мам, а мы когда-нибудь услышим настоящую птицу?
Мира замолчала.
Слишком надолго.
А потом ответила:
— Надеюсь, моя девочка.
Лея вспомнила эти слова сейчас.
Так отчётливо, будто мать стояла рядом.
Она медленно подошла к лестнице.
Пение становилось громче.
Теперь различались несколько голосов.
Один высокий.
Другой более хриплый.
Третий совсем тонкий.
Они перекликались.
Перебивали друг друга.
Снова замолкали.
И начинали петь.
Лея почувствовала, как к горлу подступают слёзы.

Она впервые в жизни услышала нечто, что не было создано человеком.
Никто не нажимал кнопку.
Никто не задавал частоту.
Никто не управлял громкостью.
Птицы просто пели.
Потому что наступало утро.
Настоящее утро.
Где-то наверху.
За каменной толщей города.
Лея осторожно коснулась стены.
Потом закрыла глаза.
Мама, ты знала.
Мысль оказалась болезненнее, чем она ожидала.
Мира знала о птицах.
О деревьях.
О настоящем ветре.
Возможно, о людях, живущих на поверхности.
И всё это время позволяла дочери верить, что мир заканчивается бетонным потолком.
Лея почувствовала злость.
Мгновенную.
Несправедливую.
Почти детскую.
Почему ты мне не сказала?
Но сразу вспомнила пустую квартиру.
Украденные документы.
Предупреждения Элиана.
И мать, погибшую за два дня до того, как должна была показать дочери правду.
Возможно, Мира не просто скрывала тайну.
Возможно, она всю жизнь искала способ рассказать её так, чтобы Лея осталась жива.
Лестница вывела её к узкой площадке.
Здесь воздух был холоднее.
Лея осторожно вдохнула через защитную маску.
Ветер шевелил выбившиеся из причёски волосы.
Настоящий ветер.
Он проникал откуда-то сверху через вентиляционные проёмы.
Лея медленно опустила руку на поручень.
Под пальцами лежала тонкая влага.
Не масло.
Не конденсат промышленной системы.
Обычная вода, скопившаяся в маленькой неровности металла.
Она подняла фонарь.
Впереди возвышалась массивная герметичная дверь.
Огромная.
Почти четырёхметровая.
Из толстых стальных плит, стянутых рёбрами жёсткости.
В центре располагался круглый иллюминатор.
Его закрывало многослойное защитное стекло.
Вокруг двери тянулись старые предупредительные надписи.
Некоторые сохранились полностью.

ОПАСНОСТЬ ВНЕШНЕГО ЗАРАЖЕНИЯ.
ГЕРМЕТИЧНОСТЬ — ОСНОВА ВЫЖИВАНИЯ.
САМОВОЛЬНОЕ ОТКРЫТИЕ ЗАПРЕЩЕНО.
Лея остановилась.
Перед ней находилась граница Ноктюрна.
Не административная.
Не нарисованная на карте.
Настоящая.
Металлическая.
За этой дверью начинался мир, о котором ей всю жизнь рассказывали как о кладбище человечества.
Она медленно подошла ближе.
С каждым шагом сердце билось всё сильнее.
Из-за двери доносилось пение птиц.
Совсем тихое.
Но теперь она различала его отчётливо.
Где-то скрипнула ветка.
Послышался короткий порыв ветра.
Лея подняла голову.
И взглянула в иллюминатор.
Сначала она ничего не поняла.
За стеклом было голубое.
Не изображение.
Не экран.
Не нарисованный потолок.
Просто бесконечная голубизна.
Лея моргнула.
Сделала шаг ближе.
Потом ещё один.
За круглым стеклом открывалось небо.
Настоящее.
Огромное.
Живое.
По нему медленно двигались белые облака.
Лея никогда не видела облаков.
Только на картинках.
На экранах.
В музейных фильмах.
Но ни одно изображение не могло передать их движения.
Они словно плыли.
Меняли форму.
Сливались.
Расходились.
И совершенно не обращали внимания на человеческий мир.
Лея прижала ладонь к холодному стеклу.
— Господи...
Слово сорвалось само.
Она смотрела на небо, не в силах оторваться.
Где-то внизу виднелись верхушки деревьев.

Высоких.
Зелёных.
Настоящих.
Ветер двигал их кроны.
Листья переливались на солнце.
И вдруг Лея увидела маленькую птицу.
Она пролетела через открытый участок неба.
Быстро.
Свободно.
Без какой-либо цели, которую Лея могла бы понять.
Просто из одного конца видимого мира в другой.
Она невольно улыбнулась.
И тут же заплакала.
Потому что осознала страшную, почти невыносимую вещь.
Всё это существовало, пока она жила под землёй.
Пока ходила в школу.
Пока работала.
Пока праздновала дни рождения.
Пока хоронила брата.
Пока хоронила мать.
Небо не исчезало.
Птицы не переставали петь.
Деревья не умирали.
Кто-то просто решил, что она не должна этого видеть.
Лея опустилась на колени перед дверью.
Не от слабости.
От потрясения.
Ей хотелось смеяться.
Кричать.
Бежать.
Она не знала, какое чувство сильнее.
Радость.
Страх.
Или ярость.
— Мама...
Она прижалась лбом к холодной стали.
— Ты ведь знала.
В ответ раздалась короткая птичья трель.
Лея подняла голову.
И снова посмотрела в иллюминатор.
На этот раз её взгляд остановился не на небе.
А на дереве.
Узком стволе, видневшемся справа от двери.
Высокие ветви уходили вверх.
Их листья дрожали на ветру.
Лея узнала очертания.
Те самые, что видела в солнечной кабине.
Она судорожно достала фотографию брата.
Сравнила изображение.

На снимке позади Тима виднелись деревья.
Одна из ветвей имела необычный изгиб.
Лея приблизила фотографию к стеклу.
И вдруг увидела похожую ветвь за дверью.
Сердце болезненно сжалось.
Возможно, снимок сделали совсем рядом.
Тим мог стоять здесь.
По другую сторону.
Он мог смотреть на эту дверь.
Ждать, когда она откроется.
Лея приложила фотографию к груди.
— Тим...
Голос дрогнул.
— Я здесь.
Она осторожно коснулась стекла.
— Ты слышишь?
Конечно, он не слышал.
Но ей вдруг захотелось повторить:
— Я пришла.
Она смотрела на небо.
И впервые за четырнадцать лет не представляла лицо брата на холодном памятнике.
Она представляла его живым.
Идущим по траве.
Смеющимся.
Солнечный свет касался его волос.
Вокруг шумели деревья.
Лея закрыла глаза.
Только бы это было правдой.
Позади раздался тихий механический щелчок.
Лея не сразу обернулась.
Она всё ещё смотрела в иллюминатор.
Потом услышала голос.
— Отойдите от двери.
Мужской.
Холодный.
Слишком близкий.
Лея медленно повернула голову.
В проходе стояли четверо вооружённых охранников.
Тёмная форма.
Защитные маски.
Электрические карабины.
На груди — серебряный знак муниципальной службы безопасности.
Впереди находился высокий мужчина лет сорока с коротко остриженными волосами.
На его воротнике поблёскивал знак старшего инспектора.
Он держал оружие опущенным, но направленным в сторону Леи.
— Встаньте, — приказал он.
Лея медленно поднялась.
— Я ничего не сделала.
— Руки так, чтобы я их видел.

Она подняла ладони.

Фотография брата осталась зажата между пальцами.

Офицер заметил её.

— Положите предмет на пол.

Лея покачала головой.

— Это фотография.

— Я не спрашивал.

— Она моя.

Мужчина сделал шаг вперёд.

— Последнее предупреждение.

Лея медленно опустила снимок на пол.

Один из охранников подошёл.

Поднял фотографию.

Посмотрел.

Его лицо на мгновение изменилось.

Он быстро передал снимок старшему.

Тот взглянул на изображение.

Затем на Лею.

— Ваше имя?

— Лея Сольер.

Офицер посмотрел на своих людей.

— Подтвердилось.

У Леи похолодели пальцы.

— Что подтвердилось?

Мужчина не ответил.

Он убрал фотографию во внутренний карман.

Лея сделала шаг.

— Верните!

Охранники одновременно подняли оружие.

— Стоять!

Она замерла.

Старший инспектор приблизился.

— Меня зовут капитан Дариус Кейн. Служба внутренней безопасности Ноктюрна.

Лея смотрела на него.

— По какому праву вы меня задерживаете?

— Вы проникли на закрытый объект, находящийся под режимом санитарной изоляции.

— Я не открывала дверь.

— Вы находитесь в непосредственной близости от внешнего шлюза.

— Это не преступление.

— Незаконное проникновение в режимную зону — преступление.

Лея почувствовала, как внутри поднимается ярость.

— Тогда объясните, почему этот объект работает.

Кейн нахмурился.

— Что?

— Вентиляция. Оптические системы. Электроснабжение. На современных картах здесь ничего нет, но оборудование обслуживается. Кто это делает?

Капитан смотрел на неё неподвижно.

— Вы зададите свои вопросы после оформления задержания.

— Я спрашиваю сейчас.

— А я приказываю вам не приближаться к двери.

Лея повернулась к иллюминатору.

За стеклом медленно плыли облака.

Она посмотрела на капитана.

— Вы знаете, что там?

Он молчал.

— За дверью.

— Опасная зона.

— Нет.

Лея покачала головой.

— Там небо.

Один из охранников едва заметно повернул голову в сторону стекла.

Кейн резко посмотрел на него.

— Глаза на задержанную.

Охранник выпрямился.

Лея заметила.

И вдруг поняла, что дело не только в ней.

Этим людям тоже запрещено смотреть.

Они охраняли дверь, за которой находилось небо.

Но им самим, возможно, никогда не разрешали его увидеть.

— Посмотрите, — тихо сказала Лея.

Кейн нахмурился.

— Что?

— Просто повернитесь.

— Прекратите.

— Там птицы.

Капитан резко сжал челюсть.

— Достаточно.

— Вы слышите их?

Он молчал.

— Они поют.

Лея чувствовала, что говорит слишком быстро.

Но остановиться уже не могла.

— Там деревья. Настоящие. Они растут. Двигаются на ветру. Небо голубое. Воздух поступает сюда через действующую систему, а нам всю жизнь рассказывают, что снаружи только смерть!

Кейн сделал шаг вперёд.

— Замолчите.

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Вы ведь знаете?

На мгновение его лицо изменилось.

Лея поняла, что попала в самое болезненное место.

— Вы знаете, что там есть жизнь.

— Наденьте на неё ограничители, — приказал капитан.

Двое охранников двинулись к Лее.

Она инстинктивно отступила.

Спиной коснулась холодной двери.

— Не трогайте меня!

Один из мужчин схватил её за руку.

Другой попытался снять приборы с пояса.

Лея вырвалась.

— Я не сопротивляюсь! Уберите руки!

Кейн приблизился.

— Лея Сольер, вы задержаны по подозрению в незаконном проникновении на объект особой защиты и попытке нарушения режима внешней герметизации с угрозой смертельного заражения населения Ноктюрна.

Она застыла.

— Что?

— Вы услышали обвинение.

— Но я не трогала шлюз!

— Это установит расследование.

— Вы не можете обвинить меня в попытке заразить город только потому, что я увидела небо!

Кейн внимательно посмотрел на неё.

— Ваше присутствие здесь зафиксировано. У вас обнаружены инструменты, технические схемы и приборы для исследования атмосферных условий.

— Потому что я инженер!

— Именно поэтому вы могли понимать последствия своих действий.

Лея невесело рассмеялась.

— Значит, мои знания теперь доказательство преступления?

Капитан не ответил.

Охранник снова взял её за руку.

На запястьях защёлкнулись металлические ограничители.

Холодные.

Тяжёлые.

Лея посмотрела на них с неверием.

Её арестовали.

Не за убийство.

Не за воровство.

Не за причинённый кому-либо вред.

За то, что она попыталась узнать, что находится за дверью.

— Где моя фотография? — спросила она.

Кейн повернулся к выходу.

— Вещественное доказательство.

— Это снимок моего брата.

Капитан остановился.

— Ваш брат погиб четырнадцать лет назад.

Лея почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Нет.

— Согласно государственному реестру...

— Я знаю, что написано в вашем реестре!

Кейн медленно обернулся.

Она смотрела на него со слезами на глазах.

— Его похоронили дважды. Вы знаете это?

Офицер молчал.

— Сначала после аварии. Потом через шесть лет, когда якобы нашли останки.

Один из охранников настороженно посмотрел на капитана.

Лея продолжила:

— Моя мать потребовала независимую экспертизу. Ей отказали. А теперь у меня есть фотография, на которой он взрослый. Живой.

Кейн смотрел на неё несколько секунд.

— Снимок будет проверен.

— Верните его!

— Нет.

Она резко вдохнула.

— Вы даже не представляете, что забираете у меня.

Капитан не изменился в лице.

— Уведите задержанную.

Охранники повели Лею к лестнице.

Она оглянулась.

Дверь оставалась закрытой.

За маленьким иллюминатором светлело небо.

И вдруг её взгляд зацепился за нечто, чего она не заметила раньше.

На нижней части металлической створки виднелась надпись.

Она находилась чуть выше пола, сбоку от старой предупреждающей таблички.

Лея остановилась.

— Подождите.

Охранник дёрнул её за руку.

— Идём.

— Одну секунду!

Она смотрела на буквы.

Краска была светлой.

Неровной.

Совсем свежей.

Кто-то написал эти слова вручную.

Не на языке официальных предупреждений.

Не строгими печатными буквами государственных инструкций.

Обычным человеческим почерком.

Так, словно хотел, чтобы любой, кто однажды доберётся до этой двери, обязательно прочитал их.

Лея почувствовала, как перестаёт слышать окружающие звуки.

Охрана.

Шаги.

Металлический скрежет.

Всё исчезло.

Осталась только надпись.

«Снаружи никто не умер. Нас просто не выпустили».

Лея не сразу осознала смысл.

Она перечитала слова.

Потом ещё раз.

Нас просто не выпустили.

Не «мы не смогли выйти».

Не «выход был разрушен».

Не «снаружи было опасно».

Нас не выпустили.

Значит, кто-то пытался.

Значит, существовали люди, которые знали правду.

Значит, закрытые ворота могли быть не средством защиты.
А тюремной дверью.
— Кто это написал? — прошептала Лея.
Кейн обернулся.
— Что?
Она указала на надпись.
— Кто написал эти слова?
Офицер посмотрел на дверь.
И впервые за всё время его лицо изменилось по-настоящему.
Не раздражение.
Не презрение.
Страх.
Он быстро подошёл к створке.
Посмотрел на свежую краску.
Затем резко обернулся к подчинённым.
— Кто отвечал за последний осмотр внешнего шлюза?
Охранники переглянулись.
— Дежурная группа сектора, капитан, — ответил один.
— Когда?
— Около часа назад.
Кейн посмотрел на надпись.
— Этого не было в отчёте.
Лея почувствовала, как сердце забилось сильнее.
Значит, надпись появилась недавно.
Совсем недавно.
Возможно, уже после того, как она вошла в северный тоннель.
Или непосредственно перед её появлением.
— Кто-то был здесь, — тихо сказала она.
Кейн резко повернулся.
— Молчать.
— Кто-то написал это после последнего осмотра.
Он сделал шаг к ней.
— Я сказал, молчать.
Но Лея уже понимала.
Человек, оставивший фотографию.
Человек, подавший сигнал из солнечной кабины.
Человек, знавший старый семейный знак.
Возможно, все эти следы вели к одному имени.
Тим.
Её брат мог находиться совсем близко.
По другую сторону двери.
Лея посмотрела в иллюминатор.
В этот момент за стеклом пролетела птица.
Маленькая.
Тёмная.
Её крылья на мгновение пересекли голубое небо.
Лея улыбнулась.
Неожиданно для самой себя.
Кейн заметил.

— Что вас забавляет, госпожа Сольер?
Она медленно повернулась к нему.
— Ничего.
— Тогда почему вы улыбаетесь?
Лея посмотрела на надпись.
Потом на голубое небо.
И ответила:
— Потому что теперь я знаю, что моя мать не сошла с ума.
Кейн нахмурился.
— Что?
— И мой брат, возможно, тоже.
Охранник потянул её к лестнице.
Лея не сопротивлялась.
Она позволила увести себя от двери.
От света.
От запаха живых деревьев.
От настоящего ветра.
Но, прежде чем скрыться за поворотом, ещё раз обернулась.
И запомнила каждую букву.
«Снаружи никто не умер. Нас просто не выпустили».
Эти слова звучали страшнее любого обвинения.
Потому что теперь она понимала:
Ноктюрн мог быть не убежищем от погибшего мира.
Ноктюрн мог оказаться городом, из которого людям запретили выходить.
На нижнем техническом уровне Ада ждала возле распределительного шкафа.
Она услышала шаги раньше, чем увидела охрану.
Сначала решила, что возвращается Лея.
Поднялась.
Улыбнулась.
— Ну наконец-то...
Но улыбка исчезла.
Из-за поворота вышли вооружённые люди.
Между ними шла Лея.
С руками в металлических ограничителях.
Ада почувствовала, как кровь отхлынула от лица.
Она хотела броситься к подруге.
Позвать её.
Потребовать объяснений.
Но Лея заметила её первой.
И едва заметно покачала головой.
Не подходи.
Ада замерла в тени технической ниши.
Охрана прошла мимо.
Один из солдат направил фонарь в противоположную сторону, проверяя развилку.
Ада успела отступить глубже за вентиляционный блок.
Лея прошла всего в нескольких шагах.
Их взгляды встретились.
На мгновение.
Этого оказалось достаточно.

Ада увидела, что подруга напугана.

Но не сломлена.

Лея чуть повернула голову в сторону старой лестницы.

Потом опустила глаза на свой левый рукав.

Часы.

Они всё ещё находились на запястье.

Охрана не заметила их под тканью.

Ада поняла.

Сейчас её задача — не пытаться освободить подругу из рук вооружённого патруля.

Ей нужно сохранить всё, что они обнаружили.

Карты.

Копии документов.

Сведения о действующем воздухозаборе.

И найти способ сообщить о задержании тому, кто мог повлиять на решения Совета.

В памяти возникло лицо Элиана Роша.

Ада стиснула зубы.

— Проклятые аристократы, — прошептала она.

Но уже знала, куда отправится.

Лею вывели из северного тоннеля через служебный лифт.

Охранники молчали.

Капитан Кейн стоял рядом.

Его лицо оставалось неподвижным.

Лея смотрела на красные цифры, медленно сменявшие друг друга на панели.

Двадцать пятый уровень.

Двадцать четвёртый.

Двадцать третий.

Они спускались обратно в Ноктюрн.

В мир без неба.

Без ветра.

Без птиц.

Туда, где солнце принадлежало богатым, а сама мысль о свободной поверхности могла стать причиной ареста.

Лея осторожно пошевелила пальцами.

Металлические ограничители больно впились в кожу.

Кейн заметил её движение.

— Не пытайтесь освободиться.

— Я и не пытаюсь.

— Тогда стойте спокойно.

Она посмотрела на него.

— Капитан.

Он промолчал.

— Вы когда-нибудь видели настоящее небо?

Кейн медленно повернул голову.

— Это не относится к вашему делу.

— Значит, видели.

Он ничего не ответил.

Лея продолжила:

— А птиц слышали?

— Прекратите.

— Знаете, какой у них звук?

Кейн резко посмотрел на неё.

— Я не обязан отвечать на ваши вопросы.

Лея улыбнулась.

Печально.

— А я не обязана верить вашим ответам.

Офицер отвернулся.

Несколько секунд они молчали.

Потом он неожиданно произнёс:

— Даже если за дверью существует жизнь, это не означает, что она безопасна.

Лея внимательно посмотрела на него.

В его голосе впервые прозвучало нечто, похожее на настоящее убеждение.

— Вы боитесь, что люди погибнут, если выйдут?

— Я видел достаточно последствий нарушения санитарных протоколов.

— Где?

Он замолчал.

Лея не стала настаивать.

Вместо этого тихо спросила:

— А если однажды выяснится, что опасности больше нет?

Кейн медленно повернулся.

Она выдержала его взгляд.

— Вы откроете двери?

Вампирские дома управляли городом почти полтора века.

Поколения людей рождались и умирали под землёй.

И за все эти годы никто не научил их задавать этот простой вопрос.

А если опасности больше нет?

Кейн долго смотрел на Лею.

Потом произнёс:

— Моя работа — не принимать такие решения.

— А чья?

Он отвёл глаза.

— Совета.

Лея кивнула.

— Значит, всё-таки есть люди, которым разрешено решать, увидят ли остальные солнце.

Офицер ничего не ответил.

Лифт остановился.

Двери открылись.

Впереди находился длинный коридор с холодным белым освещением.

На стене висел герб Ноктюрна.

Золотое солнце.

Двенадцать лучей.

Под ним — знакомые слова:

ПОРЯДОК. БЕЗОПАСНОСТЬ. ПРОЦВЕТАНИЕ.

Лея посмотрела на герб.

И впервые за всю жизнь почувствовала к нему не уважение.

Жалость.

Потому что город, способный запереть сотни тысяч людей ради сохранения собственного порядка, должно быть, очень сильно боялся того, что находится за его стенами.

В кабинете Бастиана Крога зазвонил служебный коммуникатор.

Начальник технического управления поднял трубку.

— Слушаю.

На другом конце линии раздался голос капитана Кейна:

— Объект задержан.

Крог медленно выпрямился.

— Где?

— Северная наблюдательная станция. Внешний герметичный шлюз.

Он закрыл глаза.

— Она добралась до двери?

— Да.

— Открыть пыталась?

— По предварительному осмотру — нет.

Крог молчал.

— У неё были технические инструменты, карты и средства контроля атмосферы, — продолжил капитан. — Оформляем задержание по обвинению в попытке нарушения внешней герметизации.

Бастиан провёл ладонью по лицу.

— А часы?

— Какие часы?

Крог замер.

— Старинные. Латунные. С символом солнца.

Пауза.

— При личном осмотре пока не обнаружены.

Крог резко поднялся.

— Не проводите дальнейших действий до моего прибытия.

— Капитанская служба уже передала отчёт в Центральное управление безопасности.

— Кому именно?

— В канцелярию леди Агаты Вейр.

Крог медленно опустился в кресло.

Несколько секунд он смотрел в пустоту.

Потом тихо произнёс:

— Тогда мы опоздали.

— Простите?

— Ничего, капитан.

Он положил трубку.

На столе лежала старая фотография.

Мира Сольер.

Тимоти Сольер.

И маленькая Лея.

Снимок был сделан много лет назад.

Ещё до первой трагедии.

Крог долго смотрел на него.

Затем перевернул.

На обратной стороне рукой Миры было написано:

«Однажды они увидят настоящее утро».

Бастиан закрыл глаза.

— Прости меня, Мира.

В его голосе не было облегчения.

Только усталость.

Он осторожно положил фотографию обратно в ящик.

Потом достал чистый лист.

И написал короткое сообщение.

Лорд Элиан Рош.

Лея Сольер задержана.

Северный объект С-17.

Совет уже уведомлён.

Он некоторое время смотрел на текст.

Затем добавил ещё одну строку:

Если вы когда-нибудь собирались исполнить обещание, данное Мире, сейчас последний шанс.

Крог отправил сообщение.

И впервые за много лет ему стало страшно не за собственную жизнь.

Лея сидела в маленькой камере временного содержания.

На стенах не было окон.

Только серый камень.

Узкая скамья.

Тусклая лампа.

Охранник изъял её инструменты, коммуникатор и фотографию.

Часы пока оставались под рукавом, но Лея понимала, что рано или поздно их найдут.

Она осторожно коснулась холодного латунного корпуса.

Шесть семнадцать.

Стрелки не двигались.

За дверью прошли люди.

Послышались голоса.

Затем всё стихло.

Лея откинулась к стене.

Закрыла глаза.

И вдруг услышала в памяти пение птиц.

Она могла воспроизвести каждую ноту.

Каждую короткую трель.

Каждый живой, свободный звук.

Ей казалось, что если она сосредоточится, то снова почувствует ветер на лице.

Увидит облака.

Вспомнит голубое небо.

И брата, который, возможно, прямо сейчас стоит под настоящим солнцем.

Лея медленно улыбнулась.

У неё отняли фотографию.

Отняли свободу.

Возможно, собирались отнять даже право задавать вопросы.

Но одно они уже не могли изменить.

Она увидела небо.

Настоящее.

И теперь никакие официальные документы, никакие угрозы, никакие решения Совета не заставят её поверить, что его не существует.

Лея подняла голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.